

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

След лисицы на камнях

Annotation

У детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина необычное дело. Их клиент – убийца. Впрочем, было ли убийство? Или это чья-то чудовищная мистификация?

Поиск жертвы, которой не было, подобен игре в салочки с призраком. Поднимаются тени прошлого, открываются давно забытые тайны, причудливо сплетаются правда и ложь. Победителей не будет. Сумеют ли детективы Бабкин и Илюшин не проиграть? И не разведет ли их огненный лисий хвост по разные стороны баррикад?

Читайте об этом в новом детективе Елены Михалковой «След лисицы на камнях».

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Эпилог](#)
-

Елена Михалкова
След лисицы на камнях

Глава 1

* * *

– Я хочу, чтобы вы нашли пропавшего человека.

Красильщиков сделал жест, до странности противоречащий словам: будто этот человек стоял за дверью и его нужно было остановить во что бы то ни стало.

Люди, про которых ему сказали, что это лучшие частные детективы Москвы, ждали молча – спокойные и невозмутимые. Он предпочел бы любую другую реакцию. Любопытство. Недоверие. Насмешку. Все, что угодно, лишь бы избежать ощущения, будто он выступает перед судьями.

Теперь ему каждый встречный казался судьей. Ночью в дом попросился кот Арсений, и, впусив продрогшего зверя, Красильщиков внезапно схватил кота, уткнулся ему в шею и попытался зарыдать. Исторг из себя лишь нелепые булькающие звуки: так клокотал кран в его городской квартире, когда летом отключали воду. Кот стал вырываться, пришлось спустить его на пол. На полу Арсений передернул шкурой и удалился, опасливо поглядывая на хозяина.

Вспоминать об этом Красильщикову было стыдно. И неловко перед котом за малодушие.

– Мы как раз специализируемся на розыске пропавших людей, – мягко сказал один из сыщиков. – Вас не затруднит изложить детали, Андрей Михайлович?

Красильщиков вдруг совершенно успокоился.

– Детали таковы, – сказал он. – Я убил человека, спрятал тело и хочу, чтобы вы его нашли.

Наступило молчание.

– Как вы его убили? – спросил наконец тот же самый детектив. Его напарник за все это время не проронил ни слова. Если бы он не поздоровался, войдя, Красильщиков заподозрил бы, что он немой. Немой телохранитель.

– Не его, а ее, – сказал Андрей. – Я ее задушил.

Он сел на табуретку и посмотрел в окно. За окном стоял черно-белый мир, оттененный сепией. По тропинке ковыляла старуха Худякова. За Худяковой бежала собака Белка. Голубой пряжей вился над крышами дым.

Из этого мира его вскоре выдернут, точно нитку из тканой салфетки, которые он покупал в соседней деревне со странным названием Уржиха. Столько дел осталось...

– Пол Яковлевой не утеплит, – пробормотал он, на миг забыв о частных детективах.

Короткое покашливание вернуло его к реальности.

– Я задушил Веру Бакшаеву, – твердо сказал Красильщиков. – Пятнадцатого августа. Ровно три месяца назад.

– Она была вашей подругой?

– Я знал ее два часа.

Сыщик по имени Макар Илюшин откинулся на стуле и взглянул на него едва ли не одобрительно.

– Рассказывайте, – попросил он. – С самого начала.

Андрей Михайлович ненадолго задумался. Знать бы, где начало у этой истории... Когда он впервые увидел руины? Когда Ира сказала, что уходит, потому что не хочет больше мириться с его одержимостью?

Если здраво посмотреть на вещи, любую историю следует начинать словами «Я родился в таком-то году».

– Три года назад я купил этот дом, – сказал Красильщиков. – Все деньги, которые у меня были, вбухал в реставрацию. Честно говоря, я вложил сюда все, что имел. Это даже не о материальном... А вообще. В целом.

Он закурил, открыл форточку. Сигаретный дым, вместо того чтобы вытянуться наружу, сунулся туда на пару секунд и вернулся с целой толпой запахов: острым воздухом, рыбьей чешуей, гарью и чем-то железно-яблочным, словно за окном резали ножами антоновку.

– Я заключил договор с женщиной, которую звали Надежда Бакшаева. Покупка обошлась мне в три миллиона. Я бросил все свои дела в городе и начал заниматься восстановлением дома. Сейчас он практически закончен. Кое-что осталось привести в порядок на втором этаже, в музыкальных комнатах... И еще беседки! При Вершинине в саду были две беседки, очень красивые... – Красильщиков спохватился, что снова говорит не о том. – Я жил здесь очень счастливо и уже подумывал звать на следующее лето гостей. А затем появилась эта женщина.

Он вспомнил, как Вера обошла столовую, хозяйски похлопывая по старинным деревянным стульям, которые ему накануне привез мастер из Владимира. Оплывшая, неряшливая, с мучнистым лицом, на котором играла хитрая улыбка. Как остановилась напротив него, облизнула губы, и в душе у него шевельнулось предчувствие беды.

– Ее звали Вера Бакшаева. Она оказалась старшей сестрой Надежды. Земля и дом на самом деле принадлежали ей.

– Как так получилось?

– Они с сестрой похожи. Я заключил сделку с младшей, а настоящей владелицей была старшая. Вера показала мне завещание родителей: там говорится, что участок и разрушенный дом переходят ей, а второй дом, благоустроенный, с огородом и садом, остается ее сестре.

– Подождите, – остановил его Макар. – Все равно ничего не понял...

– Да что здесь понимать! Меня обманули, вот и весь сказ. Старшая Бакшаева была здесь последний раз десять лет назад и, уезжая, забыла паспорт.

Молчаливый «телохранитель» издал невнятный звук.

– Паспорт! – повторил Илюшин, прозревая. – Хотите сказать, младшая сестра по паспорту старшей продала вам вот это все?

Он сделал широкий жест рукой.

– Да. Никто из деревенских не знал, кому на самом деле принадлежала земля, которую я купил. Некому было вправить мне мозги. Надежда Бакшаева получила от меня три миллиона, а пятнадцатого августа явилась ее сестра Вера. С завещанием...

Показала завещание? О нет. Она тыкала этой проклятой бумагой ему в зубы. Она верещала так, что перепуганный кот обшипел ее и спрятался за буфетом. Она орала, что не позволит ее облапошить, что он у нее по этапу пойдет голый и босой, а когда Красильщиков пытался воззвать к ее разуму, выпалила ему в лицо, что на зоне ему не поздоровится, потому как обидел сироту, а правильные воры такого не прощают. Совершенно ошеломленный, Андрей не сразу понял, что «сирота» – это она о себе.

– В общем, она требовала назад свой дом.

– Вы же добросовестный приобретатель!

– Ну и что? Вера размахивала гражданским кодексом и цитировала мне наизусть целые параграфы. Я стал жертвой мошенничества, и она отлично это понимала.

Илюшин нахмурился, припоминая.

– В законе сказано о неотделимых улучшениях...

– Верно, – кивнул Красильщиков. – Я – добросовестный приобретатель. Добросовестный приобретатель имеет право получить от истинного собственника стоимость неотделимых улучшений. Я сказал об этом Вере, когда немного пришел в себя.

– А Бакшаева?

– Расхоталась мне в лицо. Заявила, что у ее мужа в Москве квартира, они продадут ее и вручат мне мои «неотделимые улучшения» в денежном эквиваленте. Она выражалась несколько проще... Но смысл был именно таков. Я сказал ей, что за три года вложил сюда, по самой скромной оценке, двадцать миллионов. Что я сросся с этим домом... Вере было плевать. Она собиралась отдать деньги и вышвырнуть меня отсюда.

Он закурил. Теперь оба сыщика смотрели на него очень внимательно. Андрею Михайловичу даже показалось, что младший, задававший вопросы, догадывается о той части истории, которую Красильщиков утаил. О том, как он плакал перед этой наглой бабой. Как бухнулся на колени, умоляя не отнимать у него терем. Обещал найти любые средства, влезть в долги, дать ей столько, чтоб хватило до конца жизни.

Определенно, происходящее было Вере по душе. «Ты свое в хоромах пожил – дай другим пожить», – отрезала она. В каких хоромах? Еще полгода назад здесь были голые стены. Красильщиков пытался ей что-то объяснить, он поднялся с пола и твердил, отряхивая колени, что это ведь не дом – это музей, ему полторы сотни лет! – и только услышав ее хохот, осознал, до чего он смешон. «Не скули, лысина, – отсмеявшись, сказала Вера. – Иди вещи пакуй. Чемодан-вокзал-Тамбов».

«Сначала суд выиграй», – сказал Красильщиков, пытаясь собрать остатки самообладания. «Выиграю. – заверила Бакшаева. – Недолго тебе осталось. Эх, яблочко мое вкусное, – вдруг пропела она удивительно чистым голосом, – мы буржуя шуганули, морда гнусная».

На полке лежал гребень – безделушка, купленная вместе с салфетками. Единственным его безусловным достоинством был возраст: если верить бывшей хозяйке, гребень принадлежал ее прабабке. Красильщиков любил эту грубоватую поделку с вырезанной на деревянной ручке птицей Сирином, длинной, как такса, и такой же носатой. Половину зубьев гребень потерял, и теперь в нем не осталось ни красоты, ни смысла, – лишь притязание на обладание тем и другим, да и то обращенное в прошлое.

Вера Бакшаева взяла его, повертела. И вдруг без всякого усилия переломила пополам. Высохшая от старости птица жалобно крякнула напоследок, и голова осталась у Веры в левой руке, а облезлый хвост – в правой.

– Меня к ней швырнуло, будто толкнули в спину, – сказал Красильщиков, глядя себе под ноги. – По-другому не описать. Перед глазами встала... не то чтобы пелена, а как будто из воды смотришь на тех, кто ходит по берегу. И в ушах пробки. Когда я очнулся, Вера лежала на

полу мертвая.

Пальцы прилепились к ее шее. Он некоторое время всерьез рассматривал безумную идею, что зачем-то в беспмятстве намазал их клеем, пока не сообразил, что это судорога.

– Я проверил пульс. Пульса не было. Лицо у меня горело. Я подошел к зеркалу, оказалось, что кожа расцарапана. Бакшаева сопротивлялась! Понимаете? Я ее убивал, а она сопротивлялась...

Красильщиков хотел еще что-то сказать, но замолчал. Он провалился в то состояние, когда сидел рядом с мертвым телом и не ощущал ничего, кроме невероятности происходящего с ним. Так, наверное, голова катится с плахи, еще успевая в угасающем сознании зафиксировать кувыркнувшийся мир и осевшее безголовое тело.

Ему казалось, он погрузился в воспоминания всего на несколько секунд. Но когда Красильщиков вынырнул, оказалось, что эти двое стоят перед ним. Громила протягивал стакан воды. Значит, успел сходить на кухню, налить, вернуться... Его младший напарник смял в пепельнице сигарету, которую курил Андрей Михайлович.

– Выпейте, – сказал «телохранитель».

Андрей отпил и только тогда увидел на штанах рассыпчатую гусеницу пепла. Он уронил сигарету и даже не заметил.

– Извините.

– Сможете рассказать, что было потом?

Андрей Михайлович вытер со лба холодный пот.

– У вас часом с сердцем проблем нет? – спросил громила.

Красильщиков усмехнулся:

– Были бы у меня проблемы с сердцем, я бы сдох еще тогда, когда Бакшаева сообщила, что отнимет у меня дом. Не беспокойтесь. При вас не окочурюсь.

Он допил воду и перевел дыхание.

– Был август, ночь. Я сидел рядом с Бакшаевой и думал, что делать дальше. Когда-то в десяти километрах отсюда был пионерский лагерь. Сейчас там все заброшено, даже домов не осталось. Один местный старик, Яковлев, притащил оттуда скульптуру пионера с горном. Она тяжеленная – армированный фибробетон... Соседи ему помогли. Сначала Яковлев хотел шутки ради установить горниста у себя перед домом, но постепенно эта идея позабылась. Вскоре и Яковлев скончался. У нас перед магазином, через дорогу, есть небольшая площадь. Я предложил вытащить пионера

туда. Даже постамент заказал.

– Зачем?

Красильщиков пожал плечами:

– Вещи должны жить среди людей. В этом их смысл. И потом, горнист – это же история... Дети будут приезжать на каникулы, расспрашивать, родители станут им объяснять, как все было... Да. Так вот, за пару дней мы выкопали яму под фундамент. Горнист лежал рядом. Установить его мы собирались в выходные. Я вытащил тело Бакшаевой из дома, погрузил в тележку, – голос Красильщикова стал почти бесстрастен. – Отвез на площадь. Опалубка уже была готова. Сгрузил ее в яму, присыпал землей. Я знал, что самое опасное для любого убийцы – если труп раскопают собаки, но надеялся, что за несколько дней они его не отыщут.

– Вы действовали один? – спросил Макар.

Андрей удивленно посмотрел на него.

– Один, конечно. Убил-то я ее в одиночку. На следующее утро мы залили фундамент цементом. Я убедил односельчан, что действовать нужно быстрее. В четверг воздвигли постамент, и на него подняли горниста.

– А сестра убитой? – подал голос громила.

– Надежда не задала мне ни одного вопроса. Несомненно, прежде чем идти ко мне, Вера должна была побывать у нее, ей попросту негде было больше остановиться. Но с того дня, как я убил Веру, Надежда притворялась, что никого не видела. Это было в ее интересах: она ведь смошенничала, продавая мне участок и дом. Мы с ней не перекинулись ни единым словом. Я ждал, что она явится, но этого так и не случилось.

Громила кивнул, похоже, удовлетворенный объяснением. Фамилия у него была нелепая, до странности не соответствующая облику. Женская какая-то. Машкин? Теткин? Нет, кажется, Бабкин. То ли Семен, то ли Сергей...

– Значит, вы закопали труп и стали жить дальше, – сказал Макар Илюшин. – Так?

– Так.

– Вы кому-нибудь еще рассказывали о том, что случилось?

– Полиции, – ответил Красильщиков.

Бабкин с Илюшиным переглянулись.

– С этого места подробнее, если можно, – пробасил первый.

– В октябре я понял, что дальше так жить не смогу. Я, собственно, понял это раньше, но до октября пытался переубедить самого себя. У меня ничего не получилось. Тогда я поехал в райцентр и написал явку с повинной.

Сыщики смотрели на него во все глаза. Они были до того похожи на детей, слушающих увлекательную сказку, что Андрей едва не рассмеялся. Похоже, им нечасто встречались раскаявшиеся преступники.

– Явку с повинной?

– Да.

– И что полиция? – недоверчиво спросил Бабкин.

– Они поехали вместе со мной откапывать труп Веры. Сняли горниста с постамента. Разрыли землю. Тела там не было.

Короткий изумленный свист, изданный громилой, послужил Красильщикову слабым утешением: хоть кто-то удивился, кроме него. Двое хмурых ментов в тот день стояли возле разрытой могилы с такими лицами, будто ничего иного и не ожидали.

– Я клялся, что во рту у меня не было ни капли спиртного, что своими руками задушил женщину и сбросил ее труп в яму. Твердил, что я должен сидеть в тюрьме. Знаете, что они мне ответили? «Покажи тело – посадим». Им все было пофиг – хоть убийство, хоть явление Христа. Я пошел к Надежде... Она отказалась со мной говорить. Никакой сестры она не видела, а я сумасшедший.

– А улики? – спросил Макар Илюшин. – У вас остались вещи, доказывающие, что Вера была в вашем доме?

– Я же не идиот, – невесело усмехнулся Красильщиков. – Ночью уничтожил все следы. У Веры свалилась с ноги туфля, так я сжег ее, когда вернулся. Бросил в печь, а то, что скукожилось и не хотело сгорать, унес в лес и закопал. Хотя подождите...

Он встал, вышел из комнаты и вскоре вернулся с разломанным гребнем в руках. Положил его на стол перед сыщиками. Бабкин и Илюшин молча смотрели на деревянные обломки.

– Я хочу, чтобы вы нашли, куда исчезло ее тело, – сказал Красильщиков и поднял на Макара измученный взгляд. – Не могу больше так жить. Не хочу. Или в тюрьму, или в петлю – других путей для меня нет. Помогите мне. Я не сумасшедший. Я убийца. Помогите.

* * *

Едва они вышли, ветер шагнул им навстречу и тщательно ощупал каждого, словно инспектор по досмотру при пересечении границы.

– Что думаешь? – спросил Сергей Бабкин, поднимая воротник своей новой куртки. Куртка была норвежская, синяя, новинка сезона, и Бабкин

смотрелся франтом.

– Черт его знает... – Илюшин поежился в своем пальто. – Странный рассказ. Странный мужик.

– Слишком много несостыковок?

– Несостыковки – неотъемлемая часть любой правдивой истории. Меня удивляет другое: отчего полиция не возбудила дело? Самое логичное объяснение: он – местный сумасшедший, которого все знают.

– Этот сумасшедший заплатил нам сумасшедший аванс, – напомнил Сергей.

Макар с сомнением покачал головой.

– Задушил тетку в аффекте – может такое быть? – спросил Бабкин и ответил сам себе: – Запросто. Тело прикопал – возможно? Еще как! Я бы тоже от него избавился на его месте. Совесть за два месяца замучила – допускаем? Вполне. Я, конечно, считаю: если закопал, пусть лежит. Но я и не Красильщиков. Скажем, у меня хаты такой нет и не предвидится.

Они отошли подальше и обернулись.

– Натуральный Билибин, – сказал Макар после паузы.

– Чего?

– Билибин, говорю. Художник известный. Был. Вот он мог бы такой терем написать, может, даже и есть где-нибудь среди его иллюстраций к сказкам, надо поискать.

Сергей промолчал. Фамилия «Билибин» ему ничего не говорила, и что там углядел Макар, было неясно. А только красивущая изба, чего не отнять, того не отнять. Не зря Красильщиков называет ее теремом. Точно, терем. Сказочный! Трехэтажный, бревенчатый, с ажурными наличниками, похожими на бумажные снежинки, которые Маша каждый декабрь клеит на окна. Широченное крыльцо едва ли не просторнее, чем кухня в квартире Бабкина. Свесы кровли оформлены синими подзорами с цветочным орнаментом. Над четырехскатной крышей крутится флюгер – петушок.

– Допустим, этот бедняга говорит правду, – сказал Илюшин, поевшись на ветру. – Куда могло исчезнуть тело?

Красильщиков уверял их, что ночью его никто не заметил. «Здесь только сторож с колотушкой ходит, следит, чтобы пожара не было. И то не уследил, все равно загорелось. Правда, август очень сухой стоял...»

– Кто-то выкопал и перепрятал. Зачем – вот это вопрос!

– У меня есть ответ, но он тебе не понравится.

– Выкладывай!

– Камышовский некрофил. Это был его звездный час. Тело не закопано, а хранится в подполе среди соленых помидоров и вишневого

компота.

– Тьфу ты! Я думал, у тебя в самом деле хорошая идея.

– Хорошая идея, Серега, здесь может быть только одна. – Илюшин натянул шарф до носа. – Опрашиваем свидетелей, а потом решаем, беремся за дело или нет.

* * *

Надежда Бакшаева, 42 года

Толстая неопрятная женщина с оплывшим лицом. Выглядит старше своего возраста. Пьяна или притворяется пьяной.

– Чего? Верку мою грохнул? Ха-ха-ха! Бухать надо меньше, вот что я скажу. Алкашня! Верка сюда носу не кажет. Мы для нее хуже грязи!

Мне-то откуда знать, когда она приезжала? Думаешь, я на календаре день отмечаю, когда Вера Павловна решила нас осчастливить?

Нету у меня ее телефона. Зачем мне ей звонить? Пусть сначала она меня с именинами поздравит, а там поглядим.

Про Красильщикова тебе здесь любой скажет: у него с головой не в порядке. Из-за него на меня дело завели. Какое-какое – уголовное! Вроде как я Веркину землю незаконно продала. Я, между прочим, продала с ее разрешения, она мне руки за это целовать должна. Верка у меня в ногах валялась, плакала: Христом Богом, Наденька, найди покупателя. Даже паспорт свой оставила. А кто на эту развалину позарится! Нашелся один дурак, да и тот свихнулся. Пьет много... Как сюда приехал, ни одного дня трезвым не ходил.

Я тебе третий раз повторяю: ноги Веркиной здесь не было, считай, лет десять. Я как вершининский дом продала, деньги ей отправила. Не твое дело – сколько! Сколько надо, столько и отправила.

Ты зачем фоткаешь? Это кто тебе разрешил? Проваливайте отсюда! Фоткает он, ты погляди... Вражина!

Григорий, сосед Бакшаевой, охотник

Очень высокий и крепкий человек лет шестидесяти, по-видимому, огромной физической силы. Плоское желтушное лицо, вывернутые толстые губы, черная борода без единого седого волоса.

– Если Вера и приезжала, я не видел. Я в хату только ночевать возвращаюсь. Убил? Это Красильщиков языком впустую мелет. Кишка у него тонка убить. Он, помню, на охоту со мной однажды напросился.

Храбрый такой шел, брюхо тазом, морда кирпичом. А как до дела дошло, визжал громче свиньи. Я бы на его месте от стыда рехнулся. А этот ничего, живет. Егерям на меня донес.

Он на своем тереме умом двинулся. Не знаю, где там чья земля. Не мое дело.

Верка тут не бывает. Она в город уехала. Слышал, то в Ростове жила, то в Москве, то на севера подалась. Здесь за хозяйку Надежда. У Надежды-то детишек нет. С мужиком своим развелась.

А Красильщиков пьет. И лезет куда не надо. Наворовал, а теперь барином ходит. Видали таких бар! С голым задом по кустам.

Пятнадцатого августа? Врет. Пятнадцатого у нас пожар был, полночи на ушах стояли. Надькин дом и занялся как раз. Красильщиков тоже тушил. У него нервишки-то слабые. Видать, потому и насочинял всякого.

Ехайте по домам, мужики. Зря здесь околачиваетесь. У нас не кино, показать вам нечего. Только время потратите и глаза намозолите. Кому? Мне, допустим. Не надо вам этого.

Нина Ивановна Худякова, местная жительница

Высокая старуха с голубыми глазами. Ходит с клюкой, не хромает. Одета в юбку и телогрейку, голова покрыта платком.

– Чушь собачья! Андрей Михайлович никого убить не мог. Святым его не назову, но человек он очень хороший, редкий человек. На нем вся Камышовка держится.

В Уржихе церковь есть, я каждый раз как в ней бываю, свечку ставлю за его здоровье. Всем миром строили, и Андрей Михайлович помог.

Там такое дело вышло: начали возводить, а деньги закончились. Священник придумал: будем, говорит, кирпичи продавать прихожанам. По триста рублей кирпичик. Кто купит, того фамилию напишем на кирпиче, а потом из них выстроим нашу церковь. И все рванули у него покупать. Даже издалека бывали. Он с туристической фирмой договорился, чтобы паломников везли. Один раз доставили китайцев – смешно получилось! Переводчик их имена на русском написал, а там непотребство на непотребстве. В общем, Андрей Михайлович узнал, как собираются деньги, и возмутился. Где же, говорит, ваше смирение? Зачем же, говорит, вы поощряете в людях гордыню? Разве должны они желать, чтобы при строительстве храма были увековечены их имена? Вы, говорит, еще пообещали бы односельчанам, что распишете стены церкви ангелами, а лики перерисуете с их рож. На этом деле можно и не триста рублей, а все три тысячи срубить.

Ух, как он разошелся! Целую проповедь произнес. А священник его слушал, не возражал. Кончилось тем, что Красильщиков ему денег дал, а торговлю они прикрыли.

Хотя я-то думаю, как продавали, так и продают. Просто Андрею Михайловичу об этом не рассказывают. Ну да Бог им судья.

Вера Бакшаева? Давно ее здесь не было. И пускай бы еще сто лет не появлялась. Уж больно человек она паршивый. Почему? Да так... Было у нас всякое, быльем поросло, а только кому надо, те помнят.

Это кто вам такое сболтнул про Андрея Михайловича? Плюнуть бы им в бесстыжие рожи! Я его за три года один раз пьяным видала. И то тихий был, пару песен спел – и спать ушел. Потом прощения просил, извинялся.

Я и не знала, что он в милицию ходил заявление писать... Ему бы доктора, а не милицию. Сгубит себя человек. Совестьный очень! Такие любят все грехи на себя повесить и тащить, как кандалы. Может, им от этого хорошо... Кто их поймет!

Пожар? Был в середине августа. Дайте-ка сообразить... Пятнадцатого числа как раз, верно. Я еще руку повредила, пришлось в травмпункт ехать. Меня Андрей Михайлович сам и повез. Да нет, обычный был. Шутил, про мужичков моих меня спрашивал. Никак понять не может, зачем я их сюда тащу.

Отчего загорелось, этого я вам сказать не могу. У нас тут, бывает, вспыхнет на ровном месте. Должно быть, покурила Надежда, а окурок не затушила. Опять же, кому спасибо надо сказать, что дом спасли? Красильщикову. У него огнетушители.

Вон и Васька мой. Пойду...

Нет, ребятки. Ничем я вам больше помочь не могу. Но вы ходите еще, поспрашивайте, вдруг и в самом деле кто встречал эту погань. Да Верку, кого ж еще! Только думаю, привиделось это все нашему Андрею Михайловичу.

Лариса Яковлева, местная жительница

Бабушка неопределенного возраста, в очках, пухлая, с короткими седыми волосами. Сидит на расстеленной кровати, встает и передвигается с трудом.

Веру Бакшаеву я видала, было такое дело. Летом. А может, и в сентябре. Выглянула в окно, смотрю – идет, бедрами крутит... Бесстыжая! Жила бы себе в Камышовке, тихо, скромно, как Надька, – про нее бы слова дурного никто не сказал.

А Верку я помню еще во-от такой девчонкой. Мужики вокруг нее

вились, как мухи вокруг таза с вареньем. Красивая была девка! Ядреная такая, волос курчавый, а глаза, как у лисы, желтые. Пожар случился из-за нее. Ивана посадили. Жалели его, а что делать! Нарушил закон – ступай в тюрьму. Как не помните? Ах, не местные...

Пятнадцатого? Ох, милые мои, чего не скажу, того не скажу. Память не та, что раньше. Я вот, верите, школу свою помню и как в совхоз первый день пришла... А про то, что недавно было, совсем мало в голове осталось, меньше, чем водички на дне ведра, когда ее выплеснут.

Вам лучше мужа моего спросить, Борю. У него-то память покрепче моей.

Куда Верка шла? Не знаю. Может, и к москвичу. Не помню, как его по имени-отчеству. Лысый такой. В дом ко мне забирался, шумел! Уж я его гнала-гнала, а он, поганец, ни в какую не уходит.

Верку, конечно, он убил. Раз говорит, что убил, значит, убил. Зачем ему на себя наговаривать? Я б вот не стала врать, что убила. А москвич этот человек хитрый, от него всего можно ждать. Я уж и просила его похорошему, и кричала на него, а он все колошматил, спать мне мешал. У меня давление поднялось, два дня лежала, встать не могла. Борьку звала, чтобы заступился за меня, а он, паршивец, только отмахнулся.

Старый пожар я помню. Ох, страшное дело! Дом Бакшаевых сгорел подчистую, сарай сгорел и две соседние избы занялись. Боялись, на всю деревню перекинется. Слава богу, гроза пришла, залило дождем. В том мае одна гроза за другой накатывала. Люди-то возмущались, а оно вон как обернулось.

В августе? Этого я не знаю. У Борьки моего спросите, он везде носится – хуже бешеной мыши, ей-богу.

А москвича вашего в тюрьму надо садить! Раз он людей убивает...

Василий, человек без определенного места жительства, временно проживающий у Нины Ивановны.

Пожилый мужчина с изможденным морщинистым лицом, заросшим неопрятной щетиной. Волосы всклокочены.

– Никого я здесь не знаю. Похер мне. Хоть бы все они передохли.

– Ты заметил, какая у этого Григория куртка? – спросил Илюшин, когда они вернулись в машину и достали термос.

Можно было отогреться в доме Красильщикова, но Макар проявил щепетильность, сказав, что если они не станут братья за расследование, к чему все идет, то он предпочитает обойтись своим чаем.

- Ага. На мою похожа.
- Не похожа, а в точности такая же.
- Станный выбор для охотника.
- Они здесь все странные...

Машина стояла на пригорке, и озябшая Камышовка, едва присыпанная первым снегом, лежала перед ними. Не больше двух десятков жилых домов, три колодца, горнист. Возвращаясь обратно, они постояли перед скульптурой, рассматривая вечно юное лицо мальчика с горном. Илюшин сказал, что, если Красильщиков действительно похоронил труп под памятником пионеру, в этом есть известный стиль. Бабкин заметил, что, если бы Макар издавал газету, она называлась бы «Вестник циника».

Отпивая горячий чай из термоса, Илюшин спросил:

- Если снимем отпечатки с гребня, нам это что-нибудь даст?
- Брось! Какие отпечатки три месяца спустя? Не говоря уже о том, что Красильщиков при нас брал обломки без перчаток. И потом, у нас же нет образцов.

– Да, пальчиков Бакшаевой очень не хватает.

– Давай-ка наведемся в местное отделение. – Сергей перегнулся назад и вытащил из рюкзака бутерброды. – Сколько до него?

Макар сверился с картой.

– Десять километров. Нет, двенадцать.

– По-хорошему, с этого и надо было начинать, – проворчал Бабкин.

Илюшин не ответил. Он рассматривал ближний к горнисту дом, по шиферной крыше которого бродила ворона. Полчаса назад, когда они постучались, им никто не открыл. Сейчас он видел, что кто-то стоит у окна, отодвинув занавеску. Смотрел ли этот человек в их сторону или просто замер в задумчивости, Илюшин не мог разглядеть. Возможно, хозяин дома недавно вернулся или же спал, когда они приходили. Возможно. Но Макара отчего-то тревожила эта фигура, как тревожит пловца неясная тень в глубине реки, которую он видит за секунду до нырка.

Братся за расследование ему не хотелось.

Причина была не в Красильщикове.

Макар чувствовал себя в Камышовке как растение-эндемик, пересаженное в незнакомый ареал. Не просто чужая, а враждебная среда окружала его. Он был человеком, родившимся в большом городе и пропитавшимся им; в его крови были растворены испарения асфальта, в его легких осела машинная копоть. Даже недолгое пребывание вдалеке от Москвы заставляло Илюшина ощущать что-то сродни неполноценности, как если бы вместе с городом из него изымали часть души. Город шумел,

орал, шептал, кричал, надрывался и хрипел; город звучал, не замолкая ни на секунду.

Камышовка была погружена в тишину. Сергей Бабкин непременно возразил бы, что и собаки гавкают, и вороны каркают, а если выйти из машины, можно расслышать скрип калитки, в которую туда-сюда ходит ветер. Но для Илюшина в этих звуках не было главного: присутствия человека.

Сергей Бабкин видел перед собой деревню – некогда почти закончившуюся, но вдруг проросшую новой жизнью, новыми людьми. Печи топятся, избы строятся, дым вьется над крышами. Макар Илюшин видел кладбище. Существование жителей Камышовки было для него сродни растянувшемуся предсмертию.

– ...и ни одной пиццы на сто верст, – пробормотал он.

– Чего?

– Ничего. Поехали, пообщаемся с полицией.

Нина Ивановна Худякова вышла на крыльцо и рассеянно поглаживала Белку, пока джип не скрылся за деревьями.

Ох, этого еще не хватало.

Только перестали ждать беду, тут она и вылезла.

Когда Худякова была маленькой, в Уржике жила знахарка. Кажется, работала она санитаркой в больнице, а может и нет, – сама Нина Ивановна не помнила, а спросить больше не у кого. У Лариски мозги от времени размякли. Иногда кажется, что у нее в голове поролон. А в другой раз Яковлева как скажет что-нибудь, так словно муху газетой прибьет, до того метко. Но память у нее нынче избирательная, с большими белыми пятнами, как на старых географических картах. Плохо, что пятна эти дрейфуют. Любой мореплаватель свихнулся бы, если б в августе континент был на месте, а в сентябре таял дымом над водой. Человеку во всем, даже в дурном, нужно постоянство.

Денег знахарка, как всякий настоящий целитель, не брала; расплачивались другим. Маленькую Нину бабушка дважды привозила к ней домой. Кашель, мучивший ребенка, после второго визита исчез. Нина полагала, что вылечили ее просто так, за то, что она хорошая девочка, и была очень удивлена, обнаружив исчезновение козы Маньки. Козу Нина любила и кинулась к старшим с упреками. «Дура ты, девка, – сказала бабушка. – Запомни: если есть чем откупиться от беды, это счастье, а не утрата».

Ох, как не хватало сейчас знахарки! Она разное умела, не только

врачевать. Нина Ивановна что угодно бы ей отдала, лишь бы та отвела от Камышовки двух чужаков, пришедших с расспросами.

Нечем откупиться от беды. Хоть собаку отдавай.

Брысь, брысь, мысленно сказала старуха и зажмурилась, представляя, как метель укрывает Камышовку от чужих взглядов. Сами разберемся. Без вас.

Григорий Возняк удовлетворенно наблюдал за отъезжавшей машиной из окна. Уехали, значит.

Вот и хорошо.

Люди в массе своей ничем не отличаются от овец. Куда их псы погнали, туда и идут. А над псами – человек.

Правда, при попытке перенести эту схему на общественное устройство Камышовки Григорий терялся. Овцы – это большинство. Сам он, конечно, старший, указывает стаду путь. Но кто же овчарки? Нету здесь таких. Злобная Худякова не в счет, она скорее самому Возняку горло перегрызла бы, если б хватило силенок.

Но аналогия грела душу.

Однако Красильщиков-то каков! Купил частных ищеек, значит. А говорил, все деньги потратил на дом.

Увидев их, охотник прикинул, не перебить ли его цену. Сунуть им побольше, чтобы отчалили.

Денег жалко. Деньги, они ведь не с неба падают. Часть он откладывает на старость, часть отправляет Петьке. Кто бы сказал, что будет взрослого сына содержать, – плюнул бы в лицо. А оно вон как обернулось.

Эх, Петька-Петька...

Слава богу, что эти двое свалили.

А Красильщиков – гнида. Все зло от него. Дохлятина, брошенная в колодец, травит воду, и пить ее нельзя, пока три раза не выкачаешь содержимое и не навалишь хлорки. В памяти Григория еще свеж был случай, когда приехавший к Яковлевым в гости восьмилетний внук швырнул в деревенскую скважину мертвую крысу. Возняк охотно отправил бы малолетнего паршивца следом.

Петька никогда такого не творил. И когда мелким был пацаном, и когда подросток. Бывало, ошибался, но чтобы пакостить – ни-ни.

Вот и после Красильщикова нужно их чистую вкусную жизнь хлоркой обрабатывать. Он это, может, и не со зла гадит. Мертвечина не выбирает, гнить ей или нет. Просто суть такова.

Возняк накинул куртку, вышел из дома и двинулся к терему.

Глава 2

* * *

Следователь, работавший по заявлению Красильщикова, поначалу был хмур и немногословен. В его голосе сквозили интонации занятого человека, вынужденного тратить время на докучливых бездельников. «Частные детективы из Москвы!» Илюшин видел, как ершом раздувается в следователе колючее предубеждение.

Однако узнав, что один из бездельников – его бывший коллега, тот подобрел.

Его рассказ совпал с тем, что говорил Красильщиков. Да, написал явку с повинной. Нет, тела они не обнаружили. Да, стали проверять информацию и установили, что Надежда Павловна Бакшаева продала по документам своей старшей сестры ее землю и полуразрушенный дом. Был отправлен запрос по последнему месту регистрации Веры Павловны Бакшаевой, однако выяснилось, что оттуда она выехала два года назад, и где пребывает с тех пор, неизвестно.

– На Надежду Бакшаеву заведено дело о мошенничестве. Она вину полностью отрицает. Утверждает, что совершила свои противозаконные поступки по просьбе сестры. – Следователь сбился с казенного обращения и заговорил по-человечески: – Ну, и это... Я на всякий случай водителей наших опросил. Они от автостанции народ развозят по местным деревням. Утром, значит, в область, вечером – обратно. Ни один из них Веру Бакшаеву по фотке не опознал. Там народу не сказать чтобы много катается. Запомнили бы, если что.

– А машина у нее есть?

– Пес ее знает. Я запрос послал, ответ пока не пришел. Одно точно могу сказать: ваш клиент в психушках Москвы и Владимира не наблюдался. Я проверил.

Бабкин смотрел на следователя с возрастающим уважением. Он был практически уверен, что Красильщикова отфутболили с его заявлением, едва выяснилось, что трупа нет. Но недовольный толстяк, закупоренный в тесной как гроб комнатухе, где ветер заколачивал в оконные щели острые сквозняки, поработал на совесть.

– Не возражаешь, если немного пошуршим? – спросил Сергей. – Пока

не подписались, честно говоря, раздумываем.

– Да чего уж... Мне и самому... ну это... узнать бы, в общем. Чего там случилось.

Полицейский вдруг смутился, словно в его любопытстве было что-то неприличное.

– Ты с Красильщиковым давно знаком?

– О предпринимателе, который купил старый дом, я слышал давно, но увидел только тогда, когда он с заявой притащился. Черт знает... Не особо вменяемый он был. Но трезвый.

– Точно трезвый?

– За точностью – это тебе в палату мер и весов. Не пахло. А на анализы мы его не отправляли. Так-то про него разное говорят, но мужик он вроде неплохой.

– А кто разное говорит? – вмешался Илюшин.

Следователь поморщился и свернул тему.

– Телефон мой, если что... – Он оторвал клочок газеты, валявшейся на подоконнике, и нацарапал номер. – Найдете труп Бакшаевой – смотрите, не перепрыгивайте.

* * *

На единственной улице Камышовки было пусто, однако Макара не оставляло ощущение пристального взгляда.

– Наблюдает кто-то, – заметил он.

– Ага. Тоже чувствую.

– Пойдем быстрее...

Они свернули к дому Красильщикова.

Лужи подернулись ледком; черными зрачками смотрела из-под него вода.

– Отказываемся? – Бабкин правильно расшифровал непривычную молчаливость напарника.

– Не знаю.

На самом деле Илюшин все уже решил. Но когда они подошли к крыльцу, на перилах их ждала придавленная деревянным бруском записка. Андрей Михайлович сообщал, что вынужден отлучиться на пару часов по делам. Дозвониться до сыщиков ему не удалось. Он просил дождаться его, чтобы поговорить, – пока их не было, в памяти всплыли еще кое-какие подробности ночи пятнадцатого августа, – и предлагал место, где они

могли бы расположиться в его отсутствие. «Опасаясь, что у меня вы будете чувствовать себя не совсем комфортно. Рад, если ошибаюсь. В таком случае устраивайтесь. Обед на столе, ключ у Нины Ивановны Худяковой, она предупреждена. Второй вариант – изба Сорокиных, дом сорок восемь. Там сейчас никто не живет. Дверь открыта. Простите, что вынужден бросить вас, но дело срочное».

– Ну, елки-палки! – сказал Сергей, прочитав записку. – Смыться потихому не получится.

Илюшин только поморщился.

Своей деликатностью Красильщиков их обезоружил. Уехать сейчас, когда у них просили всего пару часов, было бы грубостью.

– Пойдем глянем, что ли... – Бабкин сунул руки в карманы и спустился с порога. – Деваться все равно некуда.

Он присел на корточки перед конурой, в которой дремал хозяйский пес Чижик – длинноногая нескладная дворняга с умной мордой. Красильщиков предупредил, что пес совершенно беззлобен: его приютили строители, да так он и прижился.

– Что, парень, грохнул твой хозяин какую-то бабу или не было такого?

Чижик слабо махнул хвостом и зевнул.

По дороге Макар наступал на лед и вслушивался в сухой хруст, пытаюсь угадать, что за надобность заставила Красильщикова покинуть дом. Когда поравнялись с горнистом, Сергей встрепенулся:

– Смотри, в тридцать первом объявился хозяин. Заглянем?

В окне ближайшего дома виднелась худая фигура.

* * *

Открыв дверь на стук, Татьяна непроизвольно отшатнулась – до того высоким оказался тот, кто стоял ближе. Славка тоже ростом почти два метра, но когда смотришь на него, на ум приходит слово «дылда». Всю жизнь выглядел мальчиком, после сорока начал выглядеть старым мальчиком. Есть такой тип мужчин: во взоре – бесшабашность и готовность к великим свершениям, в кармане мятая десятка и свечи от геморроя. Интеллектуал, вскормленный энциклопедической пылью. Духовный наследник эллинов.

Нынешнего же гостя породила каменная земля Ётунхейма, и если он кому и наследовал, то семейству великанов гримтурсенов.

На Возняка похож. Такая же глыба.

Мысль о сходстве с охотником всколыхнула в ней волну острой антипатии.

Однако второй гость несколько примирил ее с Глыбой. Сероглазый парень, похожий на студента, улыбался ей из-за плеча здоровяка. Улыбка у него была исключительная – не улыбка, а универсальная отмычка, отпирающая в людях дверцы, за которыми спрятан их смех.

Обаяние восьмидесятого левела, подумала Татьяна. Обидно будет, если сейчас они скажут, что журналисты и разыскивают Муру Маркелову.

– День добрый, хозяйюшка. – Ей показалось, что Глыба, увидев ее, опешил. – Нам бы побеседовать... Много времени не займет.

Татьяна медлила. Ее захлестнуло необъяснимое ощущение, что если эти двое сейчас перешагнут через порог, они, уходя, унесут ее дом на плечах, точно пустую ракушку.

Татьяна давным-давно договорилась со своими страхами, что ей позволено смеяться над ними при условии, что она к ним прислушивается. А страхи согласились не отвоевывать больше пространства, чем было им выделено. Зная их склонность к экспансии, Татьяна была благодарна им за выдержку.

Гости ее испугали. День и без того складывался странно. Что-то непонятное творилось с самого утра; то ли ветер переменился, то ли чудо-рыба-кит, к спине которой лепились избы Камышовки, вдруг тяжело вздохнула, распахнула средний глаз и шевельнула хвостом; дрожь прошла по ее телу, и треснули иловые отложения, в которые вросло оно за тысячу лет.

– О чем побеседовать? – Татьяна по-прежнему преграждала вход в дом.

– Об Андрее Михайловиче Красильщикове.

– Он попросил нас расследовать убийство, – вступил второй.

– Убийство?

– ...которое он совершил.

– И кого же убил наш Андрей? – с кривой улыбкой спросила Татьяна.

– Говорит, Веру Бакшаеву.

– О господи! – Она поменялась в лице. – Господи ты боже мой... Заходите, пожалуйста.

* * *

– Вась, а Вась, – позвала Нина Худякова, поднявшись на крыльцо.

Василий высунулся из-под навеса.

– Опять сустав? – заворчала старуха, глядя, как он хромотает ей навстречу. – Я тебе сколько раз говорила: пойдем к Андрею, он до врача довезет...

– Чего случилось-то?

Худякова шмыгнула.

– Москвичи к Таньке зашли, – неохотно сказала она. – С полчаса у нее ошиваются.

– Поверили, значит, Красильщикову...

– Пес их знает. Что делать будем, Васенька?

– Ноги в руки – и тикать, – усмехнулся тот.

Старуха метнула на него сердитый взгляд.

– Я свое оттикала. На закорках меня понесешь?

– Надо будет, понесу.

– Да вот еще, позориться на старости лет! У меня уже место на кладбище приготовлено. А тебе уходить надо, верно.

– Если уйду, догадаются сразу, – возразил Василий. – Далеко я укувыляю, как думаешь, а?

– Сидеть здесь и ждать – лучше, что ли?

– Сидеть тоже не дело. Дай подумать...

Он помолчал, покусывая губу. Итог его размышлений вылился в неутешительное:

– Если Танька проговорится, считай, нам конец.

– Не проговорится, – жестко припечатала старуха.

– Откуда знаешь?

– Не проговорится. Думай, Васенька, думай, пока время есть.

* * *

– ...Конечно, я знаю Бакшаевых. Меня каждое лето отправляли сюда к бабушке с дедушкой. Это, собственно, их дом. Но Веру Бакшаеву я не видела очень давно. У нее есть причины, чтобы не возвращаться сюда.

Татьяна вытянула перед собой левую руку ладонью вверх, обхватила кистью правой большой палец и принялась тянуть вниз, не глядя на гостей. По-видимому, делала она это настолько часто, что привычка стала безотчетной.

– Деревня потихоньку умирала, пока здесь не появился Андрей. Если Камышовка и жива, то лишь благодаря ему.

– Не все с вами согласны, – заметил Илюшин.

Она насмешливо фыркнула:

– И кто же мои оппоненты? Здесь ни одно хозяйство не обходится без Андрея.

– Например, Григорий Возняк. Он не очень тепло отзывался о Красильщикове.

Татьяна принялась за правую руку. Макар вспомнил, как наблюдал однажды за профессиональным массажистом, разминавшимся между сеансами. Он покосился на Бабкина и, заметив выражение его лица, беззвучно пнул напарника ногой. Сергей вздрогнул и стал смотреть в пол, точно подросток, которого застали подглядывающим за соседкой.

Илюшин понимал его чувства. Он тоже не ожидал увидеть в глухой деревне среди старух и полоумных предпринимателей такую женщину.

– Григорий – неприятное исключение, – сказала Татьяна и натянула рукава свитера до самых кончиков пальцев. – Возняк живет здесь всю жизнь. По местным меркам он очень богат. Народ его боится, и не без причины: человек он жестокий и абсолютно безжалостный. Камышовка – его вотчина, по крайней мере последние сорок лет. И вдруг появляется Красильщиков. Сначала они худо-бедно пытались наладить отношения. Григорий даже взял его с собой на охоту. А надо знать, как он охотится...

На секунду ее лицо исказила гримаса ненависти. Воображение Макара выстрелило облойкой кадров, словно кто-то нажал спусковой крючок: тяжело бегущая лиса; капли крови на траве; охотник, идущий по следу раненого зверя. И финальный кадр: безжизненное рыжее тельце, вытянувшееся мордой к норе. «Почему лиса? – подумал Макар. – Откуда взялась лиса? Ведь не похожа ни капли, даже не рыжая».

– Возняк – браконьер, – продолжала женщина, волнуясь. – Он и рыбу прежде глушил динамитом, и на охоту идет когда вздумается. Не знаю, зачем он позвал с собой Андрея и почему тот согласился на эту дрянную авантюру. Им попалась лосиха с лосенком... И Возняк их убил. В нашем лесном хозяйстве лосей мало, и это заслуга Григория. Одно время он придумал себе развлечение и бизнес в одном флаконе: привозил из Владимира компании, и они шарахались по всему лесу, стреляли во все, что движется. С песнями, с выпивкой, с костром... Конечно, Возняк не ожидал, что Андрей будет вести себя иначе, чем его прежние клиенты. В итоге они подрались, и когда Красильщиков вернулся из леса, он сразу отправился к егерям. Андрей был в бешенстве, на него тяжело подействовала гибель лосенка. Он убедил егерей приехать. Разделанные туши нашли во дворе охотника. Григорий даже не пытался их спрятать! Зачем? Он никого не

боится и убежден, что управы на него здесь нет. Однако его оштрафовали и, кажется, пригрозили лишить лицензии. А когда он решил снова привезти каких-то уголовников, чтобы стрелять кабанов, Красильщиков их просто выгнал. Всех. Сразу оказалось, что и егеря у нас имеются, и браконьеров они преследовать вполне способны.

Причина ненависти Григория к хозяину терема стала ясна.

– Кроме того, он взял под опеку местных жителей. Андрей, не Григорий.

– Под опеку – это как?

Татьяна ненадолго задумалась.

– Вот смотрите: живет у нас Нина Худякова...

– При которой какой-то бомж?

– Да. Она их подбирает в городе и привозит сюда.

– Это зачем же? – удивился Бабкин.

– Лучше у нее спросите. Это не мое дело. Нине Ивановне семьдесят три года, и хотя она исключительно бодрa для своего возраста, заготавливать на зиму траву для козы ей тяжело. Вася, который у нее сейчас пригрелся, сам насквозь больной. Григорий разрешил Худяковой косить траву на своем участке, где высеяны окопник и чумиза. Нина, правда, его щедростью не воспользовалась...

– Почему? – спросил Илюшин.

– Мне не хотелось бы сплетничать, – уклончиво ответила женщина. – Когда приехал Красильщиков и со всеми перезнакомился, он просто закупил Худяковой готовое сено на зиму вперед.

– От него она, значит, помощь приняла?

– Андрей обладает удивительным даром приносить людям благо, не превращая их в своих должников. Для Возняка, например, все эти ритуально-иерархические танцы крайне важны. Он живет в мире, где о других может заботиться только вожак стаи. Кстати сказать, местные все до единого разделяют этот подход. А Красильщикову он чужд. У него все естественно: кто обладает избыточным ресурсом, тот и распределяет излишки по слабым. К тому же он, мне кажется, чувствует себя обязанным Камышовке. Вы заходили к бабушке Яковлевой?

– В очках, кругленькая такая?

– Дом у нее был в плачевном состоянии. Фундамент просел, стены перекосило.словно коробочка, которую раздавил ребенок. Красильщиков привез мастеров, они подняли ее избу домкратом.

«Стучал, спать мешал», – вспомнил Илюшин слова недовольной старушки.

– И так во всем. А что он сделал с теремом Вершинина! Это же фантастика! – Татьяна закрыла оконную створку, не заметив, что со стола от сквозняка спланировал лист бумаги. – Если Камышовка каким-то чудом возродится, это будет заслуга Красильщикова. В прошлом году приезжали три экскурсии. Капитолина, моя соседка, поглядев на первую, вернулась домой и из козьего пуха навязала рукавиц. Заранее узнала у Андрея, когда будет вторая, и к нужному часу притащилась со своими vareжками. Хвасталась мне, что за пятнадцать минут заработала три пенсии. Понимаете, что это значит? Он местному краеведческому музею сберег столько предметов старины, сколько они за пятьдесят лет работы не могли собрать. Мы с ним однажды наткнулись на древнюю прялку. Так он с ней месяца три возился, пока не восстановил. Редкая прялка, с довольно нетипичной для этих мест мезенской росписью – в общем, музейная ценность.

Татьяна села, понемногу успокаиваясь.

– Но Вера Бакшаева пропала, – напомнил Макар. – И Красильщиков говорит, что убил ее.

В глазах женщины мелькнуло что-то трудноопределимое.

– Абсурд! Конечно, Андрей никого не убивал, об этом даже смешно говорить.

– Вы давно с ним знакомы?

– Шесть месяцев. С тех пор как приехала сюда.

У Бабкина вертелся на языке вопрос, отчего молодая красивая женщина прозябает в Камышовке, но он благоразумно сдержал любопытство.

– По-вашему, Красильщиков вменяем? – спросил Макар.

Татьяна помолчала, сдвинув брови.

– У Андрея иногда бывают... видения. – Теперь она тщательно подбирала слова. – Ему кажется, что у него хотят что-то отнять. Он детдомовский, вы знали?

– Нет, он об этом не упоминал.

– Когда мы с ним разбирали в сарае выброшенные вещи, среди которых попала та самая прялка, Андрей подошел ко мне и шепнул, что возле прицепа крутится мужик в куртке с капюшоном: похоже, собирается что-то украсть. И добавил, чтобы я не оборачивалась, иначе мы его спугнем. Я, конечно, сразу же повернулась. Там никого не было. Совсем никого. Пустой сад с выкорчеванными деревьями, даже зайцу спрятаться негде. Андрей принужденно засмеялся и сказал, что пошутил. Что это была проверка, а я ее не прошла. И еще была пара подобных случаев... Тогда я

не придавала этому особого значения, расценивала как чудачество.

– Вам не страшно находиться рядом с ним? – не удержался Сергей.

– Не говорите глупостей. У всех свои маленькие странности.

– Вы сказали, у Веры Бакшаевой есть причины не возвращаться сюда,
– вспомнил Макар.

– Она уехала из Камышовки после той трагедии...

– Какой трагедии?

– Пожара, – неохотно ответила Татьяна. – В девяносто первом году сгорел дом Бакшаевых.

Она отвернулась, еще сильнее кутаясь в свитер, словно надеясь спрятаться в нем от их взглядов.

– А почему одна сестра уехала, а вторая осталась? – Илюшин пристально смотрел на нее.

Татьяна вздохнула.

– Наде было семнадцать, Вере – девятнадцать... Надя была обычная, а Вера красавица. За ней ухаживали два парня; я имею в виду, ухаживали всерьез, с намерением жениться. Она дразнила их, провоцировала, в конце концов объявила каждому, что выходит замуж за его соперника. И один из них поджег избу. Вера спаслась... Но пожар был страшный... Вы представляете, что значит огонь в деревне, да еще и в мае? Мне было десять лет... Одно из самых жутких моих впечатлений за всю жизнь. Если честно, мне тяжело его обсуждать. Вы можете расспросить кого-нибудь другого. Здесь все об этом помнят.

Илюшин понял, что больше они от нее ничего не добьются, и подал знак Сергею: уходим.

– Спасибо, что нашли для нас время.

По ее губам скользнула насмешливая улыбка.

– Так странно слышать эти учтивые фразы... Я от них, оказывается, совсем отвыкла.

Илюшин сделал шаг к двери и вдруг замер. Взгляд его остановился на листе бумаги, упавшем со стола. Олени, выведенные черной тушью, будто бы без отрыва пера от бумаги, выстроились тесным рядом; кроны их рогов, переплетаясь, образовывали сложный орнамент.

Сергей тоже увидел его. Память кольнуло неуловимое воспоминание.

Илюшин поднял лист.

– Это ваша работа? – небрежно спросил он. До такой степени небрежно, что Бабкин насторожился.

– Моя. – Татьяна выхватила рисунок из его пальцев и спрятала за спиной. – Что вы собираетесь делать дальше?

- Ну, мы обошли почти всех жителей... Осталась еще пара человек. Кстати, не скажете, где нам найти мужа Яковлевой?
– Бориса Ефимовича? Он умер два года назад.

* * *

– Ты понял, кто она такая? – возбужденно спросил Илюшин, едва они отошли от дома.

Сергей боролся с желанием обернуться и узнать, смотрит ли им вслед хозяйка дома. Теревит ли при этом длинными своими пальцами кончик русой косы, небрежно перехваченной резинкой? Прикусывает ли его пухлыми своими губами? Стягивает ли свой бесформенный мужской свитер, монашеское свое одеяние, ничего, сволочь такая, не скрывающее, ныряет ли нагишом в прохладные волны, обильно ли струится вода по намокшей косе, когда она выходит на берег?

– Серега!

– Да! Чего?

– Мура Маркелова! Обалдеть. Никогда не думал, что встречу ее в таком месте.

– Какая Мура? Она Татьяна...

Илюшин остановился и посмотрел на него тем самым взглядом сверху вниз, который Бабкин ненавидел от всей души, потому что не понимал, каким образом Илюшин, будучи ниже его на голову, ухитряется раз за разом выкидывать этот фокус.

«А если косу распустил, волосы ее задницу закроют или нет?»

– Мура Маркелова, – отдельно сказал Макар. – Художница! Иллюстратор! У твоей жены четыре ее книги стоят на видном месте. «Лисья тропа», «В нору за седой лисой» и еще какие-то.

Воспоминание, сновавшее неопознанной рыбкой где-то в нижних слоях памяти, кувыркнулось и выпрыгнуло на поверхность. Перед глазами Сергея встали новогодние плакаты, которыми в прошлом декабре была увешана вся Москва, – олени, морозный орнамент вокруг изящной вязи: «С Новым годом, любимый город!»

– Она очень востребованный художник, – сказал Макар. – Сильно же ее достала суматоха вокруг ее имени, если она забралась в эту дыру. Интернета здесь, надо думать, нет. Как она связывается с издателями? Впрочем, бог с ней. Не наше дело.

Бабкин подумал, что сегодня уже третий раз слышит эту фразу. Вот и

Макар подцепил ее у Маркеловой.

«Я бы у нее тоже что-нибудь подцепил...»

Он наступил на мелкую лужу, но лед под ним не треснул, а мягко просел, и вся подошва окунулась в жидкую грязь.

– Странно это все, – после недолгого молчания продолжал Илюшин. – Маркелова описывает признаки параноидальной шизофрении. Бредовая идея структурирована и логична: нечто важное хотят отнять у Красильщикова, а он защищает свое. Но ты заметил, как спокойно она вспоминала о его галлюцинациях? Я бы на ее месте встревожился. А она рассказывает так, словно речь о бессоннице или, не знаю, астме.

Сергей рассматривал испачканный ботинок, чувствуя странное удовлетворение, как если бы грязь была ритуальной краской для посвящения в воины племени. Племя камышовцев! Самый удачливый охотник забирает себе самую красивую женщину.

– Думаешь, они спят?

– Если Красильщиков не разбился в лепешку, чтобы затащить ее в постель, он дурак.

Сергей отогнал образ Татьяны Маркеловой, летящей с распущенными волосами верхом на прялке.

– Думаешь, он реально свихнулся?

Илюшин пожал плечами:

– Если верить Маркеловой, дела его плохи. Сегодня он создает образ из своих воспоминаний и фактов, завтра решит, что вся деревня желает его смерти.

– А по ее рассказу он прямо-таки благодетель. Благодетель-шизофреник!

– Ладно, давайждемся Красильщикова, раз уж он просил. И смоемся отсюда, пока дороги не развезло. Потепление обещали... Меньше всего хотелось бы здесь застрять. У нас, кстати, бутерброды еще остались?

– Тебе здесь не нравится, – сказал Бабкин, обернувшись, наконец, на дом Маркеловой. Никого не видно было в окнах, и он испытал разочарование пополам с облегчением, точно моряк, которому сказали, что сегодня нагие русалки не будут петь и заманивать их в пучину.

– Ну да, не особо, – рассеянно отозвался Макар. – Холодно. Тоска. Я, знаешь, равнодушен ко всей этой эстетике разрухи и прозябания.

– Не в эстетике дело.

– Мы не станем задерживаться тут из-за того, что ты запал на красивую бабу, – предостерегающе сказал Илюшин. – Это плохая баба! Негодная! Брось бяку!

Сергей вздохнул.

– Ты косу ее видел?

– Видел. Качественный парик. На самом деле она лысая.

– Как лысая? – остолбенел Бабкин.

– И беззубая.

– Что? Как... Почему беззубая?

– ...и между ног мышеловка.

– Сука ты, – с тоской сказал Сергей. – Все испаскудишь, хуже кота.

Они остановились возле магазина. Между стеклом и решеткой втиснулись облезлый Чебурашка и неваляшка из облупившейся пластмассы; вся композиция напоминала стенд зоологического музея с заспиртованными экспонатами.

– Тебе здесь не нравится не из-за Маркеловой, – повторил Сергей. – Я, по-твоему, совсем дурак?

Макар попинал ступеньки и ткнул пальцем в Чебурашку:

– Нутром чую, как меня с каждой минутой затягивает к этим двоим. Слушай, – сказал он уже другим тоном, – моя двоюродная тетка Маша жила в деревне. Я не то чтобы был к ней сильно привязан, но, знаешь, когда у тебя всего три родственника, волей-неволей беспокоишься о каждом. После восьмидесяти она почти ослепла. Я пытался забрать ее в город, она сопротивлялась... И все меня убеждали, что в городе она быстро умрет, а в деревне у нее еще имеется лет пять в запасе. В один прекрасный день, в декабре, я поехал к ней. Как будто что-то подтолкнуло. Зима была снежная, деревню завалило едва ли не по крыши. Знаешь, как я туда пробирался? Из наста торчали еловые ветки, расставленные каким-то добрым человеком, и по ним нужно было ориентироваться. Машина проехать не могла, так что я тащился три километра через снег.

Когда я увидел, что тропинка перед ее домом не протоптана, то все понял. Возвращаться обратно было нелепо. К тому же я думал – а вдруг она там живая? Мне показалось, что занавеска пошевелилась, когда я подошел. В общем, часа два расчищал себе путь. Лопату попросил у соседки. Потом у нее же взял топор. Ты бы, наверное, минуты за две вышиб дверь, а мне пришлось рубить ее целый час. Хорошее было дерево, крепкое...

– И твоя тетя была там мертвая, – утвердительно сказал Сергей.

– Была, – согласился Илюшин.

– В городских квартирах, Макар, то же самое случается сплошь и рядом.

– Знаю...

Больше всего Илюшина поразило не тело покойницы. Тетка лежала на кровати с умиротворенным лицом и выглядела так, словно заранее подготовилась к своей кончине и ни капли ее не страшилась. Выйдя из дома, Макар взобрался на пригорок – снег спрессовался под собственной тяжестью, и идти оказалось не так трудно, как он ожидал. Это было единственное место, где телефон ловил сеть. Вызвав милицию, Илюшин обернулся к деревне, оставшейся за спиной, и по коже его пробежал озноб.

Деревня тонула. Дома погружались все глубже, подобно лодкам, не способным выгрести против течения; их затягивала белая река. На коньке ближней крыши замерла в неподвижности ворона – единственный свидетель происходящего, не считая Макара, – и он не мог разобрать, сколько ни вглядывался, живая ли она, или это чугунный флюгер, или окоченевшая птица, – но отчего тогда она не падает? Черный силуэт приморозил к себе его взгляд.

Лодки тонули. Большинство были пусты, но в иных еще теплилась жизнь. Илюшину представились персональные гробницы, в которых старухи шли ко дну. Деревянные саркофаги с наличниками.

Макар был молод и впечатлителен; вид умершей женщины подействовал на него сильнее, чем он готов был признать. Илюшин примерил на себя эту смерть – в холоде, в одиночестве – и ужаснулся.

– Милиция приехала только через шесть часов. Мне пришлось отогреться и ждать их у соседки, которая заговаривалась и три раза порывалась накормить меня помоями. С тех пор я недолюбливаю деревни. Особенно зимой!

Бабкин покивал с понимающим лицом.

– Вообще-то правильно тебя убеждали, что тетка загнется в городе, – без всякого сочувствия сказал он. – А что касается ее смерти, так ты не тетку оплакивал, а свои представления о достойной кончине. Хотя чем плохо умереть на собственной кровати?

– Ты еще предложи мне порадоваться, что ее не объели домашние животные.

– Подумаешь, объели бы! Старушка, может, была бы и не против напоследок покормить собой питомцев!

Они направились в сторону дома на окраине.

– Ты бы согласился, чтобы твое безжизненное тело обглодали коты? – поинтересовался Макар.

– Не. Я к котам не особо. А вот собаки – можно.

– Небесное погребение, – задумчиво сказал Илюшин.

– Это что?

– Обычай в Тибете. Называется «Милостыня птицам». Отвозят труп в долину, привязывают к колышку. Налетают грифы и объедают все до костей.

– Это зачем такое нужно?

– Считается, что от человека должна быть польза не только при жизни, но и после смерти, так что покормить грифов своей печенью, раз уж она больше тебе не послужит, – твой священный долг.

– Что-то вроде донорства органов...

– Типа того.

– Я против того, чтобы меня привязывали к колышку, – решил Бабкин. Они остановились возле старой избы с потрескавшимися стеклами, где на причелине висела ржавая табличка с номером «48». Калитка болталась на одном гвозде, как оторвавшаяся заплатка. – Это унижительно.

– Если не привязывать, твои кости растащат по всему Тибету. А так их соберут, разотрут в порошок, замесят с водой, испекут лепешки и накормят нищих.

Сергей уставился на Макара.

– Правда?

– Нет.

– Тьфу ты... Ляпнешь ведь!

Бабкин протиснулся в щель мимо калитки, мяукнувшей, как беспризорный кот, когда он задел ее плечом.

– Но вообще-то кости и в самом деле измельчают, – говорил Илюшин, идя за ним следом. – Только отдают не людям, а грифам.

– Это можно. – Сергей толкнул входную дверь, нащупал в темноте на стенке выключатель. Тусклая лампочка осветила пыльные полки с пустыми стеклянными банками. – Что-то здесь не особо уютно... А ты сам как насчет птиц?

– Грифов отвергаю! Не желаю, чтобы мой гениальный мозг стал пищей для стервятников. Предпочитаю завещать его науке...

Бабкин пригнулся, входя в комнату, – притолока нависала совсем низко.

– Башку свою гениальную не расколоти... – начал он.

Страшный удар сбил его с ног. Он слышал крик Илюшина и пытался повернуться, но мешала возникшая откуда-то дощатая стена. Сергей толкал ее, преодолевая боль в затылке, пока вдруг не осознал, что это пол. Все это время он бессильно ворочался на полу.

Кто-то склонился над ним. Угасающим сознанием Бабкин пытался

сконцентрироваться на лице нападавшего. А затем на голову ему надели мешок, и Сергей провалился в темноту.

* * *

Грифы растащили его кости – похоже, кольцо оказалось недостаточно прочен, и теперь, как и предсказывал Макар, останки были разбросаны по пологому склону горы. Череп застрял в ущелье, берцовая кость торчала из земли, воткнувшись почти вертикально. Вешка. По ней Илюшин сможет найти дорогу домой, но есть ли в этом смысл, если единственный, кто ждет его, – мертвая тетушка с живым котом?

Что было хуже всего, так это раздробленность сознания. Бабкин ощущал одновременно холод камня, на котором валялись два его ребра, и шевеление мухи в собственном черепе, и крепкую хватку клюва: одна из птиц уносила в качестве трофея проксимальную фалангу.

«Я ведь даже не знаю, что такое «проксимальная»», – подумал Бабкин. Эта мысль внезапно сработала как магнит: обломки его существа притянулись к ней, подобно металлическим опилкам, и Сергей пришел в себя.

Первое его ощущение было – что он железный. Железный Дровосек, которого сотню лет не смазывали маслом. Потом Бабкин зашевелился и от этого движения очень медленно перевоплотился в человека.

Он сидел на земле, привалившись спиной к заднему колесу внедорожника. По всему телу расплзался холод; джинсы промокли от грязи и липли к ногам. Попробовал взглянуть влево – возникло отвратительное чувство, будто чугунный котел головы водрузили на ломкий стебель шеи. Медленно повернулся вправо...

Возле переднего колеса лежал Илюшин.

Бабкин рванулся к нему.

– Макар!

Илюшин как-то сразу востепенел и сел; выглядел он как человек, проспавший звонок будильника перед рабочим днем, и увидев это выражение на его лице, Бабкин немного пришел в себя.

– Господи, – слабо пробормотал Макар. – Что ж ты орешь-то так...

– Живой?

– Вроде... А ты? Уй! Куда лезешь!

Сергей, однако, не успокоился, пока не ощупал Илюшина с ног до головы и не убедился, что кости у того целы.

– У меня, похоже, сотрясение, – сказал он. – В башке пульсирует.

Ощупав карманы, Бабкин убедился, что ключи от машины исчезли. Он представил, что они выпали по дороге, когда их волокли сюда, и его замутило от мысли, что придется возвращаться и рыться в грязи. Но тут Илюшин встал, заглянул в окно и сообщил, что ключи торчат в замке зажигания.

Они переглянулись. Более прозрачный намек трудно было вообразить.

– Что ты видел? – спросил Бабкин, когда они забрались в машину.

– Почти ничего. – Макар откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Ты вошел, я замешкался в дверях. Услышал, как ты буркнул про гения. Потом смотрю: ты уже валяешься, а меня какая-то сила разворачивает спиной к тебе. И все. Очнулся, когда мне в ухо заорал теплоходный гудок.

Бабкин поразмыслил.

– Он был один. – Это признание далось ему нелегко. – Вырубил меня, потом тебя. Приволок к нашей тачке. Ключ вставил в замок.

– Один?

Макар недоверчиво уставился на друга. За все годы, что они работали вместе, ему ни разу не встречался человек, способный справиться с его напарником в одиночку.

– Это что за монстр такой... – пробормотал Илюшин.

– Не обязательно монстр. Знал куда бить, меня выключил с одного удара.

– А сюда мы как попали?

Бабкин вылез наружу, не ответив, и пошел вокруг, разглядывая землю. Возле заднего колеса остановился, достал телефон.

– На машине привез, – сообщил он, вернувшись в салон. – Вокруг следы шин. Я сфотографировал отпечаток протектора, правда, не слишком разборчивый.

Они посидели молча, глядя на безлюдную Камышовку.

– Ты понимаешь, что все это означает? – спросил Макар.

Сергей понимал. Кто-то в деревне очень не хотел, чтобы они оставались и вели расследование.

– Кто это мог быть? Из тех, с кем мы беседовали?

– Охотник, – не раздумывая сказал Бабкин. – Он здесь единственный такой здоровый лось. Не представляю, чтобы меня с одного удара вырубил, например, Красильщиков.

– Может, и зря не представляешь... Ладно, двигаем.

– Куда?

– К терему, естественно, – удивленно отозвался Илюшин. – Какие у

нас еще варианты?

Сергей про себя усмехнулся. Если тот, кто напал на них, и в самом деле рассчитывал, что, испугавшись, они сбегут в Москву, он крупно просчитался. Макар пришел в бешенство. Теперь его нипочем не выгнать из Камышовки.

Илюшин подался вперед:

– Смотри, Красильщиков вернулся. Его «Тойота» перед воротами торчит. Поехали! У меня к нему накопились вопросы.

* * *

– Где вы были? – без предисловий спросил Макар, едва войдя в комнату.

Красильщиков открыл было рот, чтобы возмутиться бесцеремонностью, но тут же и закрыл. Люди, ввалившиеся в его дом, разительно отличались от тех, что были здесь утром.

– Что случилось? – Он с ужасом рассматривал их грязную одежду и бледные лица. – Вы что, дрались?

– Кто-то доступно дал понять, что нам здесь не рады.

– Как? Что?..

Бабкин ушел в самый темный угол, сел на пол и с облегчением привалился к стене. Здесь было тепло, сухо и свет не резал глаза. Красильщиков проводил его ошарашенным взглядом.

– Где вы были последние два часа? – повторил Илюшин. – Что за срочность такая заставила вас уехать, когда речь идет о вашей жизни? Вы же в тюрьму рветесь, я правильно понял?

Красильщиков выпрямился. Сумасшедший или нет, но держался он с достоинством; это вынужден был признать даже Макар, который был вне себя от ярости.

– Я не рвусь в тюрьму, – сухо ответил Красильщиков. – Но жить так, словно ничего не произошло, мне не под силу. Если хотите, считайте меня слабаком. Уезжал я, потому что мне позвонил один человек, с которым мы списывались прежде. Он гостит в селе неподалеку от нас, вскоре возвращается домой. Печной мастер. Мне необходимо было посоветоваться с ним по поводу дымохода на втором этаже. Понимаете, там непростая конструкция, сейчас так не кладут печи, и нужен был специалист, который...

Илюшин слушал с возрастающим недоумением.

– Вы ездили к печнику? – переспросил он.

– Уникальному печнику, – подчеркнул Красильщиков. – Сам он с Севера, навещается сюда очень редко, и это был единственный шанс. Договорились, что завтра он придет в гости. Будет разбираться, что не так. Теперь вы расскажете, что с вами произошло?

– У тебя судьба решается, а ты дымоход чинишь, – буркнул из угла Бабкин. У него болела голова, и он мучился от осознания, что их с Макаром едва не укукошил тихий деревенский житель.

– Так что случилось? – снова настойчиво спросил Андрей Михайлович.

Макар вздохнул.

– Рабочая версия: кто-то пришел сюда и прочел оставленную вами записку. Дождлся, пока мы зайдем в избу, оглушил нас обоих и бросил возле нашей же машины.

Красильщиков перевел недоверчивый взгляд на Бабкина:

– Это правда?

– Я бы в жизни такого не выдумал, – буркнул тот. – А твой печник подтвердит, что ты был с ним последние два часа?

– И печник, и вся семья, у которой он гостит... Но я все-таки не могу понять... Напали, ударили... Вас же надо немедленно к врачу! – Красильщиков вскочил. – Я отвезу, в райцентре есть хороший доктор, мы с ним давно...

– Андрей Михайлович!

Красильщиков осекся.

– Успокойтесь вы, ради бога. Доктор пока не требуется.

Илюшин стащил с себя испачканное пальто и, осмотревшись, положил на пол. Джинсы оказались сухими. Не то чтобы он чувствовал себя неловко, оставшись в одних трусах и свитере, но его поведение сконфузило бы присутствующих. Макар представил шокированного Бабкина и слегка развеселился.

Однако в глубине души он был не только взбешен из-за случившегося, но и обескуражен. Больше всего ошеломляла не то дерзость, не то глупость нападавшего, который, по-видимому, не предполагал, что его жертвы могут запустить машину полицейского расследования. «Или оно его не пугало», – сказал себе Илюшин. Он испытующе посмотрел на хозяина дома.

В углу, где приходил в себя Бабкин, ему почудилось шевеление. За десять лет они научились понимать друг друга без слов; Сергей догадался, что за подозрение тревожит его напарника, и отрицательно качнул головой. «Не он». – «Почему?» – так же молча спросил Илюшин. Сергей показал

ладонью десять сантиметров над полом. «Рост».

Словно иллюстрируя их разговор, Красильщиков поднялся, и Макар убедился, что Бабкин прав. «Метр семьдесят, может, чуть выше. Чтобы ударить Серегу по голове, ему пришлось бы подпрыгнуть».

– Я все-таки настаиваю на обследовании...

– Кто, по-вашему, мог на нас напасть? – спросил Илюшин, будто не слыша его.

– Григорий Возняк. – Красильщиков, как и Бабкин, не задумался ни на секунду. – Силища у него огромная. Я видел, как он тащил по земле лосину тушу килограммов на четыреста.

– У него есть причины, чтобы защищать вас?

– Ни одной. Он будет счастлив, если я навсегда исчезну.

– А какие у него отношения с Бакшаевыми?

– Про Веру ничего не знаю. С Надеждой общается так же, как со всеми. Единственный, кто его здесь на дух не переносит, кроме меня, – это Худякова.

– Нина Ивановна?

– Да. У них счеты с давних лет. Здесь ведь как обычно бывает: поссорятся люди из-за ерунды и годами не разговаривают.

– В Камышовке есть еще взрослые мужчины кроме Возняка? – подал голос Сергей.

– Шестеро. Но они сильно пьющие...

Бабкин переписал фамилии и адреса пьющих. Оказалось, что с тремя из них они сегодня виделись, и он мысленно вычеркнул каждого. Представить, что кто-то из этих трясущихся пьянчужек расправился с ними в доме, было невозможно.

За окном начало смеркаться. День утекал, как молоко из треснувшей банки. Сергей позвонил жене и предупредил, что сегодня не вернется в Москву.

– Ничего не понимаю, – бормотал хозяин. – Если Возняк, то зачем ему... Это что же получается, он тело Бакшаевой выкопал?..

Однако, несмотря на его неподдельную озабоченность, несмотря на то что Красильщиков определенно взгромоздил на себя часть вины за случившееся, Макар улавливал исходящие от него токи слабого удовлетворения. Он едва не списал это на антипатию. Невзлюбил человек тех, кого сам же и позвал на помощь, бывает. Как вдруг сообразил: тот просто-напросто радуется, что появилось косвенное подтверждение его рассказа.

– Михалыч! – позвал из угла Бабкин. – Лучше вот что нам скажи: ты

голоса слышишь?

– Какие голоса?

– Он спрашивает, не бывает ли у вас слуховых галлюцинаций, – перевел Макар.

– Боже упаси! С чего вы взяли?

– А зрительные?

– Зрительные?

– Вам не случалось видеть объекты, которых не замечали другие?

– Вы надо мной издеваетесь?

Бабкин удовлетворенно ухнул и привалился к стене.

– А они вас, оказывается, очень любят, – задумчиво сказал Макар.

– Кто?

– Местные.

– Да бросьте! – Красильщиков махнул рукой. – Любят, тоже мне... В глаза, может, и любят, а за спиной кукиши крутят. Едва отвернулся, стащили станину от швейной машинки, под навесом сохла после лака, – вот скажите на милость, зачем им древняя станина без самой машинки, а? Я-то ее приволок, потому что это довольно редкая штукавина для Науманна, на ней сверху чугунная плита с росписью. Но объективно никакой ценности она не имеет ни для кого, кроме таких же повернутых на старине безумцев, как я. Так почему стырили? Я вам отвечу! Потому что уносят все, что плохо лежит, причем это делают те же самые люди, которые якобы считают меня благодетелем. Здесь воровство – не грех, а образ жизни, своего рода удадь. Дурак тот, кто не ворует. Уверен, они и меня считают дураком. Идиотиком. Блаженненьким.

– А вот кстати о блаженненьких, – сказал Макар. – Вы в психиатрических клиниках лечились?

Красильщиков округлил глаза.

– Сначала голоса, теперь клиники... Понимаю. Думаете, я псих. – Он вдруг засмеялся. – Люди из кожи вон лезут, убеждая в своей невиновности, а я бьюсь о стену лбом, чтобы доказать, что я преступник. Не лечился, не состоял, голосов не слышу.

– Хороший народ в вашей Камышовке, – без видимой связи с предыдущими репликами сообщил Сергей.

Хозяин вопросительно уставился на него.

– Видите ли, Андрей Михайлович, окружающий вас народ врет так, что едва из штанов не выпрыгивает, – пояснил Макар. – И все это – чтобы защитить вас.

– В каком смысле?

– У вас пытались украсть прялку?
– Прялку? Да нет же, станину...
– Подождите вы со своей станиной. Прялку, старинную, деревянную – пытались? Вы видели вора?

Макар повторил историю, которую они слышали от Маркеловой. Ошеломленный взгляд Красильщикова оказался красноречивее любых объяснений.

– Это Таня вам сказала?

– Таня.

– Зачем же она... для чего же...

Красильщиков вскочил, забормотал, забегал по комнате и вдруг сел на пол.

– Это же вредительство какое-то, – беспомощно сказал он.

– Это попытка вас спасти. Кстати, почти удалась. Вы должны сказать спасибо тому, кто на нас напал. Если бы не он, мы бы уже возвращались в Москву. – Илюшин устало потер лоб. – Чертовски голова болит... Найдется аспирин? Мы остаемся, Андрей Михайлович. Только давайте условия работы обсудим завтра, если вы не против.

– Да называйте вы меня Андреем, ради бога! – неожиданно рассердился Красильщиков. – Я хоть вас и старше в полтора раза, но не такой старик, чтобы крыть меня отчеством.

Илюшин чему-то усмехнулся.

– А нельзя ли нам сухое шмотье сообразить? – пробасил Сергей. – Или хоть простынку какую, чтобы в нее завернуться.

– В простынку вам заворачиваться рано. – Красильщиков поднялся. – Сейчас принесу одежду, а затем поужинаем.

– Нравится мне наш хозяин, – вслед ему сказал Бабкин, когда за Андреем закрылась дверь. – Гостеприимный! Жалко, что душегуб.

* * *

После ужина Красильщиков отвел их в жарко натопленную комнату на втором этаже. Поев щей, Сергей Бабкин совершенно осоловел и думал лишь о том, как добраться до постели. Сквозь тяжкую сонную пелену он слушал, как Илюшин расспрашивает об особенностях обогрева такого большого дома и материалах для теплоизоляции.

«Полы почти горячие, вы заметили, Макар?»

Бабкин на секунду зажмурился от яркого света, а когда поднял веки, в

форточку протискивался некрупный гриф. Двигая шеей, он сделал круг по комнате и угнезвился рядом с Сергеем. «Но-но! Я живой, между прочим, – строго сказал ему Бабкин. – Ты тут не отирайся раньше времени». Ему вспомнилось, что в какой-то известной поэме описан ворон, только и умевший кричать, что «Никогда». «Заговорит он со мной или нет?» Гриф разинул клюв и каркнул: «Гипокауст!»

Бабкин вздрогнул и открыл глаза. Он сидел на краешке постели. Справа, привалившись к нему вплотную, дремал кот Арсений, прикрыв лапой рваное ухо.

– Гипокауст, – обернувшись к нему, повторил Илюшин. – Представляешь, здесь использован римский принцип обогрева полов! Круто, да?

Красильщиков взглянул на Бабкина и тактично заметил, что, пожалуй, уже пойдет.

– Моя комната на первом этаже, справа от столовой. Не стесняйтесь меня беспокоить, если что. Я плохо сплю.

– А собаки здесь шумные?

– Изредка брехают. Чижик мой молчаливый. И чутье у него отменное. На моей памяти один-единственный раз лаял так, что наутро охрип.

– Когда? – спросил Илюшин, догадываясь, каков будет ответ.

– В ту ночь, когда я убил Веру.

Как только они остались одни (кот выскочил за хозяином, будто бы и не спал), Бабкин со стоном облегчения повалился на кровать. Он только сейчас ощутил, до чего измотан.

– Будильник поставлю на семь. – Илюшин вытащил телефон из рюкзака. – Красильщиков говорит, завтракает он рано.

– Интересно знать, как он в одиночку управляет с хозяйством в этих хоромах? – вслух подумал Сергей.

– Почему в одиночку? Уборка – на тетке, которая приезжает из Уржихи. А готовит Андрей и сам довольно прилично. Он же рассказывал...

– Я прослушал.

– Ты проспал!

– Это все из-за сотрясения. – Ему пришла в голову новая мысль. – Слушай, ты не задумывался, что зарытый труп здесь может быть ни при чем? Просто кому-то из местных пришлось не по душе наши раскормленные московские рыла.

– За себя говори, – отозвался Макар. – У меня тонкий аристократический...

– ...фейс.

– ...профиль. Ладно, все это прекрасно. Но куда мог деться труп?

Бабкин перевернулся на спину и закинул руки за голову.

– Если исходить из того, что рассказ нашего хозяина не вымысел, то тело мог выкопать кто-то третий, – это первый вариант. И оно могло уйти на своих двоих – это второй. Задушить человека до смерти не так-то легко, как многие полагают. Сила в руках должна быть. Ты сестру нашей условно покойной видел? Здоровенная бабица! Даже мне пришлось бы долго ее душить.

– Ты б ей попросту шею свернул, – сказал Макар. – Ну, хорошо. Допустим, ушла. Но отчего не проявилась за три месяца? Вот что мне покоя не дает.

– Готовит месть?

– Вот уж маловероятно.

– Ну, может, перетрусилась и сбежала. Решила, что заявлять в полицию нет смысла, Красильщиков здесь царь и бог, ее же и выставят виноватой. И смылась по-тихому. Давай я завтра наведаюсь по месту ее последнего проживания и порасспрашиваю народ.

– Заодно сходи к врачу.

Бабкин промычал что-то, выразившее его полное согласие с этим планом, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Макар встал и подошел к окну. В небе над соснами висел желтый шар: так далеко укатившийся от лисы колобок, что и захочешь, а не вернешься отныне в дремучий лес, где все чудесно и страшно, где тропа ведет от зверя к зверю и жив ты лишь глупыми песенками. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. Спасся, голубчик? Или это твоя беспокойная душа отправилась в вечное путешествие мимо Большой Медведицы и Гончих Псов? Пока ты плывешь по небесной реке, внизу рассказывают лживые истории о твоём коротком бесславном пути. Все сказки сочиняются лисами.

Невдалеке коротко взлаяла собака и умолкла. Макар прислушался.

Тетка Маша загадывала ему в детстве загадку: у кого пылает хвост, а она его не тушит?

Дом Бакшаевых горел дважды. Первый раз – много лет назад, и выгорел полностью. Затем – в августе этого года, однако залили быстро, уступив огню лишь дворовый фасад и крыльцо. В разговоре с Надеждой Макар пытался незаметно сфотографировать следы пожара. Не вышло – женщина держалась настороже.

Услышав о том, что в ночь убийства тушили загоревшийся дом,

Илюшин преисполнился уверенности, что тело было спрятано там. Огонь уничтожает все следы. Кто-то выкопал задушенную Бакшаеву и перенес к ее сестре, а затем устроил поджог.

Оказалось, что его версия несостоятельна. Дом вовсе не сгорел.

И все же что-то здесь было не так... Два пожара не выходили у него из головы.

«У кого пылает хвост, а она его не тушит?»

Макар забрался в постель, размышляя, удастся ли ему заснуть под храп с соседней кровати. На этой мысли его и одолел сон.

Кот Арсений, ближе к полуночи забравшийся в комнату через приоткрытую форточку, устроился было у Илюшина в ногах, но вскоре ушел: Макар спал тревожно и ворочался. Ему снилось, что Веру Бакшаеву унес в заброшенный пионерский лагерь мальчик-горнист.

* * *

Илюшина разбудил негромкий стук. Открыв глаза, он обнаружил, что в комнате совсем светло. На соседней кровати мерно вздымалось одеяло, из-под которого голова не была видна, зато с дальней стороны упирались в деревянную спинку босые ступни сорок шестого размера. Взглянув на телефон, Макар убедился, что каким-то образом ухитрился не только проспять сигнал будильника, но даже отключить его. Как он это проделал, Илюшин совершенно не помнил, и из-за этого вкупе с неясным беспокойством от пробуждения в незнакомом месте его некоторое время не оставляло чувство уплывающей, неустойчивой реальности.

Подумав, он списал это на сотрясение.

Едва он вышел во двор, его обожгло холодным воздухом. День стоял такой ясный, словно его всю ночь готовили к тому, что он должен загладить первое неудачное впечатление от местного ноября, и чистили, и натирали до воинственного блеска. Блестели мокрые бурые листья, блестела черная земля, и оцинкованное железо крыш посверкивало под высоким небом, точно латы кирасира, начищенные перед боем.

Макар пошел по дорожке и на заднем дворе возле большого пруда нашел Красильщикова. Тот возился с узкой лесенкой длиной не больше полуметра, которую закреплял на берегу, опустив другой конец в воду наподобие трапа.

– Доброе утро!

– Доброе, – отозвался Красильщиков. – На кухне каша стоит на плите,

горячая. Если кашу не любите, есть яйца, хлеб, колбаса. А, еще суп вчерашний. Вы как насчет щей? Кофе хорошего не имеется, только пакость растворимая. Будете пакость?

– Спасибо, я лучше чай себе заварю.

– Тоже дело. Почки сосновые в шкафчике за плитой, там мешочек такой, увидите.

Сегодня хозяин выглядел иначе, чем вчера. Лицо его покраснело на холоде, тонкие губы обветрились, а глаза слезились, но взгляд был твердый, а не затравленный, как при первом их разговоре. Вообще он производил впечатление человека, который за ночь сбросил с плеч груз тяжкой беды, хотя Илюшину казалось, что дело обстоит в точности наоборот. Черная шапочка на его большой лысой голове то и дело морщилась и уползала на макушку; Красильщиков натягивал ее на уши, но это действовало недолго.

– В спячку не желают впадать, негодяи, – пожаловался он. – Обычно в октябре уже никого не видно, даже за погребом не шуршат, а в этом году уже двоих вытащил.

– Двоих кого? – не понял Макар.

– Да ежей. Они в пруд падают. Приходят на водопой, сползают в воду, а вылезти им силенок не хватает. Дохлого ежа вылавливать, скажу я вам, небольшая радость. Старые мостки, которые я смастерил той весной, у меня сгнили... Древесина была негодная. – Он снова натянул шапку пониже. – Я все голову ломал, отчего ежи не впадают в спячку, хотя уже холодно и снег вовсю падает, даже боялся, что прибежали бешеные... Вы же знаете, что ежи – частые переносчики бешенства?

– Ежи и лисы, – кивнул Макар.

– Да. Летучие мыши еще, но их у нас немного. А потом сообразил: они должны нагулять жир, прежде чем на всю зиму ложиться в спячку. Видимо, не у всех получается. По лесенке они смешно выбирают, я из окна наблюдал несколько раз. Бегут, башкой крутят. Мой Арсений их недолюбливает.

– Давно вы проснулись?

– В шесть. Дел много. Раньше я мечтал, когда налажу здесь хозяйство, завести корову... Теперь-то не судьба. – Он сказал это спокойно, не жалуясь. – Но, честно говоря, не представляю, когда же в таком случае спать. Моя бабушка вставала на утреннюю дойку в половине четвертого, что-то мне подсказывает, что я не способен на такой подвиг. Хотя свое молоко... Заманчиво!

– Чем вы сегодня занимаетесь?

– К двенадцати должен явиться мой печник, будем разбираться с дымоходом.

– Если все пойдет так, как вы планировали, у этого дома скоро будет другой хозяин, – безжалостно напомнил Илюшин.

Красильщиков удивленно взглянул на него.

– Какая разница? Работу все равно надо делать.

Илюшин прищурился.

Хозяин терема был некрасив: тяжелая, непропорционально большая голова, и лоб большой, широкий, а под прямыми бровями – умные глаза с набрякшими веками. Рубленый короткий нос и мясистый подбородок: Илюшин заметил на нем многочисленные следы порезов.

В его памяти всплыл рассказ, то ли читанный, то ли слышанный в юности, как одни люди привели других в лес и приказали им рыть себе могилу. Были ли это солдаты и военнопленные, или же бандиты и должники, или осужденные и палачи, говорившие с ними на одном языке? Этого он не помнил. Но только один из приговоренных отшвырнул свою лопату, а второй принялся молча копать.

Первый был весел и бешен, и когда за неповиновение на него направили оружие, лишь оскалил зубы. Второй крепче перехватил черенок.

«Упырям пособничать не стану, – сказал бешеный. – Все одно шлепнут, хоть так, хоть эдак. А ты зачем роешь, дурья морда?»

Второй поднял голову и улыбнулся: «Перед смертью поработать чуть-чуть – все ж радость».

С тех пор Илюшину доводилось иногда встречать людей этой, второй, породы, до того редких, что впору было заносить в Красную книгу. Их объединяла способность даже самую дрянную работу, вроде рытья собственной могилы, выполнять с такой гордостью и тщанием, словно не ублюдок с револьвером, а сам Господь, сойдя из райских кущ, попросил их о помощи, и они совершали свой труд не для других, а в его честь.

Был ли Красильщиков похож на них? Или просто не знал, чем еще занять время в ожидании, пока отыщут убитую им женщину?

– Я, Андрей, спросить хотел. Вы же предприниматель?

– Бывший.

– Значит, имели дело с документами. Как вы за три года не поняли, что в договоре стоит имя не того человека, который жил с вами бок о бок?

Красильщиков отложил на траву инструмент и натянул рукавицы.

– Это звучит довольно нелепо, но на имя я просто не обратил внимания. Мне указали на тетку, сказали, что она продает участок. Тетка вытащила из ящика документы на собственность. У меня не возникло

никаких сомнений. Я бы мог что-то заподозрить, если бы она сбежала с моими деньгами. Но Надежда осталась жить здесь, по соседству со мной... Не знаю, на что она рассчитывала. Может быть, думала, что Вера никогда не вернется? У меня нет ответа.

– Вы сказали, что пытались с ней поговорить после смерти ее сестры?

– Пытался несколько раз. Она включала бесноватую, и я в конце концов отступился.

– Про пожары у Бакшаевых вы знаете?

– Знаю про августовский. Он случился после того, как приходила Вера, причем я не сразу осознал, что это одна и та же ночь. Когда за мной прибежали, я спал, и проснувшись, решил, что прошло уже несколько дней. У меня в голове помутилось.

– А старый пожар?

– Я только слышал о нем. Подробности не знаю. Вам лучше спросить у тех, кто давно здесь живет.

Макар кивнул и в задумчивости пошел к дому. Красильщиков окликнул его:

– Вы меня извините, я ваш будильник отключил, когда он пиликал. Слышу – играет, а где, не пойму. Постучался, вошел, а вы спите. Я пытался вас разбудить, но не смог.

В кухне Илюшин вскипятил чайник и вспомнил про сосновые почки. Мешочек нашелся на нижней полке. По белому хлопку вышита зеленой нитью игольчатая ветвь и под ней олень с рогами. Очень знакомый олень. Фирменный рисунок Муры Маркеловой, по которому безошибочно узнавали ее авторство, – она часто оставляла его на своих книжках вместо автографа.

«Трогательно», – без всякого умиления подумал Илюшин и опустил три чешуйчатых почки в чашку с заваркой.

Глава 3

* * *

Бабкин ехал быстро, надеясь успеть до темноты, но на МКАДе застрял в пробке и провел в ней три бездарнейших часа, слушая радио. Едва он, уставший и измученный, переступил порог, к нему подбежала Маша, обняла, просияла, и навязчивый образ Татьяны Маркеловой растаял, сменившись удивлением: что за помутнение на него нашло?

Бабкин подхватил жену на руки и потащил в комнату, забыв об усталости.

– Что у вас там, в Камышовке? – спросила за ужином Маша. – Может, расскажешь?

– Скука смертная, – отмахнулся Сергей, твердо решив не пугать ее историей с покушением. – Даже говорить не хочу.

Обещанную Макаром «Лисью тропу» он не нашел на книжной полке и, подумав, осознал, что и искать не хочет. Вместо этого Бабкин озадачил жену вопросом, какие художники ей нравятся. Вынужден был долго рассматривать вместе с воодушевившейся Машей альбом репродукций Эгона Шиле, вызвавший в нем те же чувства, в которые ввергает неподготовленного человека посещение мясного цеха, – ужас и мучительное раскаяние в своем любопытстве. Затем пытался заглушить впечатление от Шиле импрессионистами, однако был пойман, усовещен и подвергнут знакомству с Гойей. Маша, окрыленная его интересом, заодно прочла красноречивую лекцию о «Снах разума». К концу ее рассказа Бабкин молился лишь о том, чтобы случайно не брякнуть имя еще какого-нибудь живописца.

Выбравшись из плена искусства, он на нетвердых ногах ушел в кухню и сел писать план на завтрашний день.

О Вере Бакшаевой было известно лишь то, что она закончила кулинарный техникум. Ее сестра наотрез отказалась что-либо сообщать детективам, и Сергею пришлось ехать по месту последней регистрации Веры и стучаться к соседям в надежде, что кто-нибудь из них осведомлен о ее работе.

Здесь ему повезло. Дом был старый, квартиранты менялись редко, и

жильцы заинтересованно присматривались к новым людям. Сергею указали на гигантский термитник в соседнем квартале, забитый офисами.

– Где-то там она работала, – прошамкал старичок-сосед. – В судках еду таскала домой. Воняла тушеной капустой на весь подъезд!

Бабкин направился к высотке.

Термитник обслуживали пять заведений общественного питания. В третьей по счету столовой, носившей название «Березка» и обклеенной фотообоями, простодушно иллюстрирующими название, в ответ на его расспросы женщина на раздаче повернулась всем корпусом и крикнула басом в глубину кафельного рая с запахом котлет:

– Светка! Пронина! Тут до тебя мушшчина пришел!

Вышла широкоплечая Света в грязно-белой косынке.

– Здравствуйте, – сказал Сергей. – Я насчет Бакшаевой...

– Убили нашу Верку? – резко перебила женщина.

– Нет, – сказал Бабкин, внимательно глядя на нее. – Вернее, мы не знаем. Вот, ищем.

– Кать, я на пять минут, – бросила она.

Они присидели под неудобным светом люминесцентных ламп не меньше часа. Когда схлынула насытившаяся волна офисных работников, раздатчица молча поставила перед Бабкиным тарелку жидкого супа и компот.

– Хабалка она, – ласково говорила Света, вертя в руках бумажную салфетку. – Я б, может, сама ее убила, если б у Петьки руки прежде моего не дошли.

Они были знакомы с Бакшаевой больше десяти лет. «В буфете на Ленинградском зацепились языками. Я там всего пару месяцев продержалась, Верка и того меньше».

Из рассказа Светланы вырисовывался образ человека жадного, скандального и бесцеремонного. Вера занимала деньги и не возвращала. Брала по чуть-чуть: то сто рублей, то пятьдесят, но для нее, похоже, было делом чести присваивать их. На тех, кто отказывался ссужать ее, накидывалась с оскорблениями. Чужое внимание распалило ее. Осуждают ли, стыдят ли – это Вере было безразлично; только бы смотрели.

– Дебоширка она – жуть! Чуть что не по ней, сразу орать и поддонами швыряться. Ну нету в человеке затычки! Все дерьмо льется наружу. Ее из-за этого и увольняли. Верка помыкается без работы – и новую ищет. Нравилось ей среди людей. А больше всего знаешь, от чего она тащилась? У нее нюх на чужие болячки. Почует кровяную ранку, и давай туда тыкать пальцем, ковырять... Человека от боли скрючивает, а она радуется как

ребенок.

– Как же вы с ней дружили? – Бабкин отхлебнул остывший суп, чувствуя на себе взгляд раздатчицы.

Света усмехнулась:

– Верка – она веселая! Артистка! Для друзей наизнанку вывернется, морду расшибет, а сделает что надо. Пару лет назад я загремела в больничку по женской части, и так мне тошно там было, что хоть вешайся на простыне. Верка это прочухала. Объявила медсестрам, что будет лежать со мной. И что ты думаешь? Пустили ее! – Пронина восхищенно цокнула языком. – Она, моя милая, и бульончик мне носила, и развлекала меня, даже пела. Вся палата ждала, когда она появится. Одна тетка с соседней койки мне заявила: «Я от нее заряжаюсь жизнью!» Так и есть. Верка, считай, все время электричество вырабатывает.

Был такой случай: к нам в столовку взял привычку таскаться один вшивый гражданин. Противный, как начальник, когда премии лишит! Любил нашим девчонкам говорить сальности. Бросит пару слов, а ходишь потом, будто тебя в соплях искупали. И не выгнать его никак... Нам с клиентами не разрешают ругаться.

Одна из наших на раздаче даже плакала после него, самая молоденькая. Верка увидела, ноздри у нее раздулись: чисто лошадь, только копытом не бьет.

А тут, значит, является этот вонючий хрыч. Будний день, полный зал народу... А на раздаче Верка. И вдруг как заорет на всю столовку: «Иван Кузьмич, пойдемте жениться!» – полиэтиленовый пакет цепляет к колпаку на манер фаты и топает к нему. Бух-бух-бух! Весу в ней – под центнер. Глаза выпучила, губки вытянула... Цирк! Он аж подпрыгнул! Женщина, говорит, зачем вы хулиганите? Я вас не знаю! Верка в крик: как, ты же обещал на мне жениться, ласковые слова говорил, шептал, какой горячий у меня гуляш...

Бабкин невольно улыбнулся. Пронина кивнула:

– А мы-то как хохотали! Он стоит, поганка плешивая, а вокруг все смеются. И Верка такая важная, грудь колесом, а над рожей пакет болтается. Умора! Старый пердун и сбежал. Больше у нас не показывался.

– Расскажи про нее еще что-нибудь, – попросил Сергей.

– А это поможет тебе ее искать?

– Надеюсь.

Пронина сделалась серьезной.

– Мне еще вот что вспомнилось... Как-то мы с Верой ехали зимой в метро: после работы, с сумками, уставшие... Пуховики еще эти! И тут они

входят. – Она поежилась. – То ли пятеро, то ли шестеро, здоровенные, как футболисты, и в татухах. Все под кайфом. У меня, знаешь, на такие дела глаз наметан: брата два года как похоронили, умер от передоза.

Ну, зашли на Маяковской. Топчутся. Чувствую, от них прям-таки бедой пахнет. Аж присела, молюсь про себя: только б живой из вагона выбраться! Дело вечером было, народу вокруг немного, вот они и высмотрели какого-то чурку. В углу торчал. Совсем мелкий, лет шестнадцать, может, семнадцать. Эти, значит, переглянулись, руки за пазухи сунули и пошли к нему. Понимаешь, зачем? Резать.

А Верку в этот день с самого утра злая муха укусила. Она сперва шефу надерзила, потом в «Пятерочку» зашла, тоже прооралась от души. Охранники ее заставляли сумку с мясом сдать в камеру хранения. Ха! Чтобы Верка отдала то, что попало в ее руки? В общем, была на взводе.

Она про этих пятерых тоже все поняла. Они двинулись с места, и вдруг Верка моя – пуховик нараспашку и в атаку! Ох, как она их крыла! Вы такие-сякие, чего вы тут задумали, рожи гнусные! Вы не мужики, а сосунки! И все такое... Прямо напирает на них, теснит! Ну а я чего... За ней семеню. В поручень вцепилась и думаю: пырнут ведь ее сейчас. Ткнут ножичком в печень, и конец Верке! Они отмороженные наглухо. Им все пофиг! А она до кнопки вызова диспетчера дотянулась, нажала и орет: «В нашем вагоне фашисты, вызывайте подкрепление, насилуют женщин и детей!» Тут как раз «Белорусская». Двери разъехались, эти пятеро попятнулись и вышли.

Верка потопталась, фыркнула... И не поймешь: то ли довольна, то ли нет. Я от страха вся мокрая как мышь, пот градом течет. Она обернулась ко мне, морду скривила и цедит сквозь зубы: «Фу! От тебя воняет!» И как раз мужик заходит в вагон. Симпатичный... на отставного военного похож. Я покраснела, стыдно мне стало... В другой раз познакомилась бы, может, а после такого комплимента и не улыбнешься лишний раз.

Она вздохнула.

– И вот так постоянно! С утра подумаешь: героиня наша Бакшаева! А вечером: да чтоб ты сдохла, тварь, никого хуже тебя на всем свете нету. Одного у нее не отнять: она смелая. Как гладиатор! Ты смотрел фильм? Там главный герой на тебя похож... Только у него всю семью убили.

– Мои живы, хвала богам, – открестился Сергей. – Света, а кто такой Петр?

– Возняк его фамилия. – Пронина скривила губы. – Полудурок! Возняк он и есть Возняк.

«Ого!» – мысленно сказал Сергей.

А Пронина тем временем рассказывала, что Вера часто переезжала. Никакой системы в выборе места у Бакшаевой не было; она могла ткнуть в карту и рвануть в Екатеринбург или Новосибирск. Паспорт у нее имелся, но Вера крайне редко регистрировалась на съемных квартирах, да и вообще наплевательски относилась к всякого рода условиям и ограничениям. «Тыщу раз ее выгоняли за пьянки. И соседи жаловались: шума от Верки много. К тому же курит».

Макар был прав, подумал Бабкин, хоть и не во всем. Илюшин предположил, что Бакшаева оформила новый паспорт под предлогом утери старого; вряд ли она помнила, что документ остался в деревне. «Если так, могла и замуж выйти, – сказал он. – Иначе откуда песня о муже, чью квартиру продадут, чтобы отдать деньги Красильщикову?»

– Какие у нее деньги! – расхохоталась Светлана, когда Бабкин поделился с ней этой мыслью. – Верка – беднота, в кармане ветер гуляет!

За Бакшаевой переезжал и Петр Возняк.

– Он дурной! Но Верку прямо боготворил. Она рассказывала, что он по ней с самого детства сох.

– Он тебе не нравился?

– Нет. На зомби похож.

– Почему на зомби?

– Ну... и не живой, и не мертвый. Станный очень. Я боялась с ним в одной комнате оставаться. Все выпивают, веселятся, а он смотрит, как оловянный.

Женщину передернуло.

– Верка об него ноги вытирала и в глаза ему плевала. Когда у нее деньги заканчивались, разрешала ему с ней жить и за все платить. А потом попадет ей жожа под хвост или встретится новый мужик, так она сразу Возняка за шкуру и прочь, как лишайного кота. Он послушный. Но иногда и на него что-то находило. Верка его единственного побаивалась.

– Как же: выгоняла – и побаивалась?

– Не знаю я, как это объяснить, – Светлана покачала головой. – Она и издевалась над ним, потому что в ней страх сидел. Верка его таким образом перебарывала. Вроде как заявляла всему свету, что у Петьки никакой власти над нею нет. Себя саму утешала.

– И Возняк все это терпел?

– Куда он денется! Бакшаева – красотка, где еще такую найдет.

Бабкин рассмеялся.

– А вот это ты зря, – обиделась Пронина. – Верка, конечно, поправилась малость. Ну, прилично поправилась, ладно уж. Но вообще-то

за ней мужики ухлестывали только в путь. Вот, смотри!

Вытащив из кармана телефон, она показала Сергею фотографии.

– Это наш коллектив в «Фазане». Хорошее место было! А это уже через четыре года, тут она, конечно, располнела. Петька хотел, чтобы они поженились, Верка даже кольцо выбрала. Потом в комиссионку отнесла.

– Так и не расписались?

– А зачем ей? Квартиры у Возняка нет, по съемным мыкается. Батя ему машину купил. Если Петьке деньги в руки дать, Верка мигом бы на них лапу наложила, и остался бы сынок без грошей и без колес. А так она даже сама рулила, ей нравилось. Верка вообще-то лихо водит!

– Сбросишь мне эти фотографии? – попросил Сергей.

– Да я не умею...

– Давай покажу.

– Я еще кое-что вспомнила. Он стреляет хорошо, Петька. Рассказывал, что его отец научил. В тир ходит три-четыре раза в неделю. Я однажды с ними пошла, Верка меня зазвала... Он меткий! Прямо снайпер!

Петр много лет не то терпел, не то принимал происходящее как должное; во всяком случае, не роптал. А затем что-то изменилось. Вера годами вычерпывала из этого колодца слепое обожание, и однажды ведро шваркнуло по дну. «Я на тебя жизнь потратил, а ты ею свою жирную задницу подтерла!» – озлобленно бросил Петр. «Твоей жизни цена – копейка в базарный день! – отбрила Верка. – На нее даже рулона туалетной бумаги не купить».

Петр шел вразнос. Он то умолял Бакшаеву выйти за него замуж, то обещал, что бросит бесстыжую бабу. Наблюдая за амплитудой этих качелей, Света заподозрила, что рано или поздно они сорвутся с перекладки и убьют того, кто окажется поблизости. К тому же в эти дни город обсуждал жуткую новость: мужчина в пьяной ссоре задушил жену и расчленил ее труп.

Придя на работу, Света молча выложила перед подругой статью. «Я его, дурака, самого расчлению, – бросила Верка, скосив на газету карий глаз. – Не трать нервы, Светик. Все они трусы! Даже скучно».

* * *

Пока его напарник искал в Москве следы Веры Бакшаевой, Макар проверил фактическую сторону дела. Надежду действительно через месяц

ждал суд, на котором ее должны были, скорее всего, признать мошенницей. Сама Надежда вину наотрез отрицала, призывая в свидетели сестру, однако сестры-то и не было. Зато был факт продажи чужого имущества по подложным документам.

Илюшину удалось взглянуть на копию паспорта, по которому Надежда выдала себя за Веру. Теперь ему окончательно стало ясно, отчего младшей Бакшаевой удалось без труда всех провести. Существо неопределенного пола и возраста, исподлобья смотревшее со снимка, с равной вероятностью могло быть Надеждой, Верой, бабушкой Яковлевой или даже Григорием Возняком.

«Значит, через месяц заседание, – размышлял Макар, возвращаясь в Камышовку, – и если ее осудят, то договор с Красильщиковым признают недействительным».

Но стоило ему подумать в сторону махинаций с наследственным имуществом, как выяснилось, что наследница у Веры одна – младшая сестра, и других родственников не имеется. Быть может, Вера написала завещание? В этом Илюшин сомневался. Люди, подобные Бакшаевым, не часто прибегают к помощи юристов.

«Красильщикову она кричала, что двадцать миллионов найдет без труда, а ведь это большая сумма. Что за муж должен был продать квартиру, если даже ее наперсница ни про какого мужа слыхом не слыхивала?»

– Подруга Бакшаевой говорит, что у ее хахалы есть машина, – позвонив, сказал Бабкин. – Подержанная «Дэу Нексия». Возняку ее подарил отец. Номер я записал, хочу кое-что проверить. Кстати, везу тебе в подарок фотографию.

Он скосил глаза на бумажный прямоугольник, который после долгих уговоров согласилась выдать ему Светлана. «Отдашь, когда найдешь Верку», – предупредила она и вдруг некрасиво разрыдалась, одной рукой закрыв лицо, а другой маша на него: уходи, уходи. Он и ушел, затылком чувствуя укоризненные взгляды ее подруг.

– Возняк – это не наш ли Возняк? – живо спросил Макар.

– Наш. Петр, сынишка охотника. Жил в Москве, перебивался нерегулярными заработками, в основном – охранником в магазинах.

– Они не расписаны?

– Подруга утверждает, что нет. Я заскочу на обратном пути к следователю, попрошу его отправить запрос. Тогда будем знать наверняка.

– Где она жила последние два года?

– Будешь смеяться: там же, где и раньше. По липовой регистрации. Работала поварихой, на одном месте долго не засиживалась. Исключение –

только последняя столовая, где я как раз нашел подругу. Она уверена, что Вера мертва и убил ее Петр. Про Красильщикова, по ее словам, никогда в жизни не слышала.

– Не врет?

– Не похоже. Когда в августе Вера не вышла на работу, в столовой не слишком забеспокоились, такое и прежде случалось. Бывало, она проявлялась вообще в другом городе. Подруга пыталась дозвониться до Петра, но он сначала сбрасывал звонки, а потом стал абонентом вне зоны действия сети.

– Любопытно, любопытно, – протянул Илюшин. – Ладно, возвращайся.

– Задержусь немного. Вечером буду.

«Белая «Нексия», битая, задняя пассажирская дверь черная», – описала Светлана машину Петра Возняка. Регистрационный номер женщина не помнила. Сергей Бабкин отметил все заправки по дороге на Камышовку, распечатал увеличенную фотографию Веры и двинулся в путь.

Надежда на то, что кто-нибудь опознает Бакшаеву, была ничтожна. Если он прав в своем предположении, «Нексия» проезжала по этому маршруту лишь один раз, и с тех пор прошло три месяца. Но Бабкин не привык оценивать вероятность успеха; он привык хорошо делать свою работу.

Он ехал, останавливался на заправке, спрашивал о женщине на фотографии, описывал машину Возняка. Не торопясь, терпеливо, от одного кружочка на карте до другого. На трехсотом километре они начали сливаться в его воображении; на четырехсотом он взглянул на навигатор и испугался, что пропустил одну. По закону подлости это должна была оказаться именно та заправка, где Вера заливала бензин. Сергей развернулся, проехал сорок километров и, увидев озадаченные лица девушек в мини-маркете, понял, что все-таки он здесь уже был.

На предпоследней заправке перед Камышовкой красивая женщина лет сорока, переставлявшая канистры с омывайкой, мельком глянула на его снимок и крикнула:

– Коль! Дуй-ка сюда!

Подошел седой охранник с большой, как у лабрадора, головой.

– Узнаешь эту суку?

– Какую?

– Которая погром устроила!

Тот полез в нагрудный карман за очками, что-то неуверенно бормоча, и

надев их, преобразился в немолодого профессора; Бабкин, онемев от неожиданной удачи и из опасения, что лишним словом может спугнуть свое везение, молчал. Охранник изучил фотографию с таким видом, с каким врач изучает на консилиуме сложный случай, и вернул Сергею.

– Она, – веско сказал он. – Видали мы эту даму. Запоминающаяся.

– Сволота она, а не дама!

Бабкин осторожно выдохнул.

Вера Бакшаева была на этой заправке. Да, сказали работники, «Дэу Нексия» с черной дверцей, битая, – они внимательно рассмотрели машину, пока заливался бензин.

– В туалет она попросилась. А у нас в тот день как раз бачок сломался, ждали, когда починят. Она давай настаивать, чтобы ей дверь открыли, – мол, все мы врем, просто хотим слупить с нее побольше денег. Каких еще денег, когда туалет бесплатный? А у меня клиенты: один кофе просит, другой ждет с ребенком, пока блинчики разогреются... Не до нее, в общем. А она настырная! Не унимается никак. Ей Коля говорит: успокойтесь, дамочка, не работает туалет. Она кричит: где табличка? Почему не повесили табличку «Туалет не работает»? А какая табличка, когда он час как сломался! Не успели мы... Она шумела-шумела, потом стала требовать, чтобы ее в нашу уборную пустили. У нас для сотрудников вон там, в стороне, отдельная кабинка стоит.

– Но Катерина Пална уперлась, – с ухмылкой сказал охранник.

– Если со мной по-хорошему, то и я хорошая, – отрезала пышногрудая Катерина Пална. – А кто с мечом придет, тот пусть на харакири потом не обижается. Я ей сказала: женщина, у меня инструкция, не имею права вас пустить. Она говорит: тогда я здесь нассу. Я говорю: ну ссы, если сраму не хватает. Пока она шумела, у меня люди разбежались. Мужчина ребенка увел, за блинчики платить не стал. Ну, я его не виню: как она ругалась матерно, это же уши в трубочку сворачивались! Коля стал выводить эту дрянь, а она повернулась вроде как ненароком и целый стенд с шоколадками свалила.

– Толкнула она его, – вмешался охранник. – Всей тушей надавила!

– Ага. Ахнула, типа от неожиданности, – и лыбится. Не повезло вам, говорит. И унитаз сломался, и «Сникерсы» разлетелись... Не будет вам больше ни в чем счастья. Смотрите, чтобы бензин не взорвался.

– Я после такой заявы пошел за ней и стоял рядом, пока она заправляла свою колымагу, – хмуро сказал охранник. – Думал, может, больная. Нальет бензину на асфальт и подожжет.

– Она и есть больная! Бешеная!

– Бешеные воды боятся...

Охранник и Катерина Пална поспорили немного о природе заболевания скандальной клиентки и сошлись на том, что Вера Бакшаева «психическая».

– Можно проверить по документам, какого числа вызывали сантехника? – спросил Сергей.

Да что ты, мил человек, какие тебе документы, сказали ему, три месяца прошло. Но Бабкин так искренне огорчился, что суровая Катерина Пална растаяла, позвонила кому-то, и выяснилось, что сантехник был свой, Людкин племянник. Через неизвестную Людку вызвонили его, а он сверился со своими сантехническими записями, и спустя каких-то пятнадцать минут Бабкин знал: Вера Бакшаева проезжала через заправку утром пятнадцатого августа.

* * *

Красильщиков весь день провел рядом с печником, скособоченным человечком, путавшимся в собственной густой бороде. Макар отвел его в сторону и расспросил о вчерашнем дне. Печник, удивленно глядя на него, ответил, что Михалыч, конечно, приезжал; потом испугался, что сказал лишнего, и бочком убежал к Красильщикову.

Макар сел на крыльцо и погладил молчаливую собаку Чижика.

– Пойдем, дружище, побеседуем с кем-нибудь.

Старуха Худякова, увидев Илюшина, совершенно не удивилась.

– Василий! – крикнула она в приоткрытую дверь. – Васька! Самовар поставь, у нас гости.

– А сама переломишься? – отозвался надтреснутый голос.

– Тяжелый он!

– У тебя чайник электрический имеется.

Василий высунул из дома заросшую физиономию, смерил Илюшина хмурым взглядом, сунул ноги в калоши и утопал в неизвестном направлении.

– Эх, погань какая, – беззлобно сказала ему вслед Нина Ивановна. – До чего же вредное отродье! Может, и зря я его сюда притащила... Ну да, бог даст, по весне сам уйдет. Они, бездомные, на одном месте долго не сидят, не могут.

– А Василий бездомный?

– Васька-то? Какой же еще. Он вокзальный. А вот гостил у меня Семен, тот вокзалы не любил, все по подвалам ошивался. Говорил, ему среди людей неуютно. Пойдем чайку попьем. На Белку не гляди, она только так, пугает.

Рыжая с белыми пятнами Белка рычала из-под лавки на Макара.

В доме Илюшину налили чай. Здесь было чисто, тепло и уютно; Николай Чудотворец, заключенный в деревянный оклад, внимательно смотрел из угла, и узоры настенного ковра перекликались с резьбой на дереве. Единственное, что выбивалось из традиционного интерьера, – небольшой застекленный шкафчик глубиной не шире ладони. Макар привстал и рассмотрел внутри коллекцию птичьих яиц, разложенных по ватным гнездам.

Под взглядом Худяковой он отпил глоток.

– Нина Ивановна, зачем вы стали привозить к себе бомжей? Из жалости?

– Какое там! – живо отозвалась старуха. – Терпеть их не могла!

Макар от изумления чуть не поперхнулся.

– Угощайся. – Она придвинула к нему пузатую сахарницу. – Рафинад сладкий, не то что нынешний. А с бездомными вот какая история вышла...

Она задумалась, переплетя пальцы в замок. Илюшин украдкой наблюдал и думал: какое все-таки незаурядное лицо – умное, волевое. Волосы седые, но густые и длинные – не зря она заплетает их в косу. Красивая старуха. И на удивление грамотная, живая речь.

– Овдовела я рано, – сказала Нина Ивановна. – Степан мой умер быстро. При той болезни, которая в нем гнездилась, это был царский подарок. Правда, это я уже позже поняла, когда поумнела, а в то время чуть не свихнулась от горя. Кто у меня был, кроме него? – Худякова начала загибать пальцы. – Во-первых, мамочка моя. Добрая, нежная, я от нее за всю жизнь слова злого не услышала. Во-вторых, отец. Нас у него три дочери и один сын. Сильный был, добрый, учил меня всему, что знал сам, только до тяжелой работы не допускал. В-третьих, Зоя с Леной и Алешка, младший. Мы в нем души не чаяли! Таким он рос чудесным мальчишкой, ну просто подарок, а не ребенок. Зойка была веселая и хорошенькая, такие обычно бывают счастливы, Лена – строгая и красивая, улыбалась редко, но если улыбнется, ходишь как поцелованный. Ты сейчас сидишь и думаешь, что я тебе сусальную картинку рисую, да?

– Нет, Нина Ивановна.

– Ты подожди! У меня фотокарточка есть. Я ее берегу как зеницу ока.

Худякова легко поднялась и выдвинула ящик буфета.

– Вот, смотри.

Фотография поразила Илюшина. Это был профессиональный портрет большой семьи. Молоденькая Нина смотрела в камеру – выражение такое, будто вот-вот расхохочется, прыгнет со стула и умчится босиком, сбросив надоевшие туфли.

– Какой же это год?

– А вот на обороте написано... тысяча девятьсот пятьдесят восьмой. Значит, мне тут, дай сообразить... ага, пятнадцать. Снимал нас Ильясов, вот и подпись его. Он затеял что-то вроде любительской этнографической экспедиции. Ездил по окрестным селам, снимал людей и их дома, песни записывал. Первый раз побывал у нас в пятьдесят восьмом, второй – тридцать лет спустя или чуть меньше. У меня, как видишь, фотокарточка осталась от первого его визита. Он не всем делал такой подарок.

– А от второго?

– Ильясов старенький уже был. Кажется, опостылело ему это дело. Я его и не видела, не хотелось мне с ним встречаться. Но ты на карточку-то смотри, смотри! Видишь – это мамочка моя, она всегда улыбалась. Вот это Зойка, на ней любимое платье в розочку. Лена фотографироваться не хотела, Алешка ее развеселил. Красивые, а?

– Очень, – признал Илюшин. – У вас прекрасная семья, Нина Ивановна.

– Чаем ее не залей. Они и без того у меня желтеют от времени, чисто папуасы.

Она ласково погладила фотографию и с той же интонацией сказала:

– Значит, папа мой умер прямо на поле через восемь лет после того, как Ильясов посадил нас перед своей камерой. – Нина Ивановна загнула один палец. – Мама пережила его на полтора года. Остались мы с сестрами и Лешкой. Вроде бы можно жить, верно?

Макар смотрел, как она загибает остальные пальцы, и молчал.

– Лена вышла замуж, уехала на Север и там через пять лет наложила на себя руки. Отчего, почему – не знаем. Письма она писала короткие, я их потом перечитывала без конца, но она всегда была скрытная, Ленка моя... Ничего я из них не узнала. Зойка погибла по-глупому. По путям шмыгнула перед электричкой, можешь себе представить? Взрослая тетка, а пяти минут пожалела, чтобы до перехода дойти. Знаешь, кому сказать – не поверят: Лену-то я простила, а вот Зойку – нет. Она ведь беременная была. И себя загубила, и ребеночка. Кто остался? Я да Лешка. Ну, Алексею моему в Камышовке всегда было тесно. Он уехал в город, сначала на одной женщине женился, затем развелся и сразу к другой подался, потом и вовсе к

третьей. Детей нигде не было. Последняя его жена меня убеждала, будто он из-за этого и выпивать начал... Не знаю, Макар. Он всегда бедовый был. Убили его в пьяной драке, а я в больнице тогда лежала, даже на похороны приехать не смогла.

Нина Ивановна бросила сахар в остывший чай.

– Вот, значит, какой расклад, – спокойно сказала она. – Муж мой погиб. Семья ушла за восемь лет, один за другим. Утешение у меня все же оставалось: мальчик мой золотой, сынок единственный... Так и его судьба у меня забрала.

Она помешала сахар. Илюшин слушал позвякивание ложечки и смотрел на фотографию, где все еще были счастливы.

– Знаешь, как я жила? Врать не стану, плохо. Как будто сперва мне сердце вырезали. Затем желудок. После – легкие. И так до тех пор, пока ничего у меня внутри не осталось – одна пустота, как в бочке. А живу-то я до-олго!

Худякова сокрушенно покачала головой и отпила чай.

– Но я тебе вот что важное скажу: наш Господь – он ко мне милосерден.

– Милосерден? – озадаченно повторил Макар.

– Очень!

Илюшин поразмыслил и решил говорить без обиняков.

– Нина Ивановна, вы пережили всю свою семью. Страдали без них, каждый день вам был не в радость. Может, даже умереть хотели...

– Не то слово как хотела! – подтвердила старуха.

– Так и где же здесь милосердие? Это не жизнь, а пытка.

– Вот и я над этим думала. Зачем, думаю, мне Господь выдал столько времени? Что мне с ним делать одной? Горю предаваться? Вряд ли Он этого хотел. Думала-думала, чуть голову себе наизнанку не вывернула, веришь? И вдруг поняла! Это мне шанс дают, возможность измениться. Чтобы с чистой душой пришла я к Нему, когда настанет мой срок. Вот в чем доброта Божья! Если на тебе грязное платье, ты ведь не захочешь перед царем появиться в обносках! Чай, попросишь время, чтобы дыры заштопать да грязь отстирать. Мои нескончаемые годы и есть время на постирушку.

Она перекрестилась на икону.

– Стала я думать: в чем я плоха? Что мне нужно в себе преодолеть? Сообразила: людей я не люблю. У меня была такая хорошая семья, что рядом с ними все прочие казались свиньями. Один собой нехорош, другой вороват, третья блудлива... Особенно убогих презирала. Ну плесень же,

дрянь! Бывает, увижу какого-нибудь алкаша, под скамеечкой спящего в собственных нечистотах, и мысленно тряпкой его стираю, будто ошибку с доски. Сразу чище!

– И вы эту брезгливость приняли в себе искоренять? – спросил Илюшин, пораженный ходом ее мысли.

– Верно. Первым привезла Сашку. Он в соседнем дачном поселке зимовал, а когда хозяева вернулись, его чуть не пристрелили. Мыкался по окрестностям, бедолага. Отмыла, вшей вывела, одежду старую нашла... Тяжело мне это давалось, врать не стану. Когда Сашка ушел, поехала во Владимир по делам, и там подвернулся мне на автостанции Володька одноглазый... Я им всем говорила, что у меня обет после смерти мужа: бедным помогать.

– Значит, научились все-таки их жалеть?

Старуха замахала руками:

– Их? Себя! От подобранной кошки больше пользы: она хоть мышей ловит. А бомжи – народ глупый, ленивый, неблагодарный и ни к какому осмысленному труду не способный. Попросишь сортир почистить, все вокруг зальют говном. Скажешь, чтобы семена морковки в грядку засыпали, придешь – семечки сбоку от бороздок лежат, а то и на тропе. Нет, Макар, поганый это народец в большинстве своем. Даже не то чтобы поганый, а так... пустой.

– Своеобразно вы развили в себе сострадание к ближнему, – заметил Илюшин.

Худякова засмеялась.

– Это ты меня поймал! Верно... Только я ведь и презирать их перестала. Люди и люди; все Господу угодны, все Его дети. Однажды вспомнила себя прежнюю: сколько ж мусора в голове носила! Поначалу еще мнила себя благодетелем. Правда, быстро поняла: нет уж, бродяги мои ни о чем меня не просили, им мое благодеяние сто лет не сдалось. Это я свои дела при жизни улаживаю за их счет. Я им спасибо должна сказать, а не они мне. Вот так и живем.

– И много у вас народу перебивало?

– Может, восемь человек, может, больше: я счет не веду. Я для них типа полустанка: придут в себя, оклемаются и дальше чухают. Василий вот только задержался. Но у него и мозгов побольше, и от работы не бежит. Вредный, правда...

– А в деревне... не возражали?

Худякова понимающе кивнула.

– А как же! Григорий больше всех бесился. Требовал, чтобы я своих

мужичков выгнала, иначе за ними на вокзал пойду. Но я же перед Господом обет дала. – Она опустила голову со смирением, которое, как показалось Макару, было прямо-таки вызывающе притворным. – Да и священник меня на это дело благословил.

«Ох и непростая старушенция. Беспроигрышную карту разыграла».

– Кто выпивал, тех я сама выгнала, – заверила Худякова. – Мне здесь алкаши не нужны. Подожгут еще дом...

– Кстати, про поджог, – сказал Илюшин. – Расскажите о том пожаре, который случился в девяносто первом.

– Ну, Бакшаевы горели, – нехотя сказала Нина Ивановна. Вся ее словоохотливость разом испарилась.

– Это я уже знаю.

– Человек погиб.

Илюшин вздрогнул и посмотрел на нее.

– Какой человек?

– Парень молодой... Напился, уснул пьяный в сарае. А тут пожар. Никто и не знал, что он там. Когда все было в огне, он закричал... А как вытацишь? Никак. Страшное дело, Макар... – Старуха отвернулась. – У нас не любят о нем вспоминать. Да и я не стану, ты уж меня прости. Сердце у меня от этого болит.

Выйдя от Худяковой, Макар сунул руки в карманы и побрел домой. Не любят они вспоминать! Когда в деревне тетки Маши семья отравилась паленой водкой, об этом потом двадцать лет рассказывали, с подробностями: и кто тревогу поднял, и в какую больницу доставили пострадавших, и кто выжил, а кого не спасли. В деревнях легенда вырастает из ничего, из древесного лишайника и сушеного гриба. А в Камышовке, оказывается, человек погиб, и все молчат, как в рот воды набрали.

Архив! Ему срочно нужен архив.

Какого-то Ивана судили за поджог и отправили в тюрьму. А если погиб человек, то он был виновен и в непредумышленном убийстве. Кажется, в нынешнем уголовном кодексе оно стало называться причинением смерти по неосторожности...

Сохранилось ли уголовное дело? Наверняка. Как бы получить к нему доступ...

«Проще всего через нашего следователя».

Татьяна смотрела из окна, как сыщик, сутулясь, идет мимо. Когда он

исчез из виду, она села за стол и обхватила голову руками.

Перед ней лежал рисунок: плакучая ива, склонившаяся над водой; шарообразное гнездо, похожее на улей. Она негромко застонала. Это хуже ноющего зуба, который ты не можешь не расшатывать в воспаленной десне, хуже болячки на коленке, которую сковыриваешь раз за разом.

Татьяна смотрела на переплетение ивовых ветвей.

Ива, гнездо.

Карандаш заскользил по бумаге, и на ней появились очертания двух небольших птичек, подлетающих к дереву.

Проклятое наваждение, болезнь, обострившаяся у нее в Камышовке! Разве можно было возвращаться сюда после всего, что случилось?

Ива, птички, гнездо.

Кто еще должен здесь быть?

Я не хочу, сказала Татьяна, сжимая карандаш. Я не хочу это изображать, я не хочу раз за разом воспроизводить этот день, я не хочу постоянно сама себе подавать этот платок и умолять, чтобы его забрали.

Рука, словно помимо ее воли, вывела у подножия ивы фигурку ребенка.

Хватит, сказала себе Татьяна. Довольно!

«Ты не закончила рисунок».

Несколько секунд она сидела, уставившись в одну точку. В ее ушах звучали крики, трещал гибнущий дом под страшный, набирающий силу гул огня, и все перекрывал нечеловеческий вопль.

Раздался хруст; Татьяна вздрогнула и очнулась от своего забытья. По столу катились два обломка карандаша.

Она тяжело встала, чувствуя себя старухой, взяла лист бумаги, стараясь не смотреть на изображение, и поднялась на чердак. Шкаф, забитый пыльными книгами, стоял с распахнутыми дверцами, словно ожидая ее. Все предметы в этом доме знали, что будет дальше.

Татьяна положила рисунок на полку, захлопнула дверцы и спустилась вниз, чувствуя, как ввинчивается в правый висок сверло. Феназепам нашелся в швейной коробке среди катушек и лоскутков; она и забыла, что сунула его туда.

«Не больше одной таблетки».

Она выпила две, забралась под одеяло и сказала себе, что, когда проснется, боль уже закончится. Это вранье никогда не действовало прежде, не сработало и теперь.

Сергей Бабкин нашел Макара в комнате, которую отвел им Красильщиков; впрочем, тот обещал, что к вечеру будет готова другая, в которую сможет отселиться один из них. «Там было не прибрано, – извинился он. – Если вам не нравится в тереме, можете переехать в сорок восьмой». В сорок восьмой ни Макар, ни Бабкин не захотели.

– Пятнадцатого августа Вера заправляла машину Возняка в тридцати километрах отсюда! – торжествующе сообщил с порога Сергей. – Красильщиков не врет.

Он выложил подробности разговора с сотрудниками заправки.

– Ай да Бакшаева! – восхитился Илюшин.

– Ага, шумная бабенка. Но мы должны сказать ей за это спасибо. Не закатаи она скандал, черта с два бы ее кто вспомнил.

– Я про младшую. Не видела, значит, она сестру...

– Врет! Спорим, она тело перепрятала?

– Зачем и куда? – заинтересовался Макар.

Сергей сказал то, что давно засело у него в голове:

– Перезахоронила по-человечески. Как ни крути, мертвая сестра ей выгоднее, чем живая: не нужно никому возвращать деньги Красильщикова. Уверен, она ни копейки ей не отправила. Подруга Веры не смогла вспомнить, чтобы старшая сестра хоть раз упоминала о делах младшей. Надежда провернула сделку втихомолку, никому ничего не рассказала и сидела на трех миллионах.

– Хорошая версия, – согласился Макар. – Только пока недоказуемая. Ты мне об этом сюрпризе говорил по телефону?

– Не совсем.

Сергей выудил из папки старую бумажную фотографию, которую ему удалось выпросить у Прониной.

Вере Бакшаевой на ней было не больше двадцати. Скорее, восемнадцать, и вспомнив паспортный снимок Веры, сделанный примерно в те же годы, Илюшин покачал головой: что же за бракодел ее фотографировал? Как получилось у него перевести эту бьющую через край жизнь в заурядное тусклое лицо?

Вера Бакшаева была исключительно хороша собой. Широко расставленные прозрачные глаза под густыми бровями, полные губы, сложенные в насмешливую полуулыбку, темные кудри – дерзкая, жадная красота, не допускающая, что кто-то пройдет мимо и не оглянется.

Вульгарная? Да кто вульгарен в двадцать лет! Хороший вкус – удел старости.

«Из-за такой женщины могли и всю деревню спалить», – подумал Макар.

Бабкин вывел на экран второй снимок. Ему хотелось добавить что-нибудь вроде «эх, что жизнь-то с людьми делает» или «годы никого не жалеют», но он справедливо опасался, что Макар не спустит ему с рук банальностей.

– М-да... Вот что жизнь с людьми делает, – сокрушенно сказал Илюшин. – Какая прискорбная метаморфоза.

– Из Золушки в тыкву, – пробубнил Бабкин за его спиной.

– А рядом с ней кто? Подруга?

– Да. Светлана Пронина. Нормальная тетка, и, похоже, единственный человек, что мог выносить Бакшаеву, не считая Возняка.

– Слушай, а я ведь знаю, кто ее снимал! – внезапно сказал Макар. – Фотограф Ильясов! Я уже видел одну его работу. Портретист он был, похоже, от бога...

– Что за одна работа?

– Худякова рассказывала мне о своей семье и показала карточку. Занятная она старушенция! Ум ясный, скептический.

– Что-нибудь новое узнал?

– При пожаре девяносто первого года в сарае Бакшаевых находился человек. Он погиб.

Бабкин присвистнул.

– А звали-то его как, человека?

– Худякова, по-моему, пожалела, что проговорила, и больше ничего вытянуть из нее не удалось. Я рассчитывал, что получится достать дело из архива. Позвонишь следователю? Тебе он охотнее пойдет навстречу, чем мне.

– Позвоню, – сказал Бабкин. – Только что-то мне слабо верится в успех этой затеи.

Он подошел к окну, потягиваясь на ходу: спина затекла после долгой езды. Сергей подышал на стекло и стоял, ждал, с детским удовольствием наблюдая, как тает мутное пятно и открывается скупой графичный пейзаж – избы, березы да грязная колея, жиденский перелесок и вороньем облюбованный старый тополь. Серость мышьяная, полынная горечь. «Век бы так смотрел».

– Слушай, а кто все время стучит? – спохватился он.

– Бешеный дятел.

– Нет, серьезно!
– Печник приехал, возьмется с утра вместе с хозяином, чинят дымоход.
– Ну дает Красильщиков!
– Нет бы водку пил и плакал! – осуждающе подхватил Макар. – Что за народ...

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг нахмурился и склонился над бумажным снимком:

– Серега...

– Ась?

Бабкин рассматривал Камышовку.

– Воздух какой прозрачный... – вслух подумал он. – Красота!

– Тоска и тлен! – отозвался Илюшин. – Глянь сюда.

Сергей с неохотой отвел взгляд от курившихся над избушками дымков.

– Что там?

– Вот. Смотри...

Бабкин склонился над снимком Веры Бакшаевой. Ее толстую шею оплетала цепочка с крупными звеньями, на которой болтался православный крест.

– Ничего странного не замечаешь?

– Крест. На золотой цепочке, – признал Бабкин, недовольный тем, что это заметил Макар, а не он.

– Я бы сказал, цепь. И сам крест какой-то необычный... У тебя лупа далеко?

Лупа нашлась в складном карманном ноже между штопором и отверткой.

– Я тебе и так скажу, без лупы... – Сергей придвинул лампу. – Э-э-э... Здесь, похоже, какой-то камень...

– Гранат, – сказал Макар.

Бабкин даже не заметил, как его нож с выдвинутой лупой оказался в руках Илюшина.

– Почему не рубин?

– Темноват для рубина. Хотя черт его знает... Приметная штукавина!

– Она его, похоже, не снимала. – Бабкин отодвинул бумажную карточку и увеличил снимок на экране.

Теперь настала очередь Макара досадовать на то, что он не сообразил воспользоваться таким простым способом. Вера Бакшаева носила трикотажные футболки с глубоким вырезом, а длина цепочки была невелика: украшение виднелось над краем ткани почти целиком. Сергей раздвигал границы кадра до тех пор, пока крест не стал превращаться в

размытые пиксели. Круглый камень под нижней планкой просматривался отчетливо; без сомнения, это был один и тот же крест или его точная копия.

В уголке памяти вдруг засвербело, словно там слабо царапалось неопознанное воспоминание. Сергей попытался рассмотреть его, но внутренняя лупа не работала.

– Любопытно, любопытно, – забормотал Илюшин. – У меня родилась идея. Давай-ка найдем кого-нибудь из местных, желательно в своем уме.

– Красильщиков?

– Нет, он здесь не поможет. Нужен тот, кто помнит Бакшаеву с юности.

* * *

Нины Худяковой дома не оказалось; вышедший на стук Василий зыркнул свирепо и сообщил, что Нинка шляется, а где – не знает, да ему и все равно.

– Может, на кладбище пошла, – неохотно крикнул он вслед, когда сыщики уже отошли от калитки.

– А где кладбище? – обернулся Макар.

– Сам найдешь, чай не слепой.

И Василий скрылся в доме.

– Чего это он злой такой? – спросил Бабкин.

– Подозреваю, что выпить хочет, а Худякова держит его железной рукой за горло.

– Она, значит, тоже вроде благодетеля, – сказал Бабкин, выслушав рассказ Илюшина. – Не многовато филантропов на одну деревеньку?

– Они с Красильщиковым из разного теста. Худякова себе изобрела внутренне непротиворечивую систему духовного роста, подозреваю, от такой тоски и горя, из-за которых люди менее крепкие полезли бы в петлю. А ей в петлю нельзя по религиозным соображениям. Православие запрещает самоубийство.

– Да-да, страшный грех. Кстати, почему самоубийство хуже убийства, я забыл?

– После него нельзя раскаяться. Что-то мне подсказывает, что, если бы Бакшаеву убила Нина Иванова, она бы ее прикопала в лесочке и жила себе тихо, молилась бы за чужую грешную душу и за свою заодно.

– То есть, совесть бы ее не мучила?

Илюшин усмехнулся:

– Свою совесть Худякова завязала бы в узел и концы прижгла, чтобы

не разлохматились. Она стойкая тетка. И очень непростая.

– На кладбище пойдём?

– Подожди... – Макар остановился, привстал на цыпочки, пытаясь заглянуть за забор соседнего дома.

– Может, за уши тебя поднять? – поинтересовался Бабкин, сочувственно рассматривая Илюшина с высоты своих почти двух метров.

– За уши не надо. Ты бабку видишь?

– Я все вижу. И бабку тоже.

– Значит, не показалось, – обрадовался Макар. – Пойдем-ка к ней заглянем. Только стучи без лишнего пыла, там все сооружение дышит на ладан.

Дом был темен, пахуч и грязен, он вызвал в воображении Сергея грибной суп с мухами. В слепой комнатке, где два окна из трех были заколочены, со стен смотрели святые: строгие, черные, в тускло поблескивающих серебром окладах. Пол был усыпан крошками, на подоконнике плесневела горбушка, но светлый дух сушеных грибов был так силен, что перебивал вонь испорченной еды. Связки свисали с натянутых под потолком струн; Бабкину пришлось согнуться вдвое, чтобы не застрять, точно бык в ярме, в грибной петле.

Хозяйка, горбатая старуха с гусарскими усиками, двигалась на удивление бодро. Под ее тапочками хрустели крошки. Первым делом она спросила, не из собеса ли пришли Сергей с Илюшиным, и узнав, что нет, гневно зашевелила ноздрями. Бабкин заподозрил, что их вот-вот прогонят, но Макар предъявил фотографию Веры Бакшаевой, выложив ее с таким видом, будто это был джокер, и старуха смягчилась.

– Да, Верка, – сказала она, рассмотрев карточку. – Ишь какая она здесь... Ну, молодые все красивые, если не хворают. Нашли вы ее, что ли? Или сочиняет Михалыч?

– Ищем, – сказал Макар. – Капитолина Игнатьевна, у нее крестик на шее – видите?

Хозяйка потянулась за очками.

– Это их фамильный крест, бакшаевский. Дед Верке подарил, любил ее очень. Она как надела его, так больше и не снимала. Я почему помню: из школы выгоняли ее. Не потому что крест, а больно уж вещь в глаза бросается. Верка его на выпуск носила, хвасталась. Он у нее был навроде ожерелья или кулона, как сказать-то правильно... Украшение, одним словом. Она им семье в глаза тыкала, показывала, что уела их всех. Павел с Оксаной младшую больше любили, она смиренная... У этой характер-то

дрянцо. А тут ей дед такие привилегии оказывает.

Бабкин с изумлением слушал рассудительную и внятную речь Капитолины. При виде обстановки он проникся уверенностью, что им предстоит беседа с еще одной полоумной бабкой, вроде той, которая болтала босыми ногами, сидя на кровати в подушках, и все призывала в свидетели Бориса Ефимовича, который оказался два года как покойным.

Какая-то мысль по-прежнему крутилась у него в голове. Нечто связанное с этим крестом...

– А что за камень внизу, вы не помните?

– Искусственный рубин. Их тогда лепили куда ни попадя. Но на всякий случай у Надежды спроси. Она вечно на этот крест облизывалась! Жадные они обе... только Надька дуреха безалаберная, а Верка... у той устройство посложнее. Я с Оксаной, их матерью, близко дружна не была, но беседовали, случалось, как иначе-то? Всю жизнь рядом, боками тремся крепче кур на насесте. Они кудахчут, вот и мы кудахтали. Оксана жаловалась, что старшая девка им жизни не дает. В деревне она, вишь, считала себя жемчужиной в навозе, выхаживала барыней, нос воротила от парней: деревенщина, мужичье... Хотя Ванька, который за ней волочился, славный был мальчуган. Шалопутный и в голове ералаш, но из него вышел бы толк. У меня на таких козлят глаз наметан. Закрутилось все не в ту сторону, да пошла телега под откос... Про что это я?

– Про крест, который носила Вера.

– Да... Она ведь и учиться не хотела, вот в чем беда. Надька – та со школьных лет трудилась. У нас большой совхоз, совхоз имени Крупской.

– А кем она работала?

– Телятницей. Молодец баба: все говорили, что она, как дом Красильщикову продаст, так сразу коровок своих и бросит, с такими-то деньжищами! А Надюха всем наперекор возьми да и не уйди с работы. Так и ездит пять дён в неделю. Это и правильно.

– Капитолина Игнатьевна, а вы знаете, кто погиб во время пожара в девяносто первом?

Старуха выпучила на него глаза.

– Эть, милый мой, как же можно не знать? Все знают! Ленька погиб, Гришкин младший сын, упокой Господи его душу. Они с Иваном давно были в контрах. Страшную смерть принял, сторел заживо.

– Гриша – вы имеете в виду Возняка? – недоверчиво спросил Макар.

– У нас больше Григориев нету. У него два сына было, старший Петька, младший Леонид. Петр уехал, он отца и не навещает, кажись. А Ленька в закрытом гробу похоронен, тут, на кладбище. Худякова за могилой

ухаживает. Григорий поначалу кидался на нее, потом вроде как притерпелся.

Мысль, не дававшая Сергею покоя, внезапно пробила лед и выбралась из черной проруби беспамятства. Он вздрогнул, захлопал себя по карманам, спохватился, что это был не его телефон, а илюшинский, и зашипел на ухо Макару, чтобы тот немедленно дал ему трубку.

– Ты чего ерзаешь? – забеспокоилась Капитолина. – В сортир хочешь? Он у меня во дворе, за яблонями.

– Извините, Капитолина Игнатьевна, – сказал Макар, поднимаясь. – Я его отведу.

– Что за танец маленьких утят? – спросил он, когда они вышли на крыльцо. Бабкин глотнул свежего воздуха и возбужденно ткнул в него пальцем:

– Телефон!

– Зачем? У тебя свой есть.

– Фотки! – взвыл Сергей.

– Так бы сразу и сказал, – укоризненно проговорил Илюшин. – На, держи. Что за фотография тебе так срочно понадобилась?

Сергей быстро перелистал последние снимки. Вот они зашли к Бакшаевой... Макар пытается сфотографировать обгоревший дом... На первом снимке бочка возле забора, на втором крыльцо, на третьем смазанное лицо самой Надежды, выгоняющей их со двора. «Валите, валите отсюда оба! Фоткает он, ты погляди...»

Бабкин увеличил последний кадр. В разрезе домашнего халата, на который младшая Бакшаева накинула куртку, отчетливо был виден золотой крест с темно-красным камнем.

Глава 4

* * *

С обувью помог Красильщиков: Макару вручил сапоги, а на огромную лапу Бабкина налезли утепленные калоши. Калоши оказались обувью легкой, непромокаемой и исключительно удобной; Бабкин, топая по кромке леса, жалел лишь о том, что они невысокие: нога выше лодыжки промокала в траве и мерзла. К тому же приходилось избегать ям. Длинноногий Илюшин вышагивал впереди не разбирая дороги.

Они шли к болоту.

Бакшаева была здесь, сказал Макар, права оказалась та беспмятная бабулька, как ее, черт... Яковлева. На заправке Вера устроила скандал, а вечером пришла к Красильщикову, и тот ее задушил. Где была белая «Нексия»? Должно быть, во дворе под навесом. Надежде повезло: машину никто не заметил, а потом она избавилась от нее.

И вот тут, сказал Макар, возникает вопрос. Машина – это тебе не труп, ее в земле не закопаешь. Можно загнать в лес и прикрыть ветками, но и здесь не все так просто, как кажется: по лесу ходят грибники, они забираются в такие чащи, куда вроде бы нормальным людям и соваться незачем.

– А если перегнала в город и продала? – предположил Сергей.

– Бакшаева продала? – удивился Макар. – Она из Камышовки выезжала только в свой совхоз, да по большим праздникам – во Владимир. Не факт, что она вообще умеет водить машину, тем более с механической коробкой передач. Ехать до райцентра опасно: а вдруг проверка на дорогах? Попросят документы, а у нее ни прав, ни свидетельства. Машина принадлежит даже не сестре, а Петру Возняку. Тут-то ее и спросят: на каком основании, голубушка, управляете вы чужим транспортным средством?

Нет, Надежда Бакшаева вряд ли рискнула бы выезжать на оживленные дороги.

Значит, машина где-то поблизости. Может, в озере? Но это должно быть глубокое озеро, чтобы машина ушла на дно и ни один рыбак не заметил бы ее сверху. Озера в округе заболоченные, поросшие камышом и

рогозом. А там, где расчищен берег, в воду протянуты рыбацьи мостки.

Бакшаева должна была придумать что-то другое...

И тогда Бабкин наобум спросил: «А болото здесь есть?»

И вот они шли к болоту. Вернее – к Болоту.

В окрестностях Камышовки безымянная трясина была одна. У всех прочих имелись названия: на севере – Коча, и принято было ходить «на Кочу» за груздями и брусникой; на западе – Белоозеро, где рыба не водится, зато в бархатной губке изумрудного мха, растянутой вдоль берега, в изобилии зреет клюква.

И Коча, и Белоозеро остались в другой стороне.

Если тебе нужен главный, иди к тому, кого не называют по имени.

Внедорожник бросили перед опушкой. Поначалу ветер мешал, но в лесу совершенно угомонился, притих, как испуганный ребенок, забившись Сергею в рукав. Хотя под ногами похрустывала промерзшая земля, лес отсырел, воздух был тяжелый, густой, пахший прелой листвой и смолистой древесиной. Казалось, если выжать его, скрутив в жгут, можно набрать с полведра воды.

На болото нельзя, твердо сказала горбатая Капитолина, узнав, что они задумали. У нас никто туда не ходит. Даже Возняк. Даже Возняк!

Она ткнула в плечо Илюшина кривым дрожащим пальцем.

Нельзя, ты понял меня? У нас это любой ребенок знает! Детей, считай, с колыбели пугают трясиной. Там лес гнилой, топь хлюпает сама по себе, словно по ней топают невидимка. А знаешь, что самое страшное? Что выглядит она почти безобидно: ярко-зеленая ряска среди деревьев, кажется, можно легко пройти их насквозь.

Лет тридцать назад там человек сгинул. Думал, больно много понимает про наш лес. Чаща не любит таких... понимающих.

Ты сообрази своей ослиной башкой, что если сам Григорий туда не кажет носу, то тебе и подавно там делать нечего. Возняк полвека тут охотится. Он не то что кочку, он каждый лист знает по имени, а дубы и по отчеству. Но болото – опасное место даже для Григория.

Если уж втемяшилось тебе, хоть возьми его проводником. Видит бог, я про Возняка слова доброго не скажу. А только без него вам оттуда дороги не будет. Сожрет вас трясина и не подавится.

И вот они шагали вдвоем, вооружившись лишь картой, компасом и на всякий случай мотком прочного шнура.

– Болото? – рассеянно переспросил выпачканный в саже и известке

Красильщиков, когда сыщики пришли к нему за снаряжением. – Слышал. Сам не бывал. Там, говорят, комарья полно, да еще клещей и лосиных мух, а я их на дух не переношу. Фобия. Боюсь, что в ухо заползут и станут биться о барабанную перепонку. Пойдем глянем в кладовке, надо вам куртки найти.

– Болото болотом, а проводник был бы кстати. Понятно, что не Возняк... Но хоть этот, как его... Василий. – Бабкин перешагнул через кучу лосиного помета. – Заблудились мы, что ли?

Илюшин сверился с картой.

– Два километра еще. Ты заметил, какой редкий лес? Танк проедет, не то что легковушка. А проводник нам ни к чему. Пять километров отмотать по этому березняку любой дурак сможет.

– Вот один такой дурак там и помер.

– Это все фольклор, мой восприимчивый друг, – сказал Макар. – Нету в наших лесах гиблых болот. Детей пугали – это понятно. А чтобы взрослый утонул – это выдумки.

– Нашелся знаток лесов среднерусской полосы, – пропыхтел Бабкин, стараясь не отставать.

Илюшин передвигался так легко, словно позаимствовал у Красильщикова не сапоги, а сандалии с крыльшками.

– Слышь! – позвал Сергей, когда Макар совсем уж умчался в лесную даль. – Притормози, Гермес фигов!

«Фигов! Фигов! Фигов!» – радостно отозвался березняк.

Они шли, и шли, и шли. Лес обступал их, вглядывался, но молчал. Безмолвие нарушали только их шаги и редкий хруст треснувшей под подошвой ветки.

Березы и чахлые сосны сменились осинами. Сергей осознал, что почва под его калошами не твердая, а пружинящая, мягкая. Он обернулся – сбоку ему почудилось движение – но поймал взглядом лишь крупный лист, слетевший с ветки. «Дожили. Деревьев боюсь».

Пугался он редко. Его бесстрашие проистекало из скудного воображения и крепкой психики: Бабкин не рисовал себе картин мрачного будущего не потому, что был уверен в будущем, а потому что был бездарным художником. Большинство страхов оставались за пределами его понимания. «Вот, скажем, умрешь...» – иногда задумывался он, но на этом мысль тормозила, столкнувшись с очевидным препятствием: Сергей не знал, что такое смерть. Понятно, что отсюда ты ушел. Но куда вышел? А если не вышел, то все еще проще: кого нет, тому не страшно.

Вот за жену он боялся, да. Когда Бабкин встретил Машу, кроме того, что внезапно он оказался совершенно счастливым, причем не моментами, а постоянно (чего, наученный прежним опытом, никак не ожидал ни от мироздания, ни от самого себя), в нем пробудилось магическое мышление. Стоило ему подумать, что с женой может случиться беда – автобус с уснувшим водителем, безумец с ножом, оторвавшийся тромб, – как некое чувство подсказывало, что ничего подобного не произойдет, пока он не позволяет этим мыслям пробиться в свой рассудок. И пристыженные мысли маячили где-то вдалеке, а затем скорбно таяли, убедившись в своей не востребованности.

В Камышовке же он постоянно испытывал странное ощущение... не сам страх, но предчувствие страха. *Меня вот-вот что-то сильно испугает.* Поразмыслив, Сергей связал свое состояние с нападением неизвестного.

– Зря мы это делаем, – вдруг неохотно сказал Илюшин.

Они остановились на краю неглубокой лощины. Внимание Сергея привлекли обвязанные вокруг стволов на высоте человеческого роста красные тряпочки, выглядевшие так, словно отряд осин посвящали в пионеры. Никакого объяснения этим меткам Бабкин найти не мог и даже подумал, не спрятана ли поблизости машина, однако беглый осмотр показал, что здесь не укрыть и трехколесный велосипед.

– Что зря?

– Ищем Бакшаеву...

– Зря – потому что ее здесь нет?

– Потому что нам вообще не стоило браться за это дело.

Бабкин в изумлении уставился на друга.

Участие Сергея в каждом их расследовании, по его собственному убеждению, сводилось к тому, чтобы работать добросовестной шестеренкой, хорошо, пусть даже поршнем или коленчатым валом, в то время как от Илюшина зависело, подавать ли топливо в этот механизм. Он был источником энергии, вечным двигателем, материализованным в виде человеческой особи: пол мужской, рост метр семьдесят пять, волосы русые, внешний вид не соответствует паспортному возрасту. Вечный двигатель не может работать с перебоями.

– Откуда сомнения?

Макар сделал неопределенный жест.

– Не знаю... Такое чувство, будто то, чем мы занимаемся, ни к чему хорошему не приведет. Бывают же тайны, которые не надо разгадывать, а?

– Только не убийство.

– Не знаю... – повторил Илюшин. – Может, мне просто Красильщиков

нравится.

– Ну, мне он, положим, тоже нравится.

– Это не мешает тебе отправить его в тюрьму. Так ведь?

– Преступник должен быть наказан, – внешне спокойно сказал Бабкин, совершенно не понимая, что нашло на Илюшина, но спохватился, что выражается каким-то казенным, нет, даже хуже, – плакатным языком, будто персонаж комикса: кудрявый мужчина в синих рейтузах и алых трусах. – В смысле, ну, есть же закон.

Он вдруг рассердился и на себя, вынужденного в чем-то оправдываться, причем непонятно до конца, в чем именно, и на Илюшина, непринужденно поставившего его в идиотское положение, из которого он никак не может выпутаться и барахтается, словно щенок в луже.

– А у нас что, новая концепция? Плохих людей сажаем, хороших отпускаем? Они же хорошие! Как же их на зону! Так, нет?

Илюшин помолчал. Потом сказал, как ни в чем не бывало:

– Пошли, грибов наберем.

И не успел Бабкин спросить, ополоумел он совсем, что ли, какие грибы в ноябре, как тот уже спускался вниз, оскальзываясь на мокрых листьях, – туда, где на березовом пне изгибались змеиные ножки опят.

Опята Илюшин сложил в собственный капюшон. Набрав грибов, он как будто начисто забыл, о чем они только что разговаривали, и снова рванул вперед. Однако прежняя его уверенность в том, что болото они найдут без труда, понемногу иссякала, и когда вышли на широкую поляну, Макар остановился в замешательстве. Впереди, сколько хватало взгляда, тянулся все тот же редкий осиновый лес.

– Где болото? – риторически спросил он.

– Дай-ка посмотреть.

Бабкин уткнулся в карту, затем сверился с навигатором. Искусственный интеллект утверждал, что они прибыли в место назначения.

– Странно... – пробормотал Илюшин.

Шагнул вперед и провалился по колено.

От неожиданности у него громко клацнули зубы. Не будь Сергей так изумлен, он бы расхохотался. Вода подбиралась к верхнему краю илюшинского сапога; Макар дергался, пытаясь выбраться, но с каждым рывком болото отвоевывало у него еще пару сантиметров.

– Замри! – рявкнул Бабкин.

Он присел, вцепился в скользкое, как масленок, голенище и рванул вверх. С неопишущим звуком, похожим одновременно на чавканье и

прощальный всхлип, сапог вылетел из трясины, а Илюшин с размаху плюхнулся на землю. Опята рассыпались вокруг него.

– Фигасе! – сказал Макар.

Сергей окинул взглядом эту картину – Илюшина в окружении грибов, напомнившего ему приготовления жены к фаршировке курицы гречкой с шампиньонами, – и все-таки заржал. Мстительное удовлетворение от того, что Макар наконец-то и сам выглядит глупо, смешалось с облегчением: все-таки они очень легко отделались.

– Даже ногу не промочил, – пробормотал Илюшин, ощупывая носок.

– Я тебе что говорил! Лесника нужно было звать.

В ближайших зарослях Бабкин обнаружил подобие слеги – длинный ствол молодой осины – и ножом срубил с него ветки. Осторожно продвигаясь вдоль поляны, оказавшейся никакой не поляной, и окуная слегу, он выяснил, что болото непроходимое: жердь уходила в воду метра на полтора. И прожорливое: при очередном измерении осиновый ствол так прочно засел в жиже, что Сергею только с третьей попытки удалось его выдернуть.

Когда он вернулся, Илюшин обосновался на поваленном стволе.

– Никогда такого раньше не видел, – с восхищением сказал Макар. – Как с обрыва ухнул. Перехода от суши к воде просто нет! Сразу бац – и все.

– Есть, просто мы его не заметили. Под ногами-то хлюпало последние метров пятьсот, если не больше.

– Теперь веришь, что здесь мужик утоп?

– Странно, что только один...

– Хоть бы они его обозначили, что ли, болото это.

Сергей вспомнил галстуки на деревьях.

– Бараны мы, бараны! Тряпочки – видел?

– Тьфу, – сказал Илюшин. – Вот уж правда бараны.

Бабкин сел рядом с ним на поваленный ствол и стал смотреть.

Как ни удивительно, теперь глаз уверенно различал ту линию, за которой начиналось болото. То, что они приняли за поляну, в действительности оказалось тесно плавающими островками травы и мха; будь они чуть внимательнее, разглядели бы раньше между ними черные лезвия воды. Больше всего Сергея удивило, что метров через сорок начинался почти такой же лес, какой они оставили за спиной.

– Всю жизнь был уверен, что деревья на болоте гнилые...

Макар поднял голову.

– Да, необычно. Березняк с ольхой, осины... Правда, сосны торчат дохлые, я отсюда вижу.

- И березы кривые, если присмотреться.
- Вон, слева ель какая-то страшенькая... Черная, видишь?
- Вижу. Но вроде живая...
- Проверять не пойдем.
- Да уж, воздержимся.

Бабкин поднял карту, которую бросил на землю, когда кинулся вытаскивать Илюшина, аккуратно сложил и сунул в карман. Макар крутил в руках опенок. От тоненького, на поганку похожего гриба остро пахло свежестью и огурцом.

Оба думали об одном: Бакшаева вполне могла загнать машину сестры в болото. Быть может, «Нексия» и не ушла бы глубоко под воду, но, в отличие от озер, здесь и не хаживали грибники с рыбаками, которые могли бы разглядеть ее, а образовавшуюся «полынью» за три месяца затянуло бы плавучей травой.

Знакомство с болотом обескуражило и Макара, и Бабкина. Перед ними раскинулось зримое подтверждение того подозрения, которое оба гнали от себя: Надежда Бакшаева избавилась от улики бесследно.

– Можно теткам грибы дарить вместо цветов, – задумчиво сказал Сергей, приняв опенок. – А чего, пахнет прикольно!

– У меня была знакомая, которая обожала запах помидорной рассады. Хлебом не корми, дай упасть лицом в помидорный куст. Только заметит теплицу, ломится туда, как наркоман за дозой.

– Да это она тебя, дурака, заманивала. Любви хотела. А мне гудрон нравился! Вонял фантастически. Асфальтовая смола такая...

– Гудрона не жевал – жизни не видал! – философски заметил Илюшин.

– А еще я в детстве котов нюхал. Домашних. Поймаешь в гостях чужого кота, а он шапкой пахнет.

– Это шапки котами пахли.

– Шапки пахли нафталином. И пижмой еще. Бабушка летом веточки свежей пижмы по шкафам раскладывала, от вредителей. Так и не знаю, помогает или нет.

Илюшин засмеялся.

– Ты чего это? – подозрительно спросил Сергей.

– Представил, как ты нюхал котов. Входит такой шкаф, ловит несчастного зверя и тащит к своей жуткой роже. Кот от ужаса ссытся и роняет шерсть.

– Ни один не ронял!

– Значит, теряли сознание. Если б ты попытался меня обнюхать, я бы точно потерял.

– В страшном сне не привидится тебя нюхать, – заверил Бабкин.

Илюшин сорвал пучок сухой травы и оттер грязь с подошвы.

– Ладно, чего сидим? Давай машину искать.

– Куда двинемся? – Сергей поднялся. – Прямо мы уже ходили, чуть коня не потеряли. Сивого мерина.

Мерина Илюшин пропустил мимо ушей. Он крутил головой, зачем-то принюхивался, и в конце концов решил:

– Направо.

Собрал рассыпавшиеся грибы и двинулся по краю леса, тщательно выбирая, куда ступать.

– Если верить карте, эта трясина занимает не меньше десяти гектаров, – бормотал сзади Бабкин. – Прикинь, нарвемся на собаку Баскервилей!

– Ты ее схватишь, обнюхаешь, и она гикнется от ужаса, – отозвался Макар. – Как соседские коты.

– При моем обнюхивании ни один кот не пострадал!

Илюшин замедлил шаг, и Бабкин насторожился.

– За нами кто-то следует, – помолчав, сказал Макар.

– Давно? – Бабкин заставил себя идти как прежде, не поворачивая головы.

– Черт знает. Минуты три чувствую.

– Отловить гада?

– Попробуй, если получится...

Бабкин резко обернулся, внутренне готовый к тому, что за ними потащилась сердобольная Капитолина, и почти сразу на пригорке увидел фигуру, метнувшуюся прочь. Он бросился за ней, но уже через двести метров остановился и вернулся обратно.

– Бесплезно! Удрал как заяц... Я был уверен, что это кто-нибудь из наших старух!

– Довольно шустрая старушка. Ты его разглядел?

– Мужик. Лет... не знаю, может, сорок? Тридцать? Во всяком случае, не старей. Исчез моментально, как сквозь землю.

Сергей оступился в ямку, наполненную водой, залил калошу и выругался.

– Да что за дьявол! Невезуха целый день.

– Почему невезуха?

– Тебя чуть не засосала опасная трясина – это раз. Какой-то хрен за нами топал и слинял – это два. И тачку здесь можно искать до морковкиного заговенья – это три. Убедил?

– Убедил, – согласился Илюшин. – Сергеа, а что это впереди за кусты?

Бабкин, озабоченный хлюпаньем в калоше, не сразу понял, о чем его спрашивают.

– Я тебе что, дендролог? Оляха какая-нибудь. Или этот, как его... бересклет.

– Оляха, говоришь... – пробормотал Макар.

Сергей, наконец, поднял голову, присмотрелся и за облетевшими ветвями рассмотрел белый корпус.

«Нексия» прочно, основательно, почти уютно сидела на брюхе; колеса до середины ушли в вязкую болотную почву, промерзшую к ноябрю. Тот, кто пригнал ее сюда, тщательно замаскировал машину ветками. Издалека эта груда напоминала шалаш, и Бабкин позавидовал остроте зрения Макара.

– Просто я знал, что она где-нибудь тут поблизости, – сказал Илюшин.

– Почему не в болоте?

– У Бакшаевой рука бы не поднялась утопить машину. Это как пристрелить здоровую лошадь.

– У твоей лошади ребра сгнили, – заметил Сергей, стряхивая листья с проржавевшей черной двери.

Номер с машины был скручен, вещей внутри не было. Подойдя, Сергей первым делом принялся: пахло только лесом, из чего он заключил, что Вера Бакшаева, по крайней мере, не лежит в багажнике.

– Сестра должна быть совсем душой, чтобы бросить тачку с телом в лесу, когда болото в двух шагах, – вслух подумал он.

– Я тебя умоляю! – откликнулся Илюшин; он пытался сквозь стекло рассмотреть, что в салоне. – Люди в массе своей действуют нерационально. Представь, что Надежда панически боялась дотронуться до тела сестры. Вот тебе и причина оставить труп в багажнике.

– Короче, в машине его нет. Иначе пахло бы.

Он сфотографировал «Нексию» со всех сторон.

– Вопрос, как нам снять отпечатки... – задумчиво сказал Макар.

– Нет такого вопроса.

Сергей обмотал локоть курткой и ударил в боковое водительское окно. Стекло ахнуло и разом помутнело от бесчисленных трещин. Вытащив его, Бабкин открыл дверь.

– Надеюсь, она не стерла свои отпечатки с руля... – пробормотал Илюшин.

Бабкин осмотрел руль и покачал головой.

– Макар, дело дохлое. Отпечатков тут нет. Во-первых, это кожаная

оплетка, во-вторых, она рифленая. И времени прошло много.

– А если на панели?

– Все проверю, конечно. Но три месяца...

Илюшин понимал, что он имеет в виду: отпечатки недолговечны, сохраняются не дольше двух-трех дней. В холоде жировой след дольше не разрушается. Следы прикосновений, не исчезающие долгие годы, – в девяноста восьми процентах случаев киношный штамп, а в двух – редкое стечение обстоятельств.

– Есть! – выдохнул Сергей.

Он ворочался внутри «Нексии», как медведь в тесной берлоге; при каждом его движении машина, казалось, проседала еще сильнее, впечатывая в землю металлическое брюхо.

– Что – есть? – недоверчиво спросил Макар.

– Отпечаток. Смазанный, правда, но терпимо. Точнее, даже несколько отпечатков.

– Где, на панели?

– Не-а. Ты будешь смеяться! В бардачке валяется диск с Лепсом. Кто-то хватал и саму коробку, и диск.

– Вот не зря я всегда восхищался певцом Лепсом! – растрогался Илюшин. – Сколько пользы от человека, ты подумай...

– Раньше времени ерничаешь! Может, это пальчики старшей Бакшаевой.

– Лучше бы, конечно, младшей, но старшая тоже подойдет. А если на рычаге передач?..

Бабкин выразительно скривился.

– За что еще хватается человек, едущий в машине... – спросил Макар самого себя. – За зеркало, допустим... Слушай, Серега, – встрепенулся он, – а ведь тебе в машине не так тесно, как я ожидал!

– Ты о чем?

– Сядь на водительское место, будь любезен.

Сергей, пожав плечами, перелез в соседнее кресло.

– Ноги на педали, руки на руль, – распорядился Илюшин. – Отлично! А теперь скажи: тебя не удивляет, что ты не скрючился, как дохлый таракан, а расположился довольно комфортно?

– Комфорт, прямо скажем, относительный... – начал Бабкин и замолчал.

– Вот именно, – кивнул Макар. – Бакшаева ниже тебя на две головы. Она попросту не дотянулась бы до педалей. Будь кресло отрегулировано под нее, его придвинули бы в два раза ближе. Кто-то другой вел машину от

День у Надежды Бакшаевой прошел в суете: сбегала в магазин, накупила там зачем-то консервированной горбуши, которую не любила, и, не переставая удивляться самой себе, наспех сварила суп. После судорожно отмывала от застарелой жирной грязи плиту, разобрала шкаф с постельным бельем и заново проклеила кухонное окно, в щелях которого поскуливал сквозняк.

Почувствовав, что вот-вот упадет без сил, съела без аппетита тарелку рыбной похлебки и обратила взор к настенным часам. Хрипнуло, скрипнуло, отворилось, и кукушка прокуковала четыре раза.

Птицу Надежда не любила. Кукушка была молодая и наглая, купленная за большие – неприлично сказать, до чего большие – деньги сразу после продажи купеческих развалин. Три миллиона! Надежда до последнего была уверена, что обманут, и где-то в глубине души даже рассматривала такой исход как желательный, понимая, что в образе несчастной одураченной женщины сможет рассчитывать на некоторые преференции от окружающих, а вот внезапно обрушившееся богатство лишит ее даже имеющих. Быть жертвой необременительно и приятно; к тому же это была знакомая, многократно отыгранная роль. Когда у тебя такая сестра, как Вера, не нужно прикладывать усилий, чтобы выглядеть страдальцей.

Однако Красильщиков не обманул. Ошалев от огромных денег, Надежда приехала на такси во Владимир – барыней! барыней! – и велела остановить возле ювелирного. Так и крикнула таксисту: «Стоооой!» – чувствуя, что некая незримая сила приподняла ее над этими... ну, вот этими... как их, черт! ах да, обслугой! – приподняла над обслугой, никогда не ворочавшей миллионами.

«Чего орешь как три дня недоенная? – спросил таксист без всякого пиетета к ее новому статусу. И прибавил грубо: – Блевать если – выметайся наружу!»

Надежда вовсе не собиралась блевать, хотя перед поездкой, сама не зная зачем, хлебнула портвейна. Всю дорогу, пока ехали до города, в ней вызревала мечта; вернее, Бакшаева насильственно приводила себя в состояние мечтания, скручивая и выжимая безответственную свою натуру, которой хотелось почему-то лишь вернуться домой, добить портвешок и

завалиться в постель. Наконец смутно просияло в сознании: кольцо! с бриллиантами! – и Надежда облегченно выдохнула.

Ослеплять, сиять и царствовать!

Она выпорхнула из такси, прочь от хама-водителя, и влетела в ювелирный.

Оказавшийся салоном часов.

Вывески ли она перепутала или же это были происки дьявола, желавшего омрачить Надеждин триумф (сама она склонялась ко второму объяснению), но только в своем дешевом пуховике, в толстых штанах, толстом свитере и сама толстая, Бакшаева оказалась посреди строгой математической безупречности часовых механизмов.

Ей стало не по себе. Страх был сродни испугу маленького ребенка, вдруг попавшего в незнакомое место. К нему присоединился стыд: она все перепутала! Дуреха!

Прохиндей консультант, мгновенно раскусивший эту пьяненькую провинциальную бабу, налетел, закружил, запел сладкоречиво, и десять минут спустя Надежда обнаружила себя на ступеньках магазина с большой коробкой в руках.

Что в коробке, Бакшаева не знала. Все случившееся в магазине изгладилось из ее памяти, как зарастают у детей новыми событиями травмирующие воспоминания. Вернувшись домой, она три дня держала попку под столом и даже подумывала выкинуть не глядя. Но зашла Капитолина, высмотрела любопытным старческим взглядом ее приобретение, и пришлось пойти на поводу у неотвязной старухи.

Так на стене поселилась кукушка.

Через пару дней Бакшаева вытащила из кармана пуховика чек за попку. Не меньше минуты осмысливала число в последней строке. Вспомнила, во сколько ей обошлось такси. Объединила две суммы. И физически ощутила, как эта бессмысленная трата лишила ее три миллиона былой безупречности. Блюдце с выщербинкой, надкушенный пирог – вот чему отныне была она хозяйкой.

В ужасе Надежда прибежала в банк и попросила открыть такой счет, с которого не могла снять свои деньги без потери процентов. Из банка бросилась в совхоз и умолила принять ее обратно, не замечая, что все только рады ее возвращению. После чего окончательно успокоилась. Теперь, когда ее деньги были надежно защищены от ее собственных посягательств, Надежда Бакшаева снова почувствовала себя богатой женщиной.

– Ку-ку. Ку-ку. Ку-ку. Ку-ку, – противным голосом сказала кукушка.

И сразу раздался стук в калитку.

«Не открою!» – подумала Бакшаева, однако ноги уже сами несли ее к порогу. Тогда она пообещала себе, что сейчас разнесет их в пух и прах, ох как она им сейчас выскажет!

Но едва распахнув дверь, Надежда почувствовала, что превращается в резинового ежика, который шел и насвистывал дырочкой в правом боку. Ежик насвистывал, а из Надежды через дырочку вышел весь воздух, едва она увидела их хитрые и довольные морды.

– Чего вам? – хмуро спросила Бакшаева, стараясь не показывать испуга.

– Поговорить про вашу сестру, – сказал младший, но только она собралась захлопнуть дверь перед его глумливой харей, он добавил, даже не делая попытки помешать ей: – Надо было вам утопить Верину машину в болоте. Зря вы ее бросили на видном месте.

У Надежды словно ком теста осел внутри и растекся по стенкам.

– Какую еще машину...

– И крест надо было спрятать, – пробасил здоровяк.

Она непроизвольно прижала руку к груди и отшатнулась.

– Уходите!

– Да мы-то уйдем, – спокойно сказал первый. – Прямиком в прокуратуру. Будете с ними разбираться, откуда у вас крест покойной сестры и отчего в ее машине, брошенной в лесу, повсюду ваши отпечатки пальцев. Или можем поговорить по-человечески, а потом вместе подумать, как быть.

Бакшаева обмякла. Эти двое так и стояли за калиткой, точно вурдалаки, которым, по слухам, непременно нужно приглашение, чтобы войти. Да они и есть кровососы. Всю жизнь ее выпьют, только наладившуюся.

– Заходите, что уж...

Она повернулась и, тяжело ступая, пошла в дом.

* * *

Григорий вернулся из леса злой как черт. На выбежавшего ему навстречу дворового пса, безымянного алабая, отзывавшегося на свист, метнул такой взгляд, что тот попятился и полез обратно в конуру. Ученый...

Пару месяцев назад ему заказали барсучью шкуру. «На удачу», как

сказал заказчик. Меха барсука длинный и густой, но очень уж грубый, никакая баба носить такую шубу не захочет. Возняк читал, что раньше из барсучьего меха шили воротники, шапки и рукавицы. Теперь-то почти никто его не использует, мех идет только на кисти да помазки для бритья.

Барсук – зверь хитрый и основательный. Купчина! Норы у барсуков огромные, разветвленные, – не норы, а сложноустроенные дома. Бывает, в одной норе много поколений живет, сменяя друг друга, а вымрут – займет их хоромы лиса.

Возняк нарочно дотянул до ноября. В декабре зверь заляжет в спячку, а весной выберется отощавший и плешивый. Значит, надо успеть, когда шкура распушена от холода, а сам барсук ленивый и разъевшийся.

Две недели он выслеживал барсука, пока не определил наверняка, где тот забирается в нору. Выходов из нее много, но перед основным, парадным лазом, всегда есть желоб, больше всего похожий на детскую горку. Это барсук своей тяжелой тушей укатал землю.

Григорий охотился без собаки, один. Несколько раз ставил на тропах капканы, но старый хитрый зверь обошел его ловушки. Тогда Возняк устроил засаду. Вся надежда была только на нее. Холодало все сильнее, и по радио обещали, что вот-вот выпадет снег, а значит, в любой день барсук мог залечь в спячку. Кроме того, что жаль было денег, которые Григорий уже считал своими, грызло тщеславие: взять заказ и не выполнить – все равно что расписаться в собственном бессилии.

Нет, барсука нужно добыть во что бы то ни стало.

Григорий устроил лежку на сосне неподалеку от норы. Слух и зрение у барсука слабые, в отличие от обоняния, и вверх он поглядывает редко. В развилке Возняк укрепил доску, на доску набросал веток, ветки прикрыл ветошью и приготовился к долгому ожиданию. Хозяин норы ушел на ночь, утром вернется. Возле норы Григорий его и возьмет.

Пока лежал под теплой накидкой, думалось разное.

Например, о жизни. Жизнь – штука справедливая. Если покусишься на чужое добро, у тебя и твое собственное отнимется. Об этом, кажется, еще Христос предупреждал; впрочем, Григорий в религиозных догматах был не силен.

Взять Красильщикова! Покусился на чужую власть. Хотел под себя подгрести Камышовку. И что с ним случилось?

То-то и оно.

Лосиху Возняк пристрелил нарочно. Был такой грех – хотел подразнить Красильщикова. Больно много тот о себе полагал. Когда мамаша рухнула, глупый лосенок забегал вокруг нее на своих тощих

суставчатых ногах, принялся тыкать носом в облезлый бок, ушами зашевелил, зафыркал непонимающе. Григорий дал Красильщикову время полюбоваться, а потом выстрелом свалил и теленка – бац! – только копыта в воздухе задрогались. На Михалыча даже не покосился. А тот возьми да кинься на него – вот уж чего не ждал, того не ждал.

В первую секунду даже обрадовался: кулаки-то давно чесались. Но оказалось, что никаких скидок на возраст Красильщиков не делает, лупит всерьез. Два зуба выбил ему первым же ударом.

Если бы не ружье, Григорию пришлось бы туго. Но он извернулся, врезал прикладом. Можно было Михалыча там же и положить. Если начистоту, имелась такая мысль у Григория. Тайная мысль, славная, как пригоршня камешков в ладони: перекатываешь их, и приятно.

Но Красильщиков перед выходом растрепал, куда они идут. Нехорошо могло получиться.

Еще Григорий думал о жене. Странно: пока была жива, да и после смерти лет пять, не меньше, существовала лишь размытым фоном для него и сына, как декорация, которую ставили в профессиональных фотоателье. Анна и сама была бледная, молчаливая, тихая; только глаза ее круглые, с темной обводкой по краю карего зрачка, были хороши да еще рыжеватозолотые волосы.

Что он помнит-то о ней? Ладони у нее были махонькие, как две рыбки. Анна выходила на крыльцо, брала рыжую курочку на руки, сидела молча, гладила. Возняк злился и не понимал, зачем она это. Курица – птица тупая, вонючая... А жена уместит ее на коленях и улыбается. «Чего растележилась! Дел мало?» – рявкал Григорий, не потому что мешала на проходе, а просто не понимал он ее и от этого чувствовал себя олухом.

Тогда бесился. А в последние годы все чаще и чаще вспоминал, как она сидит: тихая, с курочкой, и лучи на нее так падают, что на голове будто солнечный венок. Или как она вечером перед зеркалом волосы расчесывает, и плечи у нее в сумерках голубые, как сирень.

Еще у нее привычка была: идет-идет, вдруг остановится – и глядит. Куда глядит, не разберешь. И словно не понимает, где очутилась, а сказать боится. В такие минуты Григория будто топором раскраивали на два обрубка: один жалел ее так, что сердце рвалось, другой ненавидел до зубовного скрежета, подозревая, что причина ее беспамятства в нем.

Какой-то изъян в ней был, был. И серьезный, учитывая, чем обернулось дело.

И вот этой ночью, когда он лежал на своем насесте и ждал барсука,

Анна явилась сама. Сперва оставалась в стороне, так что ему некоторое время удавалось притворяться, будто он не замечает ее. А затем вдруг заговорила, впервые после смерти.

«Зачем, Гриша, ты не дал жить моему мальчику?»

Охотник едва не скатился с сосны. Жена оставалась на периферии взгляда и в то же время с настойчивой яркостью существовала везде, так что некуда было скрыться.

«Зачем, Гриша?»

«Я тут ни при чем! – прохрипел Возняк. – Ты знаешь, как все было!»

Анна молча смотрела на него.

«Это ты, – сказал он, с трудом собрав силы. – Из-за тебя все. Ты меня столько лет за нос водила!»

Жена покачала головой и ушла.

Григорий в лесу никогда не курил – запах табака отпугивает зверя вернее, чем крик, – но тут полез трясущимися руками в карман, достал самокрутку, что обычно разрешал себе лишь после удачной охоты, и глубоко затянулся. А потом еще и еще, словно выкуривая изнутри, из самого себя неувлимые тени брошенных Анной слов.

Долго ли он так просидел, Григорий не знал. Но когда поднял голову, из тающей темноты выступали черные стволы.

Послышался шорох. Выругавшись про себя, Возняк схватил ружье и увидел барсука. Тот возвращался в свое убежище, смешно переваливаясь, и белые полосы на его носу напоминали дорожную разметку. Барсук шел уверенно, привычным своим путем, и вдруг встал. Повел носом. Григорий прицелился, однако выстрелить не успел: зверь отпрыгнул в сторону, приник к земле и сгинул. «Запасной вход!» – запоздало сообразил Возняк. Он выстрелил раз, другой, третий туда, где только что белела барсучья морда, но уже понимал, что упустил свой шанс безвозвратно.

А виновата Анна: не появись она, Григорий ни за что бы не закурил, зверь не почуял бы запах и сейчас был бы уже мертв.

ТЬфу ты! Все ночное бдение насмарку.

* * *

Бакшаева провела Илюшина и Бабкина в теплую кухню, где пахло пирогами.

– Пятнадцатого она приехала, – зло сказала Надежда. – Пятнадцатого августа, прямо с утра завалилась, как к себе домой. Я ее поначалу и не

узнала. Приделась! Балетки фасонистые напялила!

Тут она соврала. С первой секунды поняла, кто перед ней, одним взглядом вылуцив прежнюю Верку из оболочки плоти, наросшей за годы. Сестра совершенно не изменилась: то есть внешне преобразилась почти до неузнаваемости, но внутренне осталась все той же, разве что в силе прибавила. По молчаливой враждебности Надежды полоснула своей кривой усмешкой, и весь запал у той вытек.

А в доме случилось кое-что вроде бы непримечательное.

Было так: зайдя в кухню, Вера протянула ладонь к флоксам, белым облаком повисшим над вазой. От этого короткого жеста у Надежды внутри, в испуганной тьме вспыхнула и засияла звездочка, от которой распространилось по животу легкое благотворное тепло. Этот флокс она вырастила из чахлого загибающегося кустика, и его пышное ежегодное цветение всякий раз отзывалось в ней умиленной радостью. Ни сентиментальностью, ни чувствительностью Надежда никогда не отличалась, а вот поди ж ты: растроганно шмыгала носом, видя, как распускаются первые бутоны, напоминающие заостренные кончики фломастеров. Подарков ей никто отродясь не дарил, в семье не принято было. И вдруг такой сюрприз от благодарного цветка.

То, что Верка, едва войдя, мимолетно приласкала белый флокс, сказало младшей сестре больше любых слов. Значит, есть у них общее, невзирая на годы вражды! Никто другой не догадался бы, какую ценность флокс имеет для хозяйки.

– Располагайся, – дрогнувшим голосом сказала Надежда, хотя минуту назад хотела гнать сестру из дома. – Чего стоишь как неродная!

Вышла в другую комнату, открыла буфет... Вот она, бутылочка заветная! Ждала торжественного случая.

Раз такое дело, отыскала и праздничные бокалы.

А когда вернулась, обтирая ладонью пыль с бутылочного горлышка, Вера сидела за столом. Самый красивый флокс, с розоватым свечением в сердцевине жемчужных бутонов, стоял ощипанный догола. На скатерти белыми комочками было выложено бранное слово.

– ...! – вслух прочитала Вера и захохотала. – Вот он и пришел к тебе!

Легким движением ладони она смела, как мусор, мятые цветки со стола.

Надежда застыла на пару секунд, провожая их взглядом. За это время память окончательно возвратилась к ней, потеснив иллюзии. Сестра вечно все портила, словно не человек, а разрушительный дух вился по дому.

– Землю мою, значит, сбагрила, – сказала Верка, развалившись на

стуле. – Ай да Надюха!

Поразительно, однако в голосе ее звучало одобрение. Надежду оно испугало сильнее, чем любая угроза.

– Мать померла в две тыщи третьем, отец – спустя три года. Думаете, Верка на похороны явилась? Как же! Когда я до нее дозвонилась, она заявила: «Мамане ни горячо ни холодно, а мне в нашей дыре делать нечего». Чтобы нормальный человек такое о родной матери сказал, вы себе можете представить?

Илюшину показалось, что возмущение Надежды несколько преувеличено.

– Отец за три месяца до смерти попал в больницу. Я давай снова Верку разыскивать! А она мне: «Откинется – тогда звони. Он меня выставил, и я ему хорошей дочерью не буду». Злопамятная! Уж конечно, я звонить больше не стала. Верка сама явилась полгода спустя, узнать, что ей досталось от родителей. В тот раз паспорт у меня и забыла.

– Зачем она приехала в августе?

– За деньгами, – призналась женщина. – Только она понятия не имела, что ее землю купил Красильщиков.

На это Надежда и уповала – что все останется в тайне.

Отец, когда выдался случай, оформил право собственности на купеческий участок, рассчитывая со временем снести развалины и, чем черт не шутит, поставить там новый крепкий дом. Ничего из его затеи не вышло. Павел Бакшаев рассудил, что место бестолковое, один убыток от него, и разделил наследство между дочерьми формально поровну, однако в действительности обделив нелюбимую старшую.

Надежде отошел семейный дом, сад и отцовская «Нива» (водить она не умела и продала машину). Вера же стала собственницей земли, известной как вершининская.

– Она ведь после похорон что потребовала – то! – кипятилась Надежда. – Чтобы я отдала ей половину из того, что мне причиталось. Орала: «Делить нужно по справедливости!» Когда поняла, что я не уступлю, облаяла меня, сумку схватила и выскочила. А ейный документ на комодке остался.

По чужому паспорту Надежда продала Красильщикову вершининскую землю и следующие три года провела в счастливом забвении. Деньги у нее были, а сестры больше не было. К чему той возвращаться в Камышовку? «Незачем, незачем! – нашептывал внутренний голос. – Спилась она давно».

А потом из небытия возникла Вера, и глаза ее горели, как у кошки, когда она потребовала рассказать ей все об Андрее Красильщикове.

– Она как услышала, что у него денег завались, чуть было сразу не рванула к нему босой распустехой. Я ей говорю: погоди, хоть переоденься. На ней трико было растянутое и кофта в катышках. Натянули мы на нее мое платье, кольца я ей дала, чтобы она выглядела представительно. Верка подмигнула и говорит: «Жди! Вернусь с добычей!»

– Так она не хотела, чтобы Андрей Михайлович возвращал ей землю? – спросил Илюшин.

– К чему ей земля! Она думала к ногтю его прижать, чтобы денег побольше выманить!

Макар с Бабкиным переглянулись.

– Может, все-таки собиралась отнять терем? – усомнился Сергей.

Надежда всплеснула руками:

– Верка его провести хотела, понимаешь ты или нет? Мы с ней это все заранее обсудили. Она при мне знакомому юристу в город звонила, узнавала, как ей Красильщикова прищучить, какие слова ему говорить, чтобы он понял, что деться некуда.

«Вот откуда знания о неотделимых улучшениях».

– Вера так собиралась повести разговор, чтобы он испугался и откупился от нее, – зачастила Надежда. – А мне сказала: мужика давить надо, как клопа, он тогда вместо вони начинает бабло выделять, устройство организма у него такое. А я чего? Я соглашалась.

– Ох и сволочи вы! – не удержался Бабкин.

– Мы думали, он богатый! – всхлипнула Бакшаева. – Я Верке пообещала, что он ради своего терема ей много отвалит. Он над ним трясся... Другие над детьми так не трясутся. А Верка твердит: «Мне не нужно много. Мне нужно все».

– Блеф, – уронил Макар.

– Чего?

– Ваша сестра блефовала, а Красильщиков принял этот театр за чистую монету. И вы ей в этом помогли.

– Если бы он ей дал денег, она бы оставила меня в покое!

Надежда, кажется, собралась разреветься.

– И вы в это поверили? – удивился Макар. – В то, что она не оциплет вас как петуха на бульон? Бросьте, Надежда Павловна! Эти сказки детям рассказывайте.

Бакшаева мигом передумала плакать, нахохлилась и замолчала.

– Хорошо, а что дальше-то случилось? – спросил Сергей.

Обсуждение плана отняло у сестер немало времени, и когда Вера Бакшаева подошла к терему Красильщикова, было уже темно.

– Я следом кралась... Она меня не видела.

– Зачем?

– Подслушать хотела. Как она его разведет...

– Собака залаяла? – вдруг спросил Илюшин.

– Чего?

– Собака, Чижик, залаяла? Она летом у Красильщикова обитала во дворе.

– А! Не... Вроде тихо было.

– Вроде или точно?

– Точно тихо. Я к стене прижалась, голоса слышу, а чего говорят – не понятно. И Григорий тоже ничего не разобрал.

– Григорий? – озадаченно переспросил Макар. – Григорий Возняк?

Женщина кивнула.

– А он там как оказался?

– Я его привела... Григорий у нас тут вроде как старший... Должен все знать...

Илюшин поморщился:

– Надежда Павловна, серьезно: зачем вам понадобился охотник?

– Ну... мало ли, – Бакшаева отвела глаза. – Вдруг бы Красильщиков начал Верку бить...

«Врет», – молча сказал Илюшин напарнику.

«Как сивый мерин», – согласился Сергей.

– Значит, вы с Григорием подслушивали под окнами, – сказал Макар. – И что потом?

Бакшаева тяжело вздохнула.

Они ждали так долго, что Надежда едва не заснула; в какой-то момент она обнаружила себя уютно сопящей в плечо Возняка.

– Не бойсь, – насмешливо сказал Григорий, когда Надежда отшатнулась от него. – Не обижу.

Она не успела обдумать, отчего каждое слово у Возняка звучит как угроза: хлопнула дверь, и на крыльцо вышел человек.

– Он это, – шепнул Григорий. Надежда и сама поняла, что тяжелые шаги могут принадлежать только хозяину.

– А где Верка?

Красильщиков спустился в сад и на несколько минут пропал, а когда вернулся, поступь его сопровождалась глуховатым поскрипыванием. Он

снова исчез в доме, а затем на крыльце послышалось кряхтение и шуршание.

Возняк, должно быть, сообразил, что происходит, потому что с губ его сорвался странный звук: не то смешок, не то вздох. «Ты чего это, Гриш?» – хотела спросить Надежда и тут заметила Красильщикова.

Андрей медленно брел по дороге в сторону деревни. Перед собой он с видимым усилием катил тележку, в которой лежало тело.

Больше всего Надежду ужаснуло, что Красильщиков не принял никаких мер по маскировке трупа. Руки и ноги Веры торчали во все стороны; ошеломленной Бакшаевой на секунду почудилось, будто в тележке не один человек, а два. Ее не так поразила смерть сестры, которую она не успела еще осмыслить, как пренебрежительное обращение с покойницей.

– Грохнул Верку, – восхищенно шепнул ей на ухо Григорий.

Надежда даже кивнуть не могла, окаменела. И вдруг икнула – громко, на всю округу.

– Цыц! Нашла время...

Возняк зажал ей рот. Женщина замотала головой, пытаюсь освободиться.

– Куда он везет ее, знаешь? – спросил охотник, убрав ладонь.

– М-м-м-м! Нет...

Не слушая ее тихих протестующих выкриков, Григорий отделился от дома и беззвучно, как тень, последовал за Красильщиковым. Надежда постояла, глядя им вслед, и тоже пошла, нисколько не таясь. Так они и перемещались втроем по Камышовке: впереди Красильщиков с мертвой Верой, за ними живой Григорий, за ним полуживая Надежда.

Однако в отсутствие Возняка, оказывавшего парализующее воздействие на ее рассудок, Бакшаева понемногу начала соображать. Оцепенение спало, и чей-то довольный голос произнес над ухом: «Делиться, значит, не придется».

Делиться не придется! Три миллиона останутся нетронутыми! – вот о чем размышляла Надежда, ковыляя по дороге в каких-то тридцати метрах от убийцы. Наглая Верка не отберет ее деньги, не сдаст ее в полицию.

Гибель сестры, если присмотреться, сулила немалую выгоду.

Возняк спрятался за магазином, и Надежда последовала за ним. Встав рядом и вытянув шеи, они наблюдали, как Андрей перетаскивает тело из тележки в яму и засыпает землей.

– Лопату захватил, не забыл, – тихо сказал Возняк. – А где Василий?

Женщина вскинула голову, и на дальнем конце деревни, где и жилых

домов-то почти не осталось, расслышала мерный стук колотушки. Пьяница часто бродил там, среди покосившихся изб с выбитыми стеклами, и все стучал, стучал, то ли распугивая, то ли созывая призраков.

Красильщиков равномерно махал лопатой. Бакшаева наблюдала, безотчетно восхищаясь его сноровкой. «Ай молодец!» На миг ее ужаснуло направление собственных мыслей. Но перед глазами возникла толстая Верина рука, выкладывающая из белых цветков похабное слово, и угрызения совести растаяли без следа. «Заслужила! Как ты с людьми, так и они с тобой!»

Закончив работу, Красильщиков, казалось, оцепенел. Словно надгробный памятник застыл он над могилой.

– Как думаешь: прихватит у него сердчишко? – шепнул ей на ухо Возняк. Он о Вере тоже не горевал, и оба знали, что тому причиной.

– Прекрати, Гриша!

– Или повесится? Убийцы, они, знаешь, часто...

– Смотри, уходит! – перебила Надежда.

Красильщиков брел от могилы прочь, не оборачиваясь.

– Тележку-то, дурень, – чуть ли не в полный голос сказал ему вслед охотник.

Андрей вздрогнул, будто услышав, вернулся и стал толкать тележку перед собой, шурша колесами по траве.

Не успел он скрыться из виду, как Надежда кинулась к могиле. Яростным шепотом что-то кричал ей вслед Григорий, но она не остановилась, пока не подбежала к черному перекопанному квадрату.

– Ты чего, коза, творишь?

Охотник, догнав, с силой дернул ее за руку.

– Не трожь! – шепотом закричала Надежда. – На ней золото мое!

Возняк нахмурился. Бакшаева рухнула на колени и принялась руками раскапывать свежезарытую могилу.

– Кольца бабкины отдала, – причитала Надежда, стоя на коленях в земле. – Цепку золотую! Ох, дура я, дура!

– Дура будешь, если не прекратишь.

Бакшаева запрокинула к нему голову, прищурилась: жадность выдавила из нее даже прочно въевшийся страх перед охотником.

– Поможешь – отдам дедову печатку! – повелительно бросила она.

И больше не отвлекалась на ерунду, копая как сумасшедшая. Казалось, если не успеть вовремя, покойная сестра провалится еще глубже, и вместе с ней канут в черную ненасытную прорву все драгоценности ее семьи.

Она не удивилась, когда Григорий бухнулся рядом и принялся

разрывать землю вместе с ней.

– Может, лопату принесем? – буркнул он.

Надежда коротко мотнула головой: не до лопаты!

Копать пришлось недолго. Красильщиков, видимо, понадеялся на пионера-горниста, который навсегда должен был запечатать Веру в земле, и не стал сильно заглублять яму. А может, вовсе ни о чем не думал, просто стремился скорее покончить со своим тягостным делом.

Пальцы Надежды дотронулись до мягкого, теплого. Она резко отстранилась и повалилась бы на спину, не поддержи ее Григорий.

– Чего ты?

– Вот... она...

Из рыхлой кучи отчетливо выступали очертания женской фигуры, лежащей на боку. В четыре руки стряхнули с нее землю, и Надежда приподняла голову сестры.

– Как думаешь, он ее ножиком пырнул? – шепнул на ухо Григорий.

– Не знаю... – Она нащупала серьги в ушах Веры. – Пальцы, пальцы ее погляди. Там колец... на двадцать штук!

Вдвоем они перевернули тело старшей Бакшаевой на спину.

«Крест!» – напомнил внутренний голос. Надежда на миг прикрыла глаза. Наконец-то он будет принадлежать ей, как и должно было случиться много лет назад. Дед показал характер, наградил свою, как он выражался, боевую внучку, но всем ясно, кто на самом деле достоин семейной реликвии.

Григорий тяжело сопел: кольца не слезали с распухших Вериних пальцев.

Надежда склонилась над телом, расстегнула цепочку, тщательно обтерла о подол и повесила крест на шею. В тот миг, когда теплый металл коснулся ее ключиц, Надю пронзила короткая дрожь. Наконец-то! Свершилось!

Вторую цепь тоже сняла. Та, конечно, попроще, но не оставлять же в земле.

О том, что они будут делать с телом, Бакшаева не думала. Ей никогда не приходилось просчитывать ситуацию дальше, чем на один шаг вперед. Только когда копавшийся рядом Возняк пробормотал «ментам сдадим Красильщикова», она поняла, что Вера, похоже, не останется лежать под горнистом.

В лунном свете блеснула серьга. Простенькие золотые серьги-колечки... но сестре они больше не пригодятся. Надежда потянула за ближнюю.

Это жест, словно рычаг, привел в движение невидимый механизм внутри мертвого тела. Что-то там захрипело, заколотилось, и Вера, широко раскрыв рот, издала оглушительный звук, какой издает засорившаяся раковина, когда ее прочистят. Она словно пыталась втянуть в себя целый мир. Мир застрял где-то в ее глотке. Тогда Вера резко села, как будто сжалась пружина, закашлялась, и ее стошнило.

К чести Григория следует сказать, что он не издал ни звука. Надежде, тихо повизгивавшей, зажал рот и оттащил ее в сторону. Вцепившись в его руку, она смотрела, как сестра отряхивается от земли.

* * *

– Красильщиков похоронил ее заживо... – Бабкин коротко присвистнул, не удержавшись, хоть и допускал такой вариант. – Ну дает!

– Чего-то в этом роде я и ожидал, – сказал Макар. – И где она теперь?

Он обвел взглядом комнату, словно ожидая, что из-за шкафа выйдет ухмыляющаяся Вера.

– Не знаю я! – отчаянно выкрикнула Надежда и зарыдала.

Когда женщину успокоили, из ее рассказа, прерываемого всхлипами, удалось выяснить следующее.

Вера, придя в себя, проявила удивительную стойкость и рассудительность. Выслушав сбивчивое, на ходу сочиняемое повествование о том, как Надежда с Григорием запоздало отыскивали Красильщикова по следам тележки и кинулись откапывать его жертву, молясь о том, чтобы она была жива, Вера обтерла ладонью лицо и удовлетворенно кивнула:

– Теперь точно все. Был Красильщиков – и кончился.

– Что? Почему? – пробормотала Надежда.

– У тебя мозги высохли? Красильщиков теперь кто, по-твоему?

Надя молчала.

– Убийца он, – сжалась Вера.

– Не убил же...

– Убил, – спокойно сказала сестра. Голос у нее сел, от страшных красных пятен на шее тяжело было отвести взгляд, и смотреть тоже было тяжело. Однако хладнокровия она не утратила, а на свою неслучившуюся могилу посмотрела с цепким интересом, словно в лицо запоминала врага. – Убил, и закопал, и надпись написал. Ты сама видела.

– Видела...

– Ну вот, а говоришь. Это, Надь, подсудное дело. Вы меня сейчас отвезете в больничку и дадите показания, как выкапывали... – В интонации ее присутствовала некая недоговоренность.

– Показания... – эхом откликнулась Надежда. Мельком посмотрела на охотника, и почудилось, что он ухмыляется.

– ...или нет, – закончила Вера.

– Нет?

– Если мы с Красильщиковым договоримся.

Надежда изо всех сил старалась понять, чего хочет от нее сестра, но мысли неповоротливо толкались в голове. Она сжалась, пытаясь сообразить, заметен ли крест на ее груди.

Вера закашлялась. Надя не сразу поняла, что слышит смех.

– Он теперь наш, голубчик! Дом? Чего там дом, он все мне отдаст! Кому в тюрьму хочется! Квартира есть у него?

– Квартира?

– Не блей как овца! Да, квартира! Есть?

– Не знаю...

– А с какой стороны у тебя задница, знаешь? Брось, не дуйся! Ну! Карта, говорю, пошла. У меня пять тузов в рукаве... Заживем теперь, Надюха!

Вера в приступе лихорадочного веселья обняла сестру за плечи, притянула к себе и поцеловала в щеку.

– Помыться бы, – сказала она, оглядев себя. – Гриш, может, баньку сообразим, а? Вместе! У тебя бабы давно, поди, не было.

Охотник, молчаливо забрасывавший землей разрытую яму, косо глянул на нее и не ответил. «Христом Богом! Не зли ты его!» – про себя взмолилась Надежда. Возняк – не Красильщиков: если задушит, то навсегда.

– А чего ты рыло от меня воротишь? – удивилась Вера. – Не рад мне, что ли? Эх, Гриша, Гриша... Я тебе сыночка спасла...

У Надежды упало сердце. Не по тонкому льду ходила Вера, а по гнезду с гадюками, и с бесстрашием самоубийцы наступала им на хвосты. Возняк не издал ни звука, однако Надя внутренним слухом разобрала сухой треск змеиной погремушки.

Если бы охотник начал действовать, то пошел бы до конца и от свидетеля избавился не моргнув глазом. С болезненной ясностью представив два их тела, уложенные в ту же яму, из которой они вытащили Веру, Надежда не смогла удержать рвотного позыва.

– И эту тошнит... – усмехнулся Возняк.

За его смехом она по-прежнему слышала шорох гадючьего хвоста. Однако напряжение, застывшее в воздухе, понемногу растаяло. Она догадывалась, что дело в брезгливости охотника. Они обе были ему противны. На миг она увидела себя и сестру его глазами: грязные толстухи, одинаково повалившиеся на бок.

– Вот кому в баньку-то надо! – хохотнула Вера. – Ладно, Гриша, можешь рыло от нас не воротить. Мы с Надюхой без тебя обойдемся... Правда, Надь?

Бакшаева слабо кивнула.

– А сейчас пойдём к нашему Андрею Михалычу, – решила Вера, вставая на ноги. – Гриш, давай с нами. Тело мое белое охранять.

– Зачем бы это? – ощерился тот.

– Заработаешь. Поделюсь с тобой, не обижу! Давай, чего тянуть!

– Можно, пожалуй... – решил Возняк.

Надежда обтерла губы рукавом, приходя в себя. Как бы плохо она ни соображала, ей стало ясно, что на ее глазах закручивается большое дело, нештучное предприятие возникает, и она может встать в ряды его основателей.

– С вами пойду! Чего тут одной задницу просиживать, – развязно сказала она, пряча неуверенность за смешком.

Верка окинула ее таким взглядом, что над участием в дележе больших денег повис знак вопроса. Но не успела Надежда открыть рта, чтобы убедить сестру в своей пригодности в качестве компаньона, Григорий вскинул голову и принялся.

– Пожар!

Надежда вскочила, бестолково закрутилась на месте.

– Смотрите! – ахнула Вера.

Бакшаева обернулась, куда показывала сестра, и похолодела. Над их избой поднимался дым, и уже виднелись отсветы пламени.

– Батюшки мои! – взвыла Надежда.

Забыв обо всем, она бросилась туда, где разгорался огонь. Мимо нее темной тенью пронесся охотник.

– Горим! Горим!

Бакшаева обернулась на сестру, полагая, что та следует за ними. Но Вера стояла, держась за калитку, и махала им вслед: бегите, бегите! «Не совсем, значит, очухалась», – мелькнула злорадная мысль, но пропала, вытесненная дикой тревогой: пожар в деревне – напасть хуже всякой другой, а если сгорит ее дом, не быть ей богатой.

– Пока тушили, я и забыла о ней, – сказала Надежда. Взгляд ее, несколько безумный, скользил по скатерти, будто выискивая в аляповатом узоре подробности той страшной ночи. – Потом прибежал Красильщиков в одних трусах... Я подумала: спряталась Верка от него! В кустах засела! Потом присмотрелась, а у него такие глаза, словно он никого из нас не узнает. Стеклянные! Может, и ее бы не узнал.

– Тушили долго? – спросил Макар.

– Полчаса, кажись... А потом еще выясняли, отчего загорелось.

– Выяснили?

– А как выяснишь-то! Ни следов не осталось, ничего... Я думаю, – решила Надежда, – подожгли меня!

– Кто? – спросил Макар.

– Зачем? – спросил Бабкин.

– Позавидовали, вот зачем! Народ-то у нас знаете какой завистливый!

– Хотите сказать, вас невзлюбили из-за трех миллионов?

Надежда кивнула.

– Три года прошло, как ты их получила, – сказал Бабкин. – Если б завидовали, подожгли бы сразу.

– Всякое бывает, – многозначительно сказала Бакшаева и прикрыла глаза.

– Полчаса тушили, полчаса кричали, – подсчитал Илюшин. – Или дольше?

– Нет, не дольше...

– И все разошлись по домам. Разошлись?

– Разошлись, – признала Бакшаева. – Мы с Григорием дождались, пока уйдет Красильщиков, и вернулись обратно.

– К площадке, где горнист?

– Да. Где сестру оставили. Там кусты неподалеку, я думала, Вера в них спряталась. Сначала удивилась, почему она не прибежала вместе со всеми на пожар, а после догадалась: не хотела, чтобы все смотрели и пальцами тыкали... К тому же вредная она. Если бы сгорело, ей только в радость.

– И где нашлась Вера?

Бакшаева подняла на Илюшина растерянный взгляд:

– Нигде.

Никого не было на маленькой деревенской площади, кроме незнакомого кота, шмыгнувшего при их появлении под крыльцо магазина и сверкавшего оттуда злыми зелеными глазами. Григорий обыскал не только кусты, но и покричал глухим голосом в окрестных садах. Сперва они не

слишком обеспокоились: мало ли, куда могла уйти Верка, когда началась суматоха. Но по мере того как одно убежище отпадало за другим, им становилось не по себе.

Поискали за магазином. Вернулись к бакшаевскому дому, предположив, что Вера прокралась огородами, а когда ее не оказалось и там, пошли к Григорию. «Черт знает, что она могла выкинуть», – бормотал Возняк, но Надежда не сомневалась, что ищут они напрасно: пес, охранявший двор Григория, одним своим видом отбивал желание перебраться через ограду.

И оказалась права.

Тогда, посоветовавшись, направились к Красильщикову. «Вот смеху-то будет, если он снова ее задушил», – гыгыкнул охотник.

Но когда они подошли к терему, несерьезный красильщиковский пес Чижик, пару часов назад мирно спавший в конуре, вдруг озверел: кидался и орал во весь свой собачий голос так, что в ушах звенело. Григорий, необъяснимым образом наводивший страх на деревенских собак, цыкнул на него. Чижик в своем исступлении этого словно и не заметил.

«Черт с ней, с дурой. Утром притащится», – в конце концов решил Возняк.

Надежда послушно согласилась. Она и сама так думала или убедила себя, что думает.

– Не пришла она. Ни в этот день, ни на следующий. Машина ее у меня под навесом стояла, я боялась, соседи начнут вопросы задавать... А никто и не заметил, все на огонь отвлеклись. Когда стало ясно, что Верка исчезла, Григорий отогнал ее в лес, к болоту. Как вы нашли-то ее? Никто из местных там и не ходит!

– Мы не местные, – сказал Илюшин, думая явно о другом. – И никаких странных звонков? Никаких следов вашей сестры?

Надежда покачала головой.

– А у вас, Надежда Павловна, есть какие-нибудь версии ее исчезновения?

– Не знаю я, где она, – с тоской зашептала Бакшаева, – не знаю, и представить не могу, куда она девалась...

– Чего вы боитесь? – спросил Макар.

Женщина вздрогнула. Взгляд ее метнулся мимо Илюшина, и Бабкин следом за ней посмотрел в окно. Никого там, конечно, не было, только на облетевшей березе красовалась сорока.

– Боюсь, за крестом своим она придет...

– Тогда бы вы его не на шею носили, а в ящик спрятали, – невозмутимо возразил Макар. – Надежда Павловна, если все так, как вы рассказываете, ваша сестра считает, что вы ее спасли. Значит, ее вам опасаться не стоит, верно?

Бакшаева неуверенно кивнула.

– Кого же тогда? Возняка?

– Вы на Гришу поклеп не возводите! Не такой он человек, чтобы на него вешать всех собак! – неожиданно зачастила она. – Ступайте, ищите кого вам надо, а на порядочных людей... напраслину... за нее и ответить можно!.. Видали мы таких!..

И понесла, заблажила про клеветников, про Григория, которого после смерти назначат святым, и перебить ее не было никакой возможности. Искусственной ли была ее истерика или непритворной, Бакшаева спряталась за ней.

– Крепко ее напугало возвращение покойницы к жизни, – сказал Бабкин, когда они спустились с крыльца.

Илюшин с сомнением покачал головой:

– Это не возвращение, это что-то другое. Половину она, конечно, недоговаривает, но в основном, мне кажется, верить ей можно: Вера была жива ночью с пятнадцатого на шестнадцатое, по крайней мере, до начала пожара. А вот что с ней стало потом...

– Сдается мне, отлично ей известно, что стало. Иначе зачем бы им с Возняком машину прятать?

– Черт знает... Надо с охотником встретиться, пока она его не предупредила.

– Давай встретимся, – мрачно согласился Бабкин.

Сорока выкрикнула что-то ехидное и сорвалась с ветки.

– Архив, – сказал Илюшин, глядя ей вслед. – Тебе надо договориться со следователем, чтобы нам показали дело.

– А какая связь?

– С чем?

– С сорокой. Не зря же ты именно сейчас вспомнил про архив, правда?

Илюшин остановился и посмотрел на Бабкина с неожиданным интересом.

– Отличный вопрос! Если бы ты не сказал, я бы об этом даже не подумал.

– А теперь подумал?

– Ага.

– И что?

– Прямая связь, мой пытливый друг. Что все рассказывают о пожаре в девяносто первом? Сплетни! А кто приносит сплетни? Сорока на хвосте! Ясно теперь?

– Ясно, – согласился Бабкин и сочувственно похлопал Илюшина по плечу. – Ассоциации у тебя как у пятиклассника.

– А у тебя вообще никаких.

– Бог миловал! Ладно, подожди, раз уж вспомнили...

Он отошел в сторону, как делал всегда, чтобы позвонить, и набрал номер следователя. Илюшин терпеливо бродил туда-сюда перед домом Капитолины и уже вытоптал на размокшей тропинке знак бесконечности, когда Бабкин побрел обратно. Одного взгляда на его помрачневшее лицо Илюшину хватило, чтобы понять: план провалился.

– Отказал, сволочь? – издали спросил он.

– Не гони на мужика. Нормальный он.

– Но в архив нас не пустят.

– Не пустят, – вздохнул Сергей.

– Рылом не вышли?

– Сгорел у них архив, – сказал Бабкин. – Лет десять как.

– Ого! Сожгли?

– Нет, не похоже. Я его и так пытал, и эдак, он стоит на своем: сгорело по естественным причинам. Архив был, как водится, в подвале старого здания, и загорелось вообще в подсобке, потому что молодой сторож, кретин, выпивал там с девками. Одна из них решила, что бегать нагишом по подвалу с зажженной свечкой – отличная идея. Ну и ткнула в картонную папку. А они же сухие все... Вспыхнуло разом. Люди-то едва успели спастись. Пожарные приехали быстро, здание особо не пострадало. Но подвальное хранилище сгорело дотла.

– М-да, – сказал Илюшин. – Ладно, понадеемся на память участников событий.

Калитка, мимо которой они шли, распахнулась, и из двора вышла Лариса Яковлева в телогрейке и теплых штанах, задумчиво крутя в пальцах вилку с двумя зубцами. Завидев сыщиков, она всплеснула руками; вилка вылетела, описала серебристую дугу и воткнулась в сантиметре от ботинок Сергея.

– Все бездельничаете! – укорила Яковлева. – Шли бы работать, шаромыжники!

Григорий шестым чувством уловил, что кто-то приближается к его дому. Про себя он называл его хатой. Так еще отец говорил, и к Возняку словцо перешло по наследству. Вещи он любил новые, а слова – старые: если выдумали один раз название, зачем другое сочинять? Чем меньше слов, тем лучше. Люди и без того треплются слишком много.

Болтунов Возняк презирал.

Вон, Красильщиков избу свою обозвал теремом, и все остальные вслед за ним повторяют как бараны. Терема – они у бояр. Или у купцов. Красильщиков не боярин и не купец, а лысая шелупонь.

Хотя бабы на таких падкие.

Взять хоть Татьяну...

При мысли о Маркеловой Григория перекошило. Сначала она, потом Верка... Неспроста обе появились тут в один год!

С Танькой он потом разберется. А пока нужно решить, что делать с москвичами.

Григорий подошел к окну, поглядел из-за занавески. Ну, точно! Ишь, топают, важные – чисто гуси. А где тот гусь? В морозилке лежит, синий да ошипанный.

Смотрел он не на них. На людей зачем смотреть? Люди все одинаковые. Смотрел он на следы, оставшиеся на тропе.

За грузным мужиком след четкий, как за кабаном. Идет размашисто, не семенит, правую ногу вдавливают глубже, чем левую: похоже, прихрамывает, побаливает у него левая нога. За его приятелем – след неглубокий, частый: сразу видно, привык быстро ходить, а весит не больше семидесяти килограммов – плевый вес для мужика, да и не мужик он, щенок. Когда Григорий перетаскивал его в прицеп, даже усмехнулся: ей-богу, с любой из деревенских баб хлопот было бы куда больше. Вот со вторым пришлось повозиться. Но проделал он все быстро, аккуратно, у самого душа радовалась.

Жаль, что труды его пошли насмарку.

Он склонился над кастрюлей супа, тихо булькавшей на плите, втянул воздух. Всю еду проверял на соль только так, по запаху. Добавил щепоть. Прежде чем опустить крышку, плюхнул в варево щедрую ложку сливочного масла – так всегда мать делала, – выключил плиту и пошел открывать дверь.

Едва Илюшин с Бабкиным приблизились к калитке, из конуры в глубине двора выскочил огромный грязно-белый лохматый пес. Вместо цепи к ошейнику была привязана веревка; Сергей оценил на глаз ее прочность и подумал, что она не выдержит и одного серьезного броска этой твари. Кобель рычал утробно, страшно, и шерсть у него на загривке стояла дыбом.

Должно быть, из-за этого рыка они не услышали, как охотник вышел из избы. Точнее, возник на крыльце: только что не было – и вот стоит, смотрит на них, и лицо его ничего не выражает, как у деревянного идола.

– Поговорим, Григорий Матвеевич?

Илюшин был уверен, что Возняк не пустит их даже на порог. Но тот, не сказав ни слова, ткнул пальцем в конуру, и пес моментально смолк.

Сам Возняк скрылся в доме, оставив открытой дверь, – видимо, это следовало расценивать как приглашение.

– Пойдем, что ли, – сказал Бабкин, похрустев шеей.

«Был бы я фотографом, снимал бы этих людей в их домах, – подумал Илюшин. – Целый проект можно замутить. «Человек и его вещи». Ему вспомнился фотограф Ильясов, который, судя по всему, затеял что-то похожее. Найти бы результат его трудов... Поиск в интернете не дал результатов. Упоминаний об Ильясове было немало, но Камышовки на его снимках Макар не нашел.

Комната Возняка на первый взгляд выглядела аскетично: стол, стул, шкаф, кровать. Ни одной легкомысленной салфетки, даже деревянный стол не покрыт скатертью. Однако, подойдя ближе, Илюшин заметил, что стул – не стул, а полноценное анатомическое кресло. На краю стола матово отсвечивал телефон. Не кнопочный, как у старух. Не ностальгическая «Нокия», как у Маркеловой. «Самсунг» – тысяч двадцать, а то и все тридцать.

Пробыв здесь две минуты, Макар готов был голову дать на отсечение, что и утюг в кладовке не китайского происхождения, а немецкий, причем с керамической подошвой, хотя, казалось бы, зачем среди осин, берез и гололеда керамическая подошва?

Не было случайных вещей в этой комнате; хозяин выбирал их основательно, точно назначал вассалов, и не жалел денег за их верную службу. Илюшина уже не удивляла норвежская модная куртка охотника.

Стены были увешаны фотографиями: застреленные кабан, медведь, куница, волк; все крупным планом, с предельной резкостью. Вместе с сидящим посреди комнаты охотником они создавали жутковатое

ощущение, будто Возняк расположился в окружении портретов любимых родственников.

Илюшин покосился на медведя. Вздернув край черной губы, зверь смотрел на него остекленевшими глазами.

Нигде еще Макару не было так неуютно, как здесь. Света от лампы хватало, и потолки были в меру высоки, однако что-то давило на него, словно призраки убитых зверей, неслышно скуля, обступали его, тесня к выходу. Гнетущее впечатление производил этот дом и его огромный хозяин.

Сесть было некуда. Бабкин с Макаром стояли перед Возняком, пока тот молча сворачивал на столе самокрутку.

– Мы только что говорили с Бакшаевой, – сказал Илюшин. – По ее словам, ночью пятнадцатого августа вы с ней выкопали тело ее сестры из ямы, над которой собирались устанавливать горниста. Это так?

Возняк даже не посмотрел в его сторону.

– Григорий Матвеевич!

Охотник пожал плечами:

– Мне-то что...

– Так это правда?

– У Бакшаевой спроси.

– Я уже спросил. Теперь вас спрашиваю.

Григорий презрительно пожал плечами.

– Так и будешь молчать? – вмешался Бабкин.

– А чего тут говорить... Не ваше это дело.

– Хотите, чтобы им полиция занималась?

Очередное пожатие плеч. Эта манера стала не на шутку раздражать Сергея. «Он что, впустил нас, чтобы поиздеваться?»

Предположение Бабкина было недалеко от истины. Григорий Возняк хотел поближе рассмотреть людей, которые плохо понимают обращенную к ним речь. В первый раз его пожелание было выражено словами. Возняк прямо сказал: нечего вам здесь делать. Для любого из жителей деревни, кроме Красильщикова и старухи Худяковой, эта фраза была равносильна приказанию. Григорий так привык к своей власти, ощущал ее до того естественной и непререкаемой, что, чуть позже увидев сыщиков, явно не собирающихся покидать Камышовку, пришел в недоумение.

Выходило, что слов эти двое не поняли.

Тогда от слов он перешел к делу.

Возняк был человеком, начисто лишенным эмпатии. В его представлении дело обстояло следующим образом: по каким-то причинам нежелательные гости не осознали, что им в деревне не рады. Возможно, их

не приучили слушать старших. Следовательно, нужно объяснить им на том языке, который они гарантированно поймут.

Придя к этому логичному решению, Возняк вошел в сорок восьмой дом, куда Красильщиков так удачно направил сыщиков, и принялся терпеливо ждать. Если бы кто-нибудь вздумал сказать охотнику, что он нарушает закон, Григорий удивился бы. При чем здесь закон? Он всего-навсего доносит свою волю до непонятливых людей.

Однако как в свое время Красильщиков оказался устойчив к его убеждениям, так и гости не вняли вежливой просьбе. Григорий ощутил глухое раздражение. Москвичи мешали ему; они суетились, повсюду совали нос, интересовались судьбой Веры Бакшаевой, а главное – расспрашивали про пожар.

– Григорий Матвеевич, вы нам чаю не нальете? – заискивающе спросил Макар. – Весь день не ели, не пили.

Бабкин изумился дважды: в первый раз – когда услышал, каким тоном просит Илюшин о чае, второй – когда Возняк беспрекословно поднялся и вышел из комнаты.

– Телефон, – шепнул Макар и, беззвучно ступая, отошел к приоткрытой двери. Сразу объяснилась и непривычная интонация.

Пока Илюшин стерег возвращение хозяина, Бабкин достал из кармана скотч и пудреницу. Мягкой кисточкой в четыре взмаха обработал забытый на столе телефон, распылив бело-розовый порошок по всей поверхности «Самсунга», и быстрыми, точными движениями приклеил к нему полоски скотча.

Ему показалось, что Макар дернулся.

– Идет?

Илюшин коротко мотнул головой и сделал знак: быстрее, быстрее!

– Быстрее некуда, – огрызнулся Сергей.

Он вытащил из кармана квадрат стекла, держа его за боковые стороны, положил на стол и переклеил скотч на стекло. Влажной салфеткой тщательно обтер телефон.

Когда Возняк вернулся, сыщики переминались с ноги на ногу как люди, которых заставили долго ждать.

Григорий поставил на стол чайник, принес из соседней комнаты два стула и керамические чашки.

«Отравит, – сказал себе Бабкин. – Иначе с чего это он такой добрый».

Сам Возняк в категориях доброты о себе вовсе не рассуждал и был бы крайне удивлен, узнай он о мыслях сыщика. Пустой чай, к которому он не принес ни пряника, ни конфеты, ни сахара, был, в сущности, не чем иным,

как вариантом прежнего высказывания: «Убирайтесь». Любой из жителей деревни ушел бы, оскорбленный таким приемом.

Московские сыщики расселись и стали пить чай с видимым удовольствием.

«Изгаляются», – решил Возняк.

– В августе вы помогали тушить пожар у Бакшаевой, – сказал Макар, решив зайти с другой стороны.

Григорий едва заметно кивнул.

– Не припомните, кто там был?

Охотник, казалось, задумался. В действительности он взвешивал, не будет ли вреда от его ответа.

– Ну, Красильщиков...

Макар выразительно посмотрел на Бабкина. Поколебавшись, тот достал блокнот, который всегда носил с собой. Сергей полагал, что это лишняя трата чернил, поскольку на второй день они запомнили имена всех обитателей Камышовки, а Возняк, похоже, собирался перечислить от силы пару-тройку фамилий. Однако Илюшин взглядом приказал: «Записывай!», и Бабкин без лишних рассуждений повиновался.

«**Красильщиков**», – неторопливо вывел он и дописал имя-отчество.

– Надька Бакшаева, – добавил Возняк, следя за его действиями.

«**Бакшаева Надежда Павловна**».

– Кулешова.

Сергей помедлил, вспоминая имя Кулешовой.

– Капитолина она, – с видимым равнодушием сказал Григорий. – Игнатъевна. – И дождавшись, пока Бабкин занесет Капитолину в свой блокнот, против своей воли добавил: – Буркин, Семен Степанович...

С Возняком происходило что-то странное. Поначалу он не собирался ничего рассказывать, но едва здоровяк начал старательно записывать за ним, словно школьник за учителем, Григорий вновь ощутил себя хозяином положения. Удовлетворение, в котором он не признался бы самому себе, пересилило неприязнь. «Не от меня узнают, так от любого другого», – сказал себе Возняк.

– Гусева. Бурмистров – поддатый притащился. Калабаева только верещала, проку от нее не было.

Он диктовал размеренно, без пауз, очевидно, держа перед глазами всех, кто помогал бороться с огнем. Из его слов складывалась типичная картина подобного рода происшествий: сперва прибежали самые активные и те, кто жил рядом; они, перепуганные близостью страшной угрозы, принялись тушить и кричать, созывая остальных. Кто-то ударил в

проржавевший лист железа, висевший возле центрального колодца, от чего этот самый лист, носивший почетное имя «набат», рассыпался на куски. Тогда на огонь стали медленно, как бабочки-инвалиды, слетаться пьяные, нездоровые или совсем уж старики, кому и триста метров пройти было в тягость. Таким образом, процессия участвующих в тушении растянулась во времени на целый час.

– Кто пришел последним? – спросил Илюшин.

Возняк принялся загибать пальцы. Ну, Бурмистров, алкаш. Худяковский бомж, которого надо гнать в три шеи из деревни, поскольку проворонил огонь. Кто еще? Сама Худякова явилась поздно, но участвовала в деле наравне с мужиками.

– А Маркелова? – спросил Сергей, оторвавшись от записей.

Возняк надолго задумался.

– Не было Таньки, – признал он. – Вроде потом мелькала где-то, когда все закончилось. Но тушили без нее. И Яковлева не пришла.

«А окна Маркеловой выходят на площадку, где собирались устанавливать пионера с горном», – подумал Илюшин.

– А что Красильщиков?

– Он рано явился. За ним наши мужики сбегали, помогли огнетушители дотащить. У него их штук восемь, а то и больше. Трясетя за свой драгоценный терем. – Последнюю фразу Григорий произнес с нескрываемым презрением.

– У вас с Ниной Ивановной случилась когда-то ссора? – спросил Илюшин, словно продолжая давно начатый разговор.

Возняк не ожидал такого резкого перехода.

– С чего ты взял?

– Люди говорят.

– Какие люди? – Тяжелый взгляд остановился на Макаре.

– Я тут слишком мало времени провел, Григорий Матвеевич, по именам никого пока не помню.

Взгляд Илюшина был чистосердечен и невинен.

– Я с ней не ссорился, – отрезал Григорий. – А не любит она меня, потому что стыдно ей. Много горя мне через нее пришло.

– Что у вас с ней случилось?

– Не твое дело.

– А Вера Бакшаева? – с прежним простодушием спросил Макар. – Она успела прийти на пожар?

Возняк сунул самокрутку в карман, неторопливо поднялся, распахнул дверь и застыл возле нее, молчаливо выпроваживая гостей.

– Вы хоть кивните нам, Григорий Матвеевич: да, нет? – сказал Илюшин, остановившись напротив него. – Была жива Вера Бакшаева, когда вы раскопали могилу, или ее сестра сочиняет?

Возняк уперся в него взглядом, от которого по загривку Бабкина пробежала ледяная волна. Чем-то неизъяснимо жутким повеяло от охотника. Воздействие его страшной застывшей фигуры было тем сильнее, что каких-то четверть часа назад он с детским тщеславием упивался своей осведомленностью и наслаждался их подобострастным вниманием.

В эту минуту у Бабкина не осталось сомнений в том, кто выкинул их из деревни. Он понял, что это было второе предупреждение и что никакая сила не остановит охотника, если он решит свернуть им шеи и похоронить ночью в лесу. Дерзость Веры Бакшаевой, провоцировавшей Возняка, представлялась теперь совершенно невообразимой.

«Уходим», – дернул он Макара.

Илюшин не только не двинулся с места, но даже не отвел взгляда. Серые глаза встретились с темно-карими. Макар молча ждал ответа, приветливо улыбаясь, пока хозяин дома застыл в противоестественной неподвижности, словно выключенный на половине шага робот.

Наконец Илюшин пожал плечами, вздохнул и вышел из комнаты.

За каждую секунду этого немого противостояния Бабкин постарел на год.

Однако на этом дело не кончилось. Когда они спустились с крыльца, Илюшин толкнул Сергея в бок, и, проследив за его взглядом, тот увидел под навесом темно-зеленый «Дастер» с прицепом. Пес лежал в конуре, положив голову на вытянутые передние лапы, и, кажется, дремал.

– Протектор, – тихо сказал Илюшин. – Ты иди пока на улицу, а я быстро щелкну и догоню.

Бабкин недоверчиво посмотрел на напарника:

– Сдурел?

– Я легко нахожу общий язык с собаками, – заверил Макар.

– С той-терьерами. А эта корова тебя перекусит пополам и не чихнет. Стой тут. Если что – не ори и не дергайся.

– Ну да, обычно-то я в критических ситуациях именно так и поступаю: ору и дергаюсь, – начал было Макар, но Бабкин уже приближался к машине Возняка, на ходу доставая телефон.

Чертыхаясь, промахиваясь мимо иконки, Сергей, наконец, открыл нужное приложение. Присел на корточки, скользнул взглядом по конуре – и замер.

Алабай наблюдал за ним. Ни черта он не спал, этот зверь без имени,

выдрессированный понимать своего хозяина с помощью жестов.

Уставившись ему в переносицу, Бабкин поднес к колесу телефон, дождался тихого писка фокусировки и вслепую нажал на кнопку спуска.

Алабай приподнял верхнюю губу и издал прерывистый звук «Ы-ы-ы», от которого у Бабкина второй раз за сегодняшний вечер по коже пробежал мороз. Краем глаза Сергей видел неподвижную фигуру Илюшина. Пес привстал. «Хороший песик, – успокоительно сказал про себя Бабкин. – Добрый песик. Иди к черту, песик...»

Долю секунды ему казалось, что алабай вот-вот бросится. Он решил, что запрыгнет в затянутый брезентом прицеп, а оттуда двинет кулаком злобной твари по носу. Алабай вздохнул, крутанулся вокруг собственной оси и убрался в конуру, свернувшись там, как улитка. Гигантская косматая улитка в деревянном панцире.

Бабкин перевел дух. Медленно выпрямился, сделал шаг к калитке и ощутил некое изменение в картине окружающего мира. Он вскинул глаза на дом. В окне пристроя белело непроницаемое лицо Возняка.

Стук калитки. Шаги. Григорий стоял, опустив веки, и прислушивался.
Ушли!

Он достал из шкафа термос, один из тех, что носил с собой на охоту, и перелил в него горячий суп из кастрюли. Среди жестяных мисок выбрал ту, что побольше, положил на дно краюху ржаного, завернутую в бумагу. В бумаге хлеб не портится дольше, чем в пакете. В холодильнике нашлись остатки шоколадной плитки; сунул в миску и ее. Сладкое не помешает.

Выйдя на крыльцо, Возняк осмотрелся. Убедился, что за ним не следят, и спокойно пошел по тропинке вниз, через сад, где чернели стволы яблонь и слив, через огород, все дальше и дальше, пока не дошел до старой бани. За ней начинался лес.

Поленница была сложена под навесом, возле задней стенки; перед ней стояла липовая колода. Он расстелил на потемневшем древесном срезе бумажную салфетку, подумав, что в сумерках она будет видна издалека. На нее поставил термос, рядом – миску с хлебом. Вытащил самокрутку и закурил.

Стоял, неспешно затягивался, с удовлетворением отмечая, что ветер несет дым в сторону леса. Тот, кто прячется среди деревьев, почует запах. Когда докурил, тщательно затоптал окурок в земле и пошел к дому, не оборачиваясь.

На улице уже стемнело, и свет от редких зернышек фонарей,

брошенных в землистый сумрак, рассеивал его едва-едва. К тому же повалил совершенно зимний, огромными лохмотьями снег, словно кто-то там, наверху, вычесывал очень большую собаку.

– Что-то ты бледненький, – участливо сказал Илюшин, когда они вышли на освещенный участок дороги. – И молчишь...

– То ли дело ты – фиг заткнешься! – огрызнулся Бабкин. Он испугался за себя, за Макара, черт еще знает за кого и теперь злился; самое же неприятное заключалось в том, что ему до сих пор было не по себе. Страх всегда выветривался из него быстро, едва исчезала прямая угроза, но в этот раз пропитал его насквозь, точно едкий дым.

– Однако мы узнали от Возняка намного больше, чем я ожидал. – Илюшин словно бы не заметил его раздражения. – Самое важное – что Маркелова не появилась на пожаре.

– Только непонятно, зачем ей убивать Бакшаеву.

– Допустим, в ту ночь возле горниста был третий человек: он следил за Возняком и Бакшаевой, которые прятались за магазином. Видел, как они выкопали тело и как Вера пришла в себя. Ему нужно было отбить ее у них, как корову от стада, но не разоблачая себя. Он кинулся к дому, поджег его и вернулся, когда все побежали на пожар. Вера осталась одна, он убил ее и спрятал тело. Тогда у нас есть хорошая зацепка: человек, который убивал Бакшаеву, тушить пожар вместе со всеми никак не мог. И что из этого следует?

– Нужно по минутам расписать, где все они были ночью с пятнадцатого на шестнадцатое.

– Логично.

– Завтра к Надежде зайду, – согласился Бабкин.

После Возняка разговор с Бакшаевой представлялся незаслуженным подарком. Хоть она и лжет на каждом шагу... С другой стороны, они тоже одурачили ее, соврав про отпечатки пальцев, якобы найденные в машине. Хорошо, что она купилась. Лгуны часто бывают доверчивы.

Он нащупал в кармане прохладный квадрат стекла.

– В полицию надо бы сообщить о нашей находке...

– Ты про машину?

– Ага.

– Давай сначала все проверим.

Вернувшись в дом, они мягко уклонились от расспросов Красильщикова об успехах расследования и поднялись наверх. Десять минут спустя у них имелся ответ как минимум на один вопрос. За рулем «Нексии», брошенной на болоте, побывал Григорий Возняк. Отпечатки из

машины и те, что Бабкин снял с его телефона, совпадали.

– Я только не понимаю, зачем он схватил диск, – задумчиво сказал Макар. – Вряд ли ему пришло в голову послушать Лепса, прежде чем спрятать тачку.

Бабкин встал, зажмурился, сделал жест, будто открывает дверцу...

– На сиденье! – Он торжествующе щелкнул пальцами. – Диск валялся на пассажирском сиденье. Я, когда слушаю в дороге музыку, часто бросаю диски на соседнее кресло. Так же поступила и Вера. Возняк сунул коробку в бардачок, чтобы она не мешала.

– Убедительно. А протектор?

– Доставай планшет.

Илюшин открыл программу, загрузил фотографии. Программа подтвердила то, что он видел невооруженным глазом: след протектора рядом с тем местом, где их бросили без сознания, и рисунок шин «Дастера» оказались идентичны.

– Слушай, а ведь тачка-то не Верина, – сказал Илюшин, пока Сергей скрупулезно заносил в дело результаты их работы. – Она принадлежит сыну Возняка.

– Это если Григорий оформил на него «Нексию». Мог купить, записать на себя, а сыну передать по доверенности.

– Вряд ли, – усмехнулся Макар.

– Почему?

– Никогда Григорий не приобрел бы такую рухлядь. Ты видел, какие вещи у него в доме?

– Так ведь не себе, а сыну...

– Брось. Девяносто из ста, что дело было так: Возняк передал ему деньги, Петр половину отдал Вере, еще четверть проел, а на оставшееся купил этого беарнского мерина.

– Почему беарнского?

– Классику надо знать, – укоризненно сказал Илюшин. – «Это был беарнский мерин лет двенадцати, а то и четырнадцати от роду, желтовато-рыжей масти, с облезлым хвостом и опухшими бабками».

– Дон Кихот, что ли?

– «Эта лошадь в самом деле ярко-желтого цвета или, вернее, была когда-то таковой, – сказал незнакомец, словно не замечая раздражения д'Артаньяна, – продолжал цитировать Илюшин так легко, как если бы перед ним лежала раскрытая книга. – Этот цвет, весьма распространенный в растительном мире, до сих пор редко отмечался у лошадей».

– Я Дюма последний раз читал в пятнадцать лет, – оправдался Бабкин.

– А я каждый год перечитываю. Великая вещь! Лет в тридцать проглотил ее целиком, все книги подряд, и с тех пор осознал, каким был дураком, когда полагал, что Дюма – исключительно для подростков.

– Врешь как дышишь, – сказал Сергей. – Нету тебе тридцати.

Илюшин проснулся среди ночи и подошел к окну. Снегопад утих, и выкатилась луна, золотая как блюдце, – небывалая, сказочная луна, какой он никогда не видел в городе. В центре пруда плыла вторая, болезненно бледная, омытая темной водой. Илюшин подумал про двух сестер Бакшаевых. Что-то скрывали и Григорий, и Надежда, и Татьяна Маркелова, и даже старуха Нина Худякова, – все они то ли умалчивали о чем-то, то ли сознательно водили его за нос, и в лунном свете сонному Илюшину представился хоровод людей в масках, танцующих вокруг него на поляне. Между ними мелькал рыжий лисий хвост, то пропадая, то приближаясь, но так, что и не разглядеть толком. Где-то в стороне стоял растерянный несчастный Красильщиков – единственный, кто, похоже, говорил правду.

Мог ли он убить Бакшаеву второй раз?

Теперь, когда Илюшина не отвлекали дружные голоса, твердящие на разные лады, что дорогой Андрей Михайлович человек хороший, но с прошлого года не в себе, и верить ему не надо, не надо ему верить, а надо только нам, ты нас слушай, милый, мы тебе всю правду скажем как на духу, – теперь он ясно видел, что Красильщиков не более сумасшедший, чем они с Сергеем. Более того, он куда меньше склонен к безумию, чем, допустим, сам Илюшин, – в силу некоей счастливой заурядности характера, позволяющей людям подобного склада избегать ловушек, расставленных болезненно ярким воображением. Ни при каких условиях он не мог убить Веру Бакшаеву второй раз, забыть об этом и нанять сыщиков для расследования собственного преступления.

Что бы сказал об этом Сергей?

Психолог доморощенный, вот что сказал бы Бабкин. Вопрос помешательства Красильщикова – не твоя компетенция. Разве мало мы знали психов, выглядевших как нормальные, даже больше скажу, хорошие люди? О которых после становилось известно, что рагу у них в холодильнике приготовлено не из кролика, а из соседа?

О'кей, согласился Макар, не сбрасываем со счетов Красильщикова. Однако пока он единственный, кого мы ни разу не поймали на лжи.

Мысль о лжи вызвала в нем слабую тень воспоминания; одна упавшая костяшка домино повлекла падение другой, и Макар внезапно вспомнил, что снилось ему за секунду до пробуждения.

Снилась ему Камышовка, искаженная, как это всегда бывает, преломляющей линзой сна. Он шел по длинному деревенскому дому и половицы скрипели под ногами, а внизу сновали непонятные существа – то ли мыши, то ли белки; нет, все-таки белки, и в этом-то и заключалась странность: отчего же лесной зверь живет в подполе? В соседней комнате, куда он шагнул в поисках хозяев, оказалось кладбище. Под ногами по-прежнему что-то скрипело, могилы выростали одна за другой, словно объемные картинки в книжке-раскладушке, и возле одной такой картинки он встал, пытаясь разобрать эпитафию. Четыре строки были выбиты на надгробной плите. Смысл прочитанного ускользал, – точно льдинка, которую он сжимал в кулаке, таяла и приходилось ловить ее снова. В какой-то момент ему удалось сконцентрироваться и перебросить непонятные слова на другой берег, за пределы сновидения, и в ту же секунду, словно он был соединен с ними неразрывной нитью, его самого выдернуло из сна.

Кладбище, сказал себе окончательно проснувшийся Илюшин. Эпитафия. Река.

Затем вспомнил, как надо работать со снами, и потянулся за тетрадью. Торопливо застрочил: дом, скрип, подпол, белки, могила...

И вдруг ясно понял, что именно все это время ускользало от его внимания.

* * *

Утром повсюду лежал снег. Деревня, выглядевшая накануне жалкой замарашкой, преобразилась и засияла.

– Отфотошопили нашу Камышовку, – сказал Бабкин, спустившись утром на кухню. – Кстати, находка для логопеда. Слушай: «Шла Саша по шоссе и фотошопила Камышовку». Дарю! Можешь передать какому-нибудь шепелявому другу. Хотя откуда у тебя друзья...

Илюшин уже стоял в дверях.

– Ты куда это? – удивился Бабкин.

– Потом, Серега, все потом! Завтракай, а я к Капитолине.

– Я тут подумал: что, если труп у Григория в прицепе? – крикнул вслед ему Сергей. – Мумифицированный! Он ведь охотник, мог и чучело набить из Бакшаевой!

Илюшин только махнул рукой, и прекрасная версия, которой Бабкин надеялся сразить друга наповал, ушла в молоко.

Макар шел, подпрыгивая от нетерпения, а затем сорвался на бег. Пару

раз чуть не брякнулся – белизна оказалась обманчива, снега выпало только-только, чтобы прикрыть землю, и ноги то и дело разъезжались на грязи, – однако скорости не сбавил. Ночью ему с трудом удалось уснуть. Вопрос, на который он не мог немедленно получить ответа, чесался и зудел хуже сотни комариных укусов.

– Капитолина Игнатьевна! Капитолина Игнатьевна!

Старуха выглянула в окно.

Господи, кого принесло в такую рань?

Возле палисадника подпрыгивал вчерашний молодой человек и, судя по бурной жестикуляции, сообщал, что у собаки Красильщикова начались роды.

Капитолина в свои без малого восемьдесят полагала, что она в этой жизни уже повсюду успела, а если другие торопятся, это их отношения со временем, ее они не касаются. Поэтому она не спеша надела на халат шерстяную кофту, на кофту – специально для нее пошитую тужурку, где было место для горба, растрепавшиеся волосы убрала под гребень, влезла в широкие валенки, которые носила с октября по май, и побрела на улицу.

Ух, снежно-то как! Капитолина откинула щеколду. Скоро уж пальцы будут к ней примерзать, пора доставать рукавицы. Яковлева вечно бранит зиму: тут мерзнешь, там потеешь, а где не потеешь и не мерзнешь, там снегом завалит по уши. Капитолина же любила холодное время года. И когда рожу пощипывает, и когда из носа течет, как зайдешь в тепло с мороза, и даже когда ноги в валенках окоченеют так, что снимешь носки, а по икрам словно целый муравейник носится вверх-вниз, – все эти свидетельства того, что тело ее живет и чувствует, чрезвычайно радовали старуху.

Она помнила, как однажды оно вздумало помирать, не спросивши саму Капитолину. Ей было чуть больше пятидесяти – для замужества, может, поздновато, но для прощания с этим миром преждевременно. Капитолина со своим телом тогда серьезно поговорила. Объяснила, что она даже до пенсии не дотянула. И в вечный сон погружать того, кто за всю жизнь ни разу не выспался, – это не по-человечески. Так и сказала: мол, не будь свиньей, я тебя, горбатое, всю жизнь берегла, а ты мне чем платишь? Вырастило внутри себя какую-то дрянь и предьявляешь мне, значит, как аргумент! Знаешь куда засунь такие аргументы? А впрочем, и туда не надо, мне это место по два раза на дню пригождается.

Ну, полечилась, ясное дело. Доктора потом радовались, что химия помогла. Но Капитолина знала, что дело не в химии, а в том, что они с телом договорились по-хорошему.

Правда, оно в том же году отрастило шпоры на ногах. Но со шпорами Кулешова смирилась. Если уж хочется телу какую-то дрянь занять, пусть лучше она будет снаружи, а не внутри.

– Капитолина Игнатъевна, доброе утро! Можно с вами поговорить?

– Точно доброе, или помер кто? – уточнила Капа.

– Никто не помер, насколько мне известно. Я просто кое-что сообразил...

– Сообразительный! – обругала старуха. – Ладно, заходи.

Юноша оказался воспитанный: дверь придержал, в кухне не сядил, пока не прикрикнула: чего торчишь оглоблей! Стула не видишь? Впрочем, Капа еще накануне это заметила. Воспитанный-то воспитанный, а хитрец! Славный такой мальчуган, чистенький, на первый взгляд простой, а чертенята изнутри все равно лезут. Чужих чертей Капа видела хорошо; вот ангелов – похуже, но они и встречались реже.

– Капитолина Игнатъевна, помните, вы рассказывали про сгоревшего на пожаре сына Возняка?

– Ну?

– И сказали: «Они с Иваном давно были в контрах».

– Помню, – кивнула Капа.

– Это ведь тот Иван, которого посадили?

– Ясное дело. Зачем же других Иванов сажать, – рассудительно сказала Капитолина.

И прибавила такое, отчего физиономия у ее гостя вытянулась.

Едва проснувшись, Худякова сполоснула лицо и вывела Белку на улицу. Белка, собака дворовых кровей, в отношении естественных отправлений проявляла удивительную принципиальность и отказывалась признавать, что родной участок можно использовать как туалет. Нина Ивановна как-то раз пыталась убедить ее, что позволительно и не выходить за калитку. «На родной земле не гадим!» – строго возразила Белка. На том вопрос и был закрыт.

Василий спал. Нина заглянула к нему в комнатку-пристрой, узкую как вагончик, и подтянула сползшее одеяло. Собака лизнула голую волосатую ногу.

– Не буди! – погрозила Худякова.

Обнаружив на улице снег, Белка осознала свое предназначение. Снегоуборочная собака в обличье некрупной дворняжки принялась за работу.

Пока она носилась, взрывая носом порошу, Нина стояла в

задумчивости. Шаги за спиной она услышала, когда человек был уже совсем близко. Обернулась, внутренне приоткрывшись увидеть Возняка, и вскинула брови:

– А ты чего здесь, милый?

– Не хотелось вам, значит, рассказывать про пожар у Бакшаевых в девяносто первом, – сказал Илюшин. Он остановился в пяти шагах от старухи и без улыбки смотрел на нее. – Сердце у вас от этого болит.

Худякова помолчала. Ну, что ж... Рассчитывать, что все станут держать язык за зубами, было недальновидно. Хотя по молчаливой договоренности Нине Ивановне никто ничего не припоминал; совсем не касались этой темы, словно не было мая девяносто первого года. Кроме Яковлевой; и та не со зла, а потому что частенько проваливалась в прошлое и переживала ту ночь, будто огонь потушили только вчера.

– Ну, болит, – согласилась она. – И у тебя бы болело.

– У меня болит, потому что я дурак. Когда Капитолина сказала, что вы ухаживаете за могилой, я на это даже внимания не обратил, мысли были другим заняты. А ведь она еще и добавила, что Возняк на вас поначалу кидался, а потом привык и перестал.

– Капитолина, значит... – пробормотала старуха. – Ладно. Капе можно.

Белка подбежала, тревожно обнюхала чужака.

– Иван был вашим единственным сыном? – спросил Макар, не обращая внимания на собаку.

– Почему был? Он и сейчас есть, – усмехнулась Худякова. – Восемь лет ему еще отбывать наказание, выражаясь официальным языком. А неофициальным если – шконку давить. Видишь, каким я фразам обучилась?

– Откуда восемь?

– Тут арифметика простая. Осудили на пятнадцать, а на десятый год в колонии случилась драка. Когда все разбежались, одного нашли убитым. У Ваньки под ногами валялся ножик с его отпечатками. Или не ножик, а как его по-тюремному... Заточка. И три свидетеля показали, что мой дурачок на их глазах прирезал человека.

– А на самом деле? Прирезал?

– Нет, конечно, – спокойно ответила старуха. – Я тебе это говорю не потому, что мать, а потому что людей знаю. Ванька мой – балбес, и всю жизнь таким был. Веселый, дурашливый и беззаботный. Он того мужика никогда прежде не встречал, его только накануне к ним перевели – вот скажи, зачем ему убивать его?

– Допустим, если заплатили.

– Знаешь, мне б легче было, если б так. Я бы знала, что сын мой виновен и сидит, потому что убийца и к обычным людям его выпускать нельзя. – Она погладила прижавшуюся к ногам собаку. – Только ведь дело обстоит иначе, милый. Того беднягу закололи уголовники. Помню, на суде даже выяснилось, какой счет у них был к убитому. А моего подставили. Это в тюрьме обычное явление. Иван до последнего все отрицал, а толку? Новый приговор, новый срок. Потому как – рецидивист.

Илюшин вновь поразился ее спокойному достоинству. Она говорила с той отстраненностью, с которой люди, пережившие много горя и не сломленные им, рассказывают о своей беде.

– Он на Алешку очень похож, Ваня мой. Войдет в комнату – и все смеются. Бывают такие люди, солнечные. В тюрьме, конечно, от его свечения ничего не осталось. Одна несправедливость за другой кого хочешь сломят, даже сильного человека... А Ванюша не сильный, он яркий.

– Почему несправедливость? Ладно, даже если по второму сроку ваш сын был обвинен ложно... Но поджог-то и смерть Леонида Возняка на его совести...

Худякова внезапно положила руку ему на плечо, и Илюшин замолчал.

– Господь с тобой, – кротко сказала Нина Ивановна. – Что ты, мой ангел...

Бабкин успел позавтракать и на треть заполнить схему, в которой распределил место и время для каждого жителя Камышовки в ночь исчезновения Бакшаевой, а Макар все не шел и не шел. Вернулся он ближе к обеду непривычно молчаливым.

– Ты где был?

– На кладбище, – ответил Илюшин и надолго погрузился в размышления, выводя на листе бумаги неразборчивые каракули.

Сергей поначалу смиренно ждал, но затем терпение его лопнуло.

– Кой ляд тебя понесло на кладбище?

Макар поднял на него не улыбочивый взгляд.

– В девяносто первом году за Верой Бакшаевой всерьез ухаживали два парня. Один – Петр Возняк, старший сын нашего Возняка. А второй – Иван Худяков. Единственный сын Нины Худяковой.

Бабкин осмыслил сказанное, и ухмылка сползла с его лица.

– Оба вернулись из армии, обоим было по двадцать, – продолжал Макар. – Второму сыну охотника, Леониду, только исполнилось семнадцать, и они с Иваном друг друга на дух не переносили.

– Петр с Иваном? – уточнил Бабкин.

– Нет, Леонид с Иваном. Причем делить им было нечего, Леонид за Бакшаевой не ухаживал.

– Тогда почему...

– Худякова говорит, ее сын в юности был болтун и балбес. Он терпеть не мог старшего Возняка и время от времени давал волю языку. Однажды это услышал Ленька... Ну и ясно, что было потом. Сцеплялись они с тех пор как петухи, по поводу и без повода.

– Это все на основании рассказа Нины Ивановны?

– Капитолина его полностью подтвердила. В общем, Леонид был главным Ивановым врагом. После того как случился пожар, нашлись люди, утверждавшие, что видели, как Иван поил Леонида самогоном, а потом куда-то вел. Худякова всю жизнь гнала самогон, даже в годы запрета. Утверждает, что у нее лучший в деревне... Так вот, девятого мая старшие Бакшаевы вместе с Надеждой уехали по делам в город, а десятого их дом подожгли, причем не ночью, а днем, в четыре часа. В сарае спал пьяный Леонид. Был суд, и на суде Вера Бакшаева рассказала, что своими глазами видела Ивана Худякова, который подливал бензин из канистры. Причем он сначала натаскал сосновых дров из поленицы самих Бакшаевых, обложил ими дом со всех сторон и только затем поджег. Дверь припер снаружи, чтобы Вера не выскочила.

– Ответственно пацан подошел к делу... – пробормотал Сергей.

– Иван клялся, что невиновен. Якобы он в компании какого-то ребенка бродил в это время по лесу и искал птичьи гнезда. У него увлечение такое было, яйца собирать. А Леонида он действительно напоил, только они не ссорились, а мирились. По дороге парнишка уснул, и Худяков легкомысленно решил оставить его в бакшаевском сарае, зная, что, кроме Веры, никого нет дома.

– Алиби подтвердилось?

– Нет. Ребенок сказал, что они, конечно, время от времени действительно устраивали совместные вылазки, но только не в тот день. На основании его слов и показаний Веры Ивана осудили. Худякова абсолютно уверена, что он невиновен.

– А кто тогда виновен?

– Она понятия не имеет. У нее нет ни одной версии.

* * *

На следующее утро решили разделиться: Бабкин отправился на обход

свидетелей, чтобы выявить тех, кто мог иметь отношение к исчезновению Бакшаевой, а Макар, как он выразился, пошел по старухам.

Он уже упустил один раз важную деталь, которая меняла весь расклад, и не собирался повторять эту ошибку.

Илюшин хотел разузнать, что за человек погиб на болоте.

Он столкнулся с неожиданным препятствием. Старожилов, помнящих события двадцатипятилетней давности, осталось не так много, и те, на кого он особенно рассчитывал, сразу выбыли из его списка.

– В девяностом я отсюда уехала, – сказала Капитолина. – Мать хворала, я к ней отпросилась. Думала – на неделю, оказалось – без малого на год. Она была совсем плоха. Никто, кроме меня, за ней ходить не хотел, да и сам подумай – зачем невесткам такая обуза?

Илюшин вздохнул и отправился к Худяковой.

– Не помню я, Макар, – призналась Нина Ивановна. – Утопленник был не из наших и даже, кажется, не из Уржихи. Да и какой утопленник, если тела не нашли. А может, и путаю я... – она задумалась, взгляд сделался отрешенным. – Что-то вспоминается, но тебе ведь факты нужны? А у меня какие-то... – она описала рукой круг.

– Какие-то – что?

– Тени. Ощущения. Нет, не могу описать.

– Нина Ивановна, попытайтесь, пожалуйста, – взмолился Макар. – Я уже десять человек опросил. Все тоже вот эдак рукой машут, а сказать им нечего. Как такое вообще может быть? Этот утопленник – ваша легенда! Народное достояние!

Худякова усмехнулась:

– Потому и может, что легенда. За легендами редко когда помнят живых людей.

– Хорошо, а что гласит легенда?

– Гласит! Слова-то какие подбираешь... Да, в общем, ничего такого она и не гласит. Ну, есть болото, ходить туда нельзя, ни за грибами, ни за ягодами, ни за белым мхом. Вот и вся история.

Макар разочарованно вздохнул. Все это он уже слышал.

– Вы все-таки попробуйте вспомнить, Нина Ивановна... Любые детали, даже самые пустяковые.

– Попытаюсь... – без особой надежды пообещала старуха.

Илюшин направился к следующему дому. Он подозревал, что вскоре их с Бабкиным начнут гнать со дворов как попрошаек. Собственно, этим они и занимаются: выпрашивают чужие воспоминания.

– Макар! – окликнула Худякова.

Он обернулся.

– Я вот что сообразила: Лариса может тебе помочь.

– Яковлева? – удивился Илюшин.

– Человек, который погиб, то ли родственник ей, то ли знакомый...

Точно! Бориса Ефимовича родня, вот он кто. Яковлевы должны были наверняка знать, что с ним случилось.

– Да вы, Нина Ивановна, шутите, – мрачно сказал Илюшин. – Один Яковлев в могиле, другая в беспамятстве.

– Ну извини, – Худякова развела руками. – Здесь даже про судьбу моего Ивана не все помнят, хотя он свой, родился и вырос в Камышовке. А про чужого мужика и говорить нечего.

«Про судьбу своего Ивана ты, допустим, лукавишь, – думал Илюшин, идя мимо горниста и не замечая, как его провожает взглядом Татьяна Маркелова. – Но я-то отчего так прицепился к этому покойнику? Потому и не помнят, что самое обыденное дело: пошел пьяница в лес и утонул. Что за пьяница, совершенно не важно, и нечего о нем говорить. То ли дело болото! Для него это красивая строчка в резюме. «Особые достижения: в девяносто первом засосало колхозника».

Он засмеялся, испугав тихого сгорбившегося деда, плетущегося с авоськой в сторону магазина.

– Дедушка, закрыто сегодня, – сказал Макар.

– А?

– Закрыто, говорю! Магазин закрыт!

– Чего?

– Продавщица заболела!

– Как?

– МАГАЗИН НЕ РАБОТАЕТ! – заорал Илюшин.

– Да что ж такое, – огорчился старикан. – Ну!...! И мать...!

Облегчив таким образом душу, он улиточным шагом потащился обратно.

– Дедушка! – позвал Макар.

– А?

– Вы помните, человек в болоте утонул?

– Чего?

– Человек! Утонул! Много лет назад!

– Где?

– В болоте!

– Где?!

– В БОЛОТЕ!

К окнам двух домов, стоящих друг напротив друга, одновременно приникли изнутри сморщенные личики. Старушки с осуждением смотрели на Макара. Одна погрозила ему пальцем и зашевелила губами; ее примеру последовала вторая, и при виде этой двойной пантомимы Илюшину стало смешно. Старушки гневно выговаривали ему из-за стекла. Макару пришло в голову, что эта картина – квинтэссенция нынешнего расследования: люди, отделенные от него непреодолимым барьером, что-то рассказывают, но он не слышит их голосов. А те, с кем пытается поговорить он, не слышат его.

– Дедушка, вы что-нибудь знаете про мужика, который в болоте утонул? – устало спросил он, не напрягая больше голос.

Старик окинул его на удивление осмысленным взглядом:

– Гнать их в шею, вертихвосток!

И убрел, волоча по снегу авоську, оставлявшую едва заметную полосу.

«Так, – сказал себе Илюшин. – Соберись, тряпка. Выбора нет: надо идти к Яковлевой».

И пошел, ориентируясь на путеводный авоськовый след.

* * *

Если бы Ларису Яковлеву спросили, что она больше всего не любит, Лариса бы ответила: время.

У других как-то получалось с ним договариваться. День прошел – и к их собственной жизни день прибавился. Так объяснила однажды Худякова, и в изложении Нины все звучало просто и логично. Яковлевой стало завидно до слез.

Ее жизнь в какой-то момент отлепилась от общего времени. Лариса даже примерно могла сказать, когда это случилось: вскоре после того, как похоронили Борю.

В тот день она сварила пшеничную кашу с тыквой и накрыла на стол. Для себя одной, конечно. Отошла к раковине, обернулась... И вдруг все ее существо, словно бабочку булавкой, пронзило ощущение неестественности происходящего. Единственная тарелка на скатерти, одна из двух парных, унаследованных от свекрови, обернулась чем-то вопиюще немыслимым, и от невозможности ее существования мир рассыпался в крошки.

Когда белое мельтешение перед глазами растаяло, Лариса поднялась с пола, удивляясь, что за окном самовольно стемнело, несмотря на обеденное время, и поставила на стол вторую тарелку.

– Масло-то не разморозила, – недовольно сказал Борис.

И стало хорошо. И стало правильно. То, что муж, которого она похоронила неделю назад, распекает ее за забывчивость, примирило Ларису Сергеевну с происходящим.

Однако с временем начала твориться путаница. Дни иногда шли вперед, а иногда назад. Проснешься – а вокруг тебя и трехлетняя сестренка Зоя, и мамка, и тетка, и зачем-то ругачий двоюродный дед Федот. Лариса сперва пугалась, затем привыкла. Тем более что и Федот молчал, не бранился больше, только смотрел из угла и почесывал кота Барсика, тоже не слишком-то живого.

Случалось, выпадали дни кисельные. Попадешь в такой – и тонешь, словно муха. Ворочаешься, бьешься, а вязкая жижа держит тебя, и все тянется и тянется нескончаемый понедельник. Это Лариса особенно не любила, и когда чувствовала, что сил не хватает, звала своего Боря. Тот ворчал, однако приходил и вытаскивал ее.

Иногда часы своими стрелками выстригали из бытия Ларисы недели, а то и месяцы. Сядешь на кровать, прикорнешь... Проснешься, а вместо лета за окном зима.

А еще из циферблата, бывало, начинал сочиться болотный туман. Но чаще всего часы жалели Ларису и обкладывали ее ватой, точно елочную игрушку: ничего не видно, ничего не слышно, разве что отдаленные голоса. Сама Яковлева елок в жизни не наряжала, но видела однажды в районной библиотеке целый ящик, где лежали человечки из папье-маше, а с ними картонный слон, рыба и какой-то зверь вроде кота, но не кот.

Очень тогда Ларисе запала в душу эта картина. Спишь весь год в тепле и уюте, а проснешься – елка! Огоньки! Вознесешься ненадолго к смолистой макушке, порадуешь деток – и снова дремать в ватных облаках. Если это не рай, то что же?

А еще случались дни ясные. Блюдечко, по которому каталось яблочко, кто-то добрый и заботливый протирал полотенцем, и сразу все виделось четко, как в летний полдень. Но в последнее время такое бывало все реже и реже.

* * *

Одутловатая старуха восседала на неубранной постели. Впрочем, какая старуха – бабушка. Старухи худые, а бабушки толстые: так, во всяком случае, классифицировал Илюшин.

Подушек было не меньше двух десятков: большие и маленькие,

пышные и плотные бархатные думочки. Время от времени Яковлева меняла их местами, возвращая себе этим действием душевное равновесие, – старая принцесса, навсегда застрявшая в королевской постели без горошин.

Выцветшие голубые глаза за толстыми стеклами очков, впрочем, были ясны.

Лариса благосклонно улыбалась, глядя на Макара. Гости появлялись в ее доме редко и все больше несносные, вроде москвича или Нины Худяковой, приносившей с собой ножницы и, невзирая на отчаянные возражения Яковлевой, обстригавшей ее «под мужичка». Причем обманывала Ларису, бессовестная, подбрасывая на пол вместо ее чудесных русских волос какие-то седые космы.

Все ее обманывали.

На это Яковлева и пожаловалась.

Пятнадцать минут Макар слушал о ее врагах, населявших Камышовку. Поразительно, однако их происки не вызывали у старушки ни раздражения, ни злобы. Она посмеивалась, разоблачая их детские интриги, и великодушно позволяла им верить, будто ничего не замечает.

В конце концов ему удалось свернуть на интересующую его тему.

– Лариса Сергеевна, в лесу есть болото. Говорят, гиблое. В конце восьмидесятых там кто-то утонул.

– А сейчас какой год?

– Две тысячи шестнадцатый.

Яковлева недоверчиво рассмеялась.

– В болоте погиб человек. – Макар гнул свою линию. – Вы его знали?

– Я всех знаю! Всю жизнь тут живу. А вот ты откуда взялся – это вопрос! – Она поерзала, устраиваясь поудобнее, и вдруг подалась к нему с хитрой улыбкой на губах: – Оттуда выбрался? Скажи! Не выгоню, не бойсь!

Илюшин проследил за ее рукой. Толстый палец указывал на настенные часы.

– Из часов? Нет, Лариса Сергеевна. Я через дверь пришел.

Старушка укоризненно покачала головой:

– Двери-то я заколотила еще вчера. Баба все ходила, лучом в меня светила... Острый! Облучила она меня. Но бог даст, отсижусь, выправлюсь. Боря мне поможет. – Она похлопала по большой подушке.

– Что за баба? – обреченно спросил Макар. Зря он сюда пришел, послушался Худякову.

– Молодая, злая. Все молодые – злые. Нету в вас... понимания. Я ей кричу: брось, брось туфлю! А она мне кулаком грозит. Отняла у меня, я

по всему дому ее искала. Матери купила, а дома померила и думаю: нет, не отдам! Все одно она в калошах топчется весь год. А через неделю смотрю: пропала. Мучилась я, мучилась. А ее, значит, девка украла. Зачем ей одна туфля, как считаешь?

– Не знаю, – сказал Макар. Он пытался выудить из ее мутной болтовни, настоящей на перемешавшихся воспоминаниях, хотя бы обрывок ясной мысли. «Что я здесь делаю? – подумал Илюшин. – Сижу на хромом табурете и слушаю старуху в деменции. Обманываю сам себя. Бабулька когда-то купила матери туфли, но решила оставить себе, и до сих пор вспоминает об этом».

– Я постараюсь найти вашу пропажу, Лариса Сергеевна, – сказал он и поднялся. Его не оставляло чувство, что он был важен, этот неизвестный житель, о котором никто ничего не помнил, словно болото, поглотив живого человека, от жадности всосало заодно и всю память о нем. На первый взгляд, он не имел отношения к расследованию, он вообще никак не был связан с происходящим в Камышовке – ни в девяносто первом году, ни в две тысячи шестнадцатом. «Может, я так вцепился в него, потому что это сплошное белое пятно. Может, дело в неудовлетворенном любопытстве».

Он почувствовал, что его требовательно подергивают за рукав.

– Найдешь?

– Туфлю? Постараюсь. Какого она цвета?

– Белая. А размер... – старушка задумалась и вдруг придвинулась на край кровати, спустив ноги вниз. – На, померь. Память дырявая, нии-чо не помню.

И видя, что Илюшин стоит неподвижно, добавила:

– В столе картонки есть, а рядышком карандаши. Боря много пишет. Ну, бери, бери, не стесняйся! Вернешь – спасибо тебе скажу. Помню, я туфли надену и все танцую, танцую...

Она улыбалась и пихала к нему бугристую сизую ногу.

И тогда Илюшин совершил самый неожиданный поступок за все время, что он провел в Камышовке. Причины его он не мог объяснить себе ни тогда, ни позже. Но Яковлева так искательно улыбалась, была так трогательна в своих воспоминаниях об ушедшем, наверняка ложных, ибо откуда было взяться в ее жизни танцам и туфлям, что он ощутил нечто сродни – нет, не сочувствию, но глухой душевной боли при мысли о том, что она останется здесь одна и будет снова доверчиво ждать, пока кто-нибудь выйдет к ней из навсегда остановившихся часов. Макар не был ни жалостлив, ни сердоболен. Большинство хорошо знающих его людей

считало Илюшина человеком бессердечным и черствым. Но он подошел к письменному столу, покрытому слоем пыли, выдвинул средний ящик и обнаружил старую тетрадь в бежевой картонной обложке, а рядом – открытый пенал.

Под тетрадью желтел толстый конверт альбомного формата, пухлый, явно набитый письмами или документами. Будь Макар в комнате один, он не преминул бы изучить его содержимое. Щепетильность того рода, которая запрещает читать чужие письма и просматривать дневники незнакомых людей, была ему абсолютно чужда: кошка не спрашивает, можно ли ей заглянуть в приоткрытую дверцу. Но спину буравил взгляд Яковлевой, и Илюшин придержал свое любопытство.

Он оторвал от пустой тетради обложку, взял карандаш и присел перед кроватью. Старуха протянула ему правую ногу с видом смущенным и одновременно величественным.

Нога была невообразимо грязна.

– Тазик есть у вас, Лариса Сергеевна? – спросил Илюшин, перестав удивляться самому себе и просто делая то, что казалось ему правильным.

Тазик оказался в бане.

Илюшин сходил в баню, принес два таза; вскипятил чайник и развел воду до теплой, набросав в каждый таз по пригоршне найденной в шкафу поваренной соли. Стараясь не думать о том, что сказал бы Бабкин, застав его за этим занятием, опустил ноги Яковлевой в воду.

Старуха зажмурилась, втянула голову в плечи, как пригревшийся на солнце воробей. Пока Макар мыл ей ноги, натирая окаменевшие подошвы мочалкой, пока ополаскивал, пока сушил, она блаженно улыбалась. Лишь когда он щелкнул ножницами, приоткрыла один глаз.

– Мизинец на левой не трогай. Болит.

– Не буду, Лариса Сергеевна, – кротко согласился Макар.

Он подстриг твердые старческие ногти. Нашел в шкафу шерстяные носки, а в аптечке тальк. Посыпал пудрой эти слоновьи копыта, поставил правое на лист бумаги и старательно обвел карандашом. Яковлева следила за ним из-под полуприкрытых век.

– По полу у вас дует, – сказал Илюшин, закончив свое дело. – Носки наденем.

Яковлева и тут повиновалась беспрекословно. Происходящее явно доставляло ей удовольствие.

Макар разложил все по местам и вернулся в комнату.

– Мерку вашу я снял, Лариса Сергеевна. Когда найду туфлю, сразу же принесу. Хорошо?

Яковлева ответила расслабленной счастливой улыбкой и закрыла глаза. Несколько секунд Илюшин смотрел на нее, отстраненно думая о том, что приближающуюся зиму старуха не переживет. Пусть хоть с чистыми ногами уйдет по белому снегу.

Он сложил пополам ненужный отпечаток ее подошвы, сунул в карман и пошел к двери.

– Семен Дьяченко, – безмятежно сказала Лариса.

– Что?

– Хороший был мужик, светлая ему память. Не скажу, что умный там или красавец. Но хороший. Тихий такой, добрый. Бориса Ефимовича троюродный брат. Видал ты Бориса Ефимовича?

– Не видал, – сказал опешивший Макар. – Лариса Сергеевна, Дьяченко – это кто?

– А ты про кого меня спрашивал? Вот он и есть. Его Сеней все звали...

– Это он утонул на болоте?

– Он. Ох, душа бедная! Сеня приезжий был, городской человек, вроде тебя, но с образованием. Взяли его зоотехником в наш совхоз. Борис Ефимович помог. Тебе тоже может помочь... Надо?

– Лучше вас мне никто не поможет, – медленно произнес Макар, боясь спугнуть удачу. – А зачем он на болото пошел?

– Кто ж его знает! Сдуру. Но вообще-то не он один там бывал. Там груздей вокруг – ух, хоть косой коси. Если глубоко не заходить, то можно и не бояться. А там, где под ногами чавкает, – ну, там, конечно, надо поворачивать. Искал ты там грузди?

– Что случилось с Семеном Дьяченко?

– Он, значит, забрался далеко, куда нельзя было. И утоп.

Старуха удовлетворенно замолчала.

– И все? – спросил Макар, ощущая себя идиотом.

Яковлева обежала взглядом комнату, словно выискивая кого-то. Опасливо отодвинулась от края постели. Лицо ее приобрело сосредоточенное выражение, и еще раз покосившись в дальний темный угол, она поманила Илюшина пальцем. Ближе, еще ближе... Когда его ухо оказалось возле ее губ, старуха выдохнула:

– Говорят, помогли ему, бедолаге.

– Кто? – так же тихо спросил Макар.

– Охотник наш. Гришка Возняк.

Илюшин посмотрел на старуху. Она мигала за своими очками, и было невозможно понять, очередной ли это бред или ему наконец-то повезло услышать свидетеля.

- Зачем Возняку топить Дьяченко?
- Чего не знаю, того не знаю.
- От кого вы это услышали?
- Был у нас такой Савелий Кужма. Бездельник, и пьющий, сильно пьющий. До похабства доходило: заголится и давай срамом размахивать. Но мирный. В драки не лез. От Савелия это все и пошло.
- Что пошло?
- Про Гришку. Кужма выдумывать бы не стал. Ты его найди, он тебе больше меня расскажет. Он, старый бес, ребятню пугал! Я-то слышала звон, да не знаю, откуда он. А Савка, тот все своими глазами видел.

Макар вышел на крыльцо. Из-за забора доносился разговор двух женщин.

– Уезжала бы ты отсюда, – говорила Худякова. – Пожила, отдохнула – и будет.

Кому это она, удивился Илюшин. Он еще не слышал у нее такого голоса: жесткого, злого.

– Нина Ивановна, я не могу!

Маркелова! Отчего старуха ее гонит?

– Все ты можешь, девонька! Ты у нас вон какая талантливая...

А ведь Худякова это не о рисунках, подумал Макар. Ему не нужно было прислушиваться, чтобы разобрать ее речь: слова падали рядом с ним, увесистые, как авоськи с картошкой. Реплики Маркеловой таяли в воздухе.

– Нина Ивановна, здесь Андрей...

– Тебе, значит, счастья захотелось! – усмехнулась старуха. – Это правильно. Счастья всем хочется.

Послышались шаги, и, привстав на цыпочки, Макар увидел широкую удаляющуюся спину в серой фуфайке. Похоже, Нина Ивановна сказала все, что считала нужным.

Татьяна смотрела ей вслед. Жаль, он не мог увидеть выражения ее лица.

Но почему художница боится старухи?

Татьяна тряхнула головой, вытерла слезы.

Нельзя ей было сюда приезжать.

Но больше было некуда.

Чья-то непреодолимая воля переписывала сценарий ее жизни и выкидывала ее из всех обжитых за долгие годы пространств, оставляя ей лишь одно прибежище – профессию. Среда сопротивлялась ее

присутствию, словно кто-то одним махом исправил то ли ее физические свойства, то ли Танины. Поменял технические характеристики: была рыбка, стала резиновая уточка: прыгай на воде, сколько влезет, вглубь тебе больше не нырнуть. Злая шутка режиссера: полагаешь, что на монтаже вырезали пару сцен с твоим участием, а между тем уже и фамилии твоей нет в титрах, и костюм перешит на другого героя.

– Никуда я не уеду, Нина Ивановна, – сказала она в пространство. – Некуда мне уезжать.

* * *

Илюшин догадывался, что на новом пути его ждет неудача, и оказался прав. Савелий Кужма умер одиннадцать лет назад в больнице. Об этом рассказала Капитолина.

– Зачем тебе понадобился Савелий? Его здесь за мужика не держали, – шелупонь, шушера мелкая. Надирался так, что себя не помнил. Под заборами валялся, а потом всякие небылицы плел пацанам. Больше его никто не слушал.

– Вот и Яковлева сказала, что старый черт начал ребятню пугать, – задумчиво сказал Макар. – Почему именно ребятню?

Старуха почесала подбородок.

– А ведь и правда... Кужма собирал вокруг себя малышню. Я всю жизнь алкашей терпеть не могла, и его тоже. Но врать не стану: детишки Савелия любили. Он с ними возился, сказки сочинял, в лапту играл... Взрослые-то, по правде сказать, держали его за дурачка.

– Капитолина Игнатьевна, вы можете вспомнить имена детей, с которыми общался Кужма?

– Да хоть Танька Маркелова! Собачонкой крутилась вокруг него. Кто еще? Дай сообразить... Саша из пятидесятого, там жили Бурляцкие, ее бабка с дедом. Они люди угрюмые. А девчушка была ласковая, робкая: ей скажешь «здрасте», а она краснеет будто мак. Лет пять назад их дом продали, но туда никто так и не заселился. Больше, пожалуй, никого не вспомню.

– Спасибо, Капитолина Игнатьевна, – сказал Макар. – Вы очень помогли.

* * *

Сергей Бабкин накинул куртку и вышел на улицу. Пес Чижик, воспользовавшись моментом, шмыгнул в приоткрытую дверь и, страстно загребая лапами на поворотах, метнулся на кухню. Из дома его не выгоняли даже летом; в конуру он уходил по собственному желанию. Однако Чижик вел себя так, словно лишь по непонятной прихоти судьбы его до сих пор не отвезли на живодерню или не выставили на мороз.

– Куда! Расстреляю! – вслед ему крикнул Бабкин.

Но Чижик уже исчез.

Красильщиков нашелся в саду. Он ходил по небольшой расчищенной поляне с рулеткой в руках.

– Беседку прикидываю, – сказал он, заметив сыщика. – Не знаю, как быть. Вершинин поставил здесь две, но это было давно, и с тех пор здесь, видишь, выросли яблони. Для одной беседки места хватит, но для двух... Это что же, деревья рубить? Тоже не дело.

Он почесал в затылке.

– Кто такой Вершинин? – спросил Сергей.

– Я разве не рассказывал? – удивился Красильщиков. – Афанасий Вершинин был купец. В конце девятнадцатого века он возвел в Камышовке этот терем для своей молодой жены. В те времена вокруг жизнь была ключом! Села строились! Потом, конечно, все это закончилось. Сам понимаешь – революция, слом прежнего строя... Сын Вершинина бежал за границу, успел вывезти всю свою семью. В тереме какое-то время располагалась школа, а затем он просто ветшал год от года. Я тебе потом покажу фотографии, если захочешь...

– Как ты его вообще нашел?

– Не поверишь – случайно! У приятеля сломалась машина, он попросил помочь: привезти продукты его тетке. Приятеля я высадил, а сам пошел бродить по деревне.

Красильщиков замолчал, вспомнив, как это было.

Он видел много разрушенных деревенских домов. Большинство из них не вызвали в душе ничего, кроме мимолетного сожаления, – темные, скособочившиеся, как грибы-перестарки, с просевшими крышами и характерным запахом брошенного жилья. Однако при первом взгляде на терем Вершинина он ощутил нечто сродни благоговению. Трехэтажный дом был похож на истлевшего динозавра, в котором благодаря какому-то чуду теплилась жизнь.

Вот что поразило его сильнее всего. Терем был жив.

– Закурим? – предложил Красильщиков. Сел на лавку, выпустил колечко дыма. – У меня, если ты знаешь, была своя компания, «Алтус». Мы

основали ее вместе с партнером пятнадцать лет назад. Доставляли рыбу от добывающей компании до заказчика. Купить, хранить, распространять... все продумать, все просчитать, найти порядочных поставщиков – отдельный квест, между прочим. Вся логистика была на мне! Склады, машины! У меня глаз горел, кровь бурлила. С Дальнего Востока везли горбушу и кету, весь лосось из Баренцева моря – он, считай, наш. Вся Москва в моей рыбе! А потом я оказался здесь. Когда выкупил у Бакшаевой терем, местные крутили пальцами у виска: дурень, городской болван! Этой развалюхе жизни осталось – ну, года три, много пять.

– И сколько ты уже здесь живешь?

– Три года и живу. Пришлось собирать материалы о том, каким этот дом был при Вершинине.

Он не стал рассказывать, как по единственному чудом сохранившемуся изразцу восстанавливал всю облицовку камина. Как разыскивал краску: точно такой же оттенок, который некогда выбрал купец, и отправился за ней в Германию, когда выяснилось, что в России ничего подобного не производят. Как упорно и бережно много месяцев подряд сращивал многочисленные внутренние переломы изувеченного дома, шаг за шагом вдыхая жизнь в то, что казалось почти мертвым.

– Все деньги просадил, – без всякого сожаления признался хозяин. – Жена со мной развелась, сказала, что жить с сумасшедшим не подписывалась. А я устал, устал бабки заколачивать. Но когда увидел терем... знаешь, сразу понял, зачем бежал в упряжке все эти годы.

То, что случилось с Андреем Красильщиковым, наиболее точно описывалось словом «прозрение».

Стоя перед развалинами купеческого дома, он впервые за сорок пять лет ощутил, как его жизнь наполняется содержанием: в самом буквальном смысле почувствовал движение некоей теплой субстанции внутри, которая приподнимала его над землей, точно воздушный шар. Красильщикову нравилось то, чем он занимался. Но сравнить это с его новым делом было... не то чтобы смешно. Но он как будто всю сознательную жизнь с удовольствием плавал в бассейне, а потом его вывели к морю.

– Человек – смертная тварь, – сказал он. – Живет мало, исчезает бесследно. Ррраз – и нету его. И следов не осталось. Рукописи горят, еще как горят, и в вечность ты шагнуть можешь разве что через детей. Что останется после меня? Компания по доставке замороженных рыбных туш? Ну, тоже дело. – Красильщиков тщательно загасил окурок. – А дом – это дом. Он живой. Я себя хирургом чувствовал, гениальным, без дураков! Он ведь умирал, хрипел, кровью истекал у меня на столе. Никто за него

больше не взялся! А я – взялся. Вылечил. Оживил. Сколько сил мне это стоило – одному богу ведомо.

– Только все же получается, что ты из-за дома живого человека убил, – сказал Бабкин.

– Если придут за твоим ребенком и объявят, что заберут его, а тебе выдадут денежную компенсацию, – что в ответ скажешь?

– Ну ты сравнил!

– Да я этот дом разве что из своего собственного брюха не родил! – вспыхнул Красильщиков. – Каждую плитку в нем знаю, каждую трещину в балках! Он у меня поначалу, когда все только начиналось, под ветром стонал: маялся, бедный. Я с ним первый год каждую ночь разговаривал: терпи, милый мой, терпи, будешь ты жить, долго жить, станешь таким красивым, что к тебе в гости ехать будут, только чтобы на тебя посмотреть. Он помолчит-помолчит, а потом опять как заплачет... Я его уж и по стенам гладил, и музыку ему разную включал, чтобы он слушал.

«Свихнулся», – подумал Бабкин.

– Вагнер ему не понравился, – признал Красильщиков. – А хорошо пошел – ты смеяться будешь – Шаляпин! Я-то сам Шаляпина не очень... А ему ставил.

Они помолчали.

– Другого такого дома нет. И построить его невозможно! Воспроизвести – да. Только это будет копия бездушная, как пластиковый муляж по сравнению с живым яблоком. Здесь – люди жили, счастья было много, детишки бегали босиком, ножками своими топотали. Понимаешь ты? Иной раз глаза закроешь – и слышишь эхо той беготни...

Он обернулся к сыщику и в самом деле зажмурился, будто прислушиваясь к звукам, не доносящимся до Сергея.

– Михалыч... – нехотя начал Бабкин и осекся.

– Ась? Давай выкладывай.

– Если мы найдем тело Бакшаевой... Ты же понимаешь, что сядешь?

– Это дело ясное, – согласился Красильщиков.

– Кому тогда дом оставишь? Ему хозяин нужен.

– Не знаю... Я бы доверил Худяковой. – Бабкин удивленно взглянул на него. – Она бы справилась, – заверил Красильщиков. – Только Нина Ивановна старенькая уже, как бы не померла раньше, чем меня выпустят. Человек нужен надежный, ответственный... Чтоб мог с людьми общаться...

– С какими людьми? – не понял Сергей.

– У которых разные старинные вещи. Думаешь, я почему их собираю?

Я ведь сам детдомовский. У меня своей истории нет. Вырастили меня приемные родители, умерли уже, упокой их Господь. Но их история принадлежит им. Она не моя. А тут вокруг разлито прошлое, можешь искупаться в нем, как в реке. Я сначала по деревням ездил, тащил сюда всякую рухлядь. Потом люди сами приносить начали – не выбрасывать же, говорят. Пойдем покажу!

Он потащил Бабкина в сарай.

– Смотри: станины от швейных машин, а вот тут – утюги... – Они шли вдоль длинных полок. – Здесь инструменты, я половину не выяснил, как называются! Не успел... А прялка! Видал прялку? Работает!

Красильщиков с детским восхищением уставился на Сергея.

– Те коврики, что в спальне, ты сам прял? – подозрительно спросил Бабкин.

Хозяин засмеялся и похлопал его по плечу.

– Пойду я! Заболтал тебя, должно быть.

– Андрей Михалыч! – вслед ему позвал Сергей. – У тебя у самого есть какие-нибудь подозрения? Насчет Бакшаевой.

– Ты меня уже спрашивал, – откликнулся Красильщиков. – Нету. Здесь хорошие люди живут.

«Хорошие-то хорошие...»

– А не видел ты под своими яблонями разрытую землю? Свежевскопанную. После того, как пожар случился. Не обращал внимания?

Красильщиков обернулся.

– Хочешь сказать, Бакшаева может быть закопана здесь? У нас под ногами?

– Так было разрыто, нет?

– Не было, – покачал головой Красильщиков. – Ты ищешь не там.

– Хозяин наш – чокнутый, – сказал Бабкин Илюшину, когда тот вернулся и они остались одни. – У него мания! Идея фикс!

Макар как-то странно покосился на него.

– Чего это ты зыркаешь?

– Серега, да ведь ты точно такой же. Красильщиков терем восстанавливает, ты преступников ловишь. Просто тебе повезло: ты раньше нашел свое призвание. А он позже, зато теперь – видишь, как нагоняет упущенное время!

– Что ты несешь?

– Тебя куда ни помести, ты будешь ловить преступников. А Красильщиков везде будет из старого делать новое. Он жизнь вдыхает в

почти умершее, а ты упорядочиваешь частицы этой жизни согласно закону, который у тебя в голове.

– Закон на бумаге писан, – буркнул Сергей.

– В голове, в голове, – сказал Макар. – У тебя уголовный кодекс преобразован в молекулу и встроен в твою ДНК. Ты генно-модифицирован под служение обществу!

– Иди в пень, – сказал Сергей. Рассуждения Илюшина ему смутно не нравились. – Себя модифицируй!

– Себя не хочу. А что тебе не нравится?

– Как-то это мерзко звучит: модифицирован...

– Что поделать, Серега: вы оба – идейные.

– А ты, значит, над схваткой?

– Я лишен скелета внутренней кристаллической решетки, ограничивающей меня в выборе действий.

– Это называется беспринципность!

– Это называется свобода!

– Недобрый ты, – помолчав, сказал Сергей. – Был веселый циник, а стал злой циник. Что с тобой происходит? На людей бросаешься... на меня вот...

Илюшин, кажется, хотел отшутиться, но передумал.

– Сам не знаю, – без улыбки сказал он. – Такое чувство, будто во мне засело какое-то мерзкое существо и я смотрю на все его глазами. Понимаю, что речка – мерзавка, облака – идиоты... Как в «Обыкновенном чуде».

– Саша из-за этого ушла?

– Наверное... Хуже всего то, что мне скучно. Раньше я скучал без работы. А сейчас ловлю себя на том, что мне скучно, даже когда у нас есть дело.

– Типун тебе на язык, – помрачнел Сергей. – Сейчас накличешь веселье, всем тошно станет.

Красильщиков позвал их ужинать, и разговор на этом закончился.

После еды Макар вышел на улицу, а Бабкин вернулся к себе. Он смотрел из окна на темнеющее небо, на желтые ялики фонарей, плывущих над занесенной дорогой, и думал о том, что здесь все-таки хорошо. Хорошо! И дышится глубже, и чувствуется острее. А ведь ноябрь! Грязно, путано, скверно, промозгло. И все равно что-то такое разлито в воздухе: то ли благодать, то ли Красильщиков чрезмерно побрызгал на себя одеколоном.

Илюшин постоял в саду, под укрытием ветвей, а затем побрел за ворота, сам толком не зная зачем. Гулять не хотелось.

Выйдя наружу, он остановился.

Вот же оно: дом стоит, свет горит, и даль видна из окна сине-голубая, ясная, с алой каймой зари. Отчего же нигде и никогда у него не возникало такого чувства обездоленности, как в русской деревне?

– Обездоленный, – вслух повторил Макар.

Он помнил, что это значит «несчастный», но для себя переводил иначе, буквально: без доли, без судьбы. Была судьба – да отобрали; вилась тропа под ногами, да вдруг натянулась ниточкой и лопнула; раскинулось вместо пути бескрайнее поле: идти хоть на все четыре стороны. Да только зачем?

Кто-то ткнул его сзади под коленки. Макар обернулся и увидел Чижика.

– Что, псина неприкаянная? – Он потрепал пса по загривку. – Тоже грустишь? Пойдем-ка в терем, покормим тебя. На сытый желудок лишь человеку тоскуется.

* * *

Александра Бурляцкая могла выйти замуж и сменить фамилию, могла уехать и раствориться бесследно в другой стране. Однако удача, повернувшаяся к Илюшину лицом в тот момент, когда он зачем-то решил помыть ноги чужой старухе, по-прежнему сопутствовала ему. Илюшин вбил в поисковик фамилию, и в ответ выпал единственный профиль на «Фейсбуке». Бурлуцких было множество, Бурляцкая всего одна.

Макар написал ей, и на следующее утро выехал из Камышовки в Москву.

– Странно, что вы меня о нем спрашиваете.

Они встретились в кафе неподалеку от ее работы; женщина с нескрываемым удивлением рассматривала человека, который интересовался ее детскими воспоминаниями. Она была высокая, нескладная, с длинной лошадиной челюстью и добрыми испуганными глазами под густой челкой, до карикатурности усугублявшей ее сходство с лошадью. Илюшин ощущал исходившую от нее тревогу. Он заподозрил, что Бурляцкой есть что скрывать, но быстро понял, что она его попросту боится.

«Правильно сделал, что не послал Бабкина».

Макар подключил все свое обаяние. Не вдаваясь в детали, он рассказал, что занимается делом об исчезновении человека в Камышовке.

Женщина слушала сперва настороженно, но понемногу любопытство брало верх. К концу его истории взгляд ее больше не прыгал в сторону входной двери.

Когда она успокоилась и начала улыбаться, вместе с испуганным выражением исчезло и сходство с лошадиной физиономией; перед Макаром оказалась милая, умная, застенчивая женщина.

– Конечно, я помню Савелия... Как вы сказали, его фамилия? Кужма! Надо же, не знала. Удивительно: столько лет жили рядом. Мы все называли его Савкой. Он никогда не обижался. Я думаю, в наше время ни один разумный родитель не отпустил бы своего ребенка с алкоголиком, и... давайте начистоту: он был странный старик. Не очень чистоплотный, любитель покривляться. У него из носа торчали седые волосы кустами. Это было довольно противно, но почему-то жутко мне нравилось.

Илюшин засмеялся. Она смущенно улыбнулась в ответ.

– Да, он любил болтать всякое... Знал множество народных сказок, малоприличных, откровенно говоря. Но в его изложении они не звучали похабщиной. Позже, во взрослом возрасте, я прочитала их и поразились тому, как деликатно он сглаживал для нас, детей, грубые места. И никогда не сквернословил. За все годы я ни разу не слышала, чтобы он выругался.

– Он вам нравился?

– Ни капли, – ответила Бурляцкая, не задумываясь. – Меня к нему тянуло, как к чему-то не совсем приличному, чего не было и не могло быть в моей городской жизни... Родители были строгими, и свободой я наслаждалась только в Камышовке. А с Савелием было весело. Он, кажется, не придавал никакого значения разнице в возрасте между собой и детьми. Но иногда... – она замялась. – Иногда он говорил ужасные вещи. В конце концов я попросила, чтобы меня больше не отправляли в деревню.

– На вас так сильно подействовали его слова, что вы отказались возвращаться в Камышовку? – уточнил Макар, внимательно глядя на нее.

– Полагаю, из-за этого вы и приехали. Я не думала, что эта история когда-нибудь станет известной.

– Про болото?

– Да. Про болото.

Камышовка

Лето 1989 года

Кужму разбудили голоса. Он с трудом приоткрыл глаза, понемногу позволяя свету вторгнуться в его благословенную пьяную темноту. Точно створки раковин, оставшихся после отлива на берегу, веки его то

раскрывались, то сжимались, и наконец Савелий сдался.

Перед глазами зарябило, заметалось пятнисто-зеленое, и он увидел над собой в вышине рифленую изнанку листьев орешника. В нем пробудились воспоминания. Вот он носится как безумный по лесу; вот, устав, падает на землю; вот переползает под укрытие длинных, будто бы для него протянутых веток, и закапывается в упругий мох.

Сколько же он проспал? Сны снились, голоса звали...

Савелий приподнялся и оторопел. Голоса были настоящие, только звали они не его.

Высшие силы, покровительствующие дуракам и пьяницам, остановили его безумный бег недалеко от того места, где жадно блестела вода. Мох под Савелием был сухой: прежде чем провалиться в сон, он с предусмотрительностью человека, много раз засыпавшего не в своей постели, основательно помял его ладонью. А немногим дальше ядовито зеленела ряска и лиловел болотный мытник, цветущий лишь в сырых местах.

В самой середине зарослей мытника стоял Григорий Возняк, широко расставив ноги и утвердившись на земле. А дальше – Кужма глазам своим не поверил! – жался к стволу осины зоотехник Семен Дьяченко.

Был он очень бледен.

Григорий Возняк целился в него из охотничьего ружья.

– ...выдумал!

– Да нет, не выдумал, – усмехнулся Григорий. – Буду тебя судить, Дьяченко, народным судом.

– Очумел? – Семен пытался сохранять спокойствие. – Какой ты мне судья! Если я чего нарушил, веди меня в милицию.

– У милиции для таких, как ты, законов не придумано.

– А у тебя придумано?

– У Бога. – Григорий кивнул в небеса. Кужма не понял, говорит он всерьез или насмехается, но от интонации охотника его бросило в дрожь.

– А ты, значит верующий, – Семен криво усмехнулся. – Крест покажь, православный!

Григорий перехватил ружье одной рукой и осенил себя крестным знаменем.

– Вот он, мой крест. – С этими словами он вновь прицелился в зоотехника и заговорил очень медленно: – Не возжелай жены ближнего своего. А кто возжелает, того отведи на болото и пальни ему в голову или в грудь. Если выживет, значит, на то была Божья воля.

– Однако Библия у тебя! – оскалил зубы Дьяченко. – Тебе, Григорий,

Господь по носу даст. За кощунство.

Кужма поразился его бесстрашию. Он сам на месте Семена давно бы отдал концы от ужаса перед охотником. А этот, вишь, хорохорится.

– Захочет дать, я и с ним потолкую, – сказал Возняк. – Повернись, Семен.

Дьяченко сглотнул. Вся его лихость исчезла бесследно.

– Слушай, Григорий, – горячо заговорил он. – Ладно, сознаюсь: виноват! Ты прав, некуда мне деваться. Согрешил!

– Пятнадцать лет грессишь.

– Да! Врать не стану! Прости, Христом Богом! Григорий Матвеевич, от души тебе говорю: ну прости меня, прости!

С каждым словом Семена встряхивало, словно кто-то толкал его в спину; он плечом ударялся об дерево и потирал его рукой, болезненно морщась и не переставая жалобно улыбаться. «Его убьют, того гляди, а он свое тело жалеет», – изумился Савелий.

– Я тебе вот что... так тебе скажу, не знаю, поймешь ты меня или нет... – Дьяченко вдруг выпрямился, стукнул кулаком себя в грудь. – Люблю я ее! Люблю! Больше отца, больше матери! Клянусь тебе!

– Лю-убишь? – удивленно протянул охотник.

– Люблю! Жизни не было без нее!

– И не будет.

Дьяченко сжал кулаки.

– Ну что мне, на колени перед тобой встать? – выкрикнул он. – В грязи валяться? Чтоб ты смотрел, радовался? Будешь радоваться, а, Гришка? Будешь! По лицу твоему вижу! Что ж ты за человек-то такой... – в глазах его вдруг мелькнула дикая надежда. – А-а, понял я! Шутишь ты, Гриша. Пошутил. Ха-ха-ха! Смешно, ей-богу! А еще говорят, ты человек серьезный... Веселый ты человек, Григорий Матвеевич! Я сам первый посмеюсь! Ха-ха-ха!

Кужма сжался в кустах.

– Поворотись, – без выражения сказал Григорий.

Дьяченко снова вцепился в осину.

– Не имеешь права со мной так поступать! Тебя за убийство судить будут!

– Пущай судят.

– А-а, все равно тебе, значит? Врешь! Если бы не боялся суда, не пошел бы за мной в лес, убил бы у всех на глазах! Струсил, а? Скажи! – Угол его рта задергался. – А почему Анну сюда не привел? Или я один грешил? Она тоже виновата перед тобой, как и я! Суди нас вместе, раз

такое дело!

«Э, паря! Слабоват ты все же», – мысленно сказал ему Кужма.

– Еще раз по имени ее назовешь, выстрелю. – В голосе охотника впервые промелькнуло что-то похожее на ненависть.

– Не стреляй! – Дьяченко обмяк. – Гриша, ну что ты, ей-богу... Разве мы не люди? Ты человек, я человек... Не волки ведь, чтобы из-за бабы грызться! Ну хочешь, поклянусь, что не подойду к ней больше! Уеду сегодня, пешком уйду! Никогда больше Ан... – он вздрогнул, заметив короткое движение Возняка, – ее не увижу! Слушай, слушай! Гриша! Зачем тебе это? Ей-богу, разойдемся по-хорошему! Григорий Матвеевич, видишь, каюсь перед тобой!

С этими словами Дьяченко медленно опустился на колени, перебирая руками, как по канату, по шершавому стволу. Так и застыл, вцепившись в дерево и содрогаясь от безмолвного плача.

Возняк, казалось, с любопытством разглядывал свою жертву.

– Значит, уйдешь? – сказал он после долгого молчания.

Семен поднял голову.

– Уйду! – дико выкрикнул он. – Прямо отсюда уйду, хочешь? Ничего не возьму, ни денег, ничего... Матерью клянусь...

– Погодь клясться. Вот что скажи... – Охотник задумался на целую минуту. Дьяченко, не отрываясь, с безумной надеждой смотрел на него. – Ты не виноват, верно? Она тебе голову задурила. Знаю, она может... А ты – что ж... ну, поддался. Мне не тебя, а ее надо... Чего ж я к тебе... Зря, выходит. А, Семен?

В повисшей тишине свистнула и затихла, будто устыдившись, лесная птица.

Дьяченко стоял на коленях, глядя перед собой. Руки повисли плетьюми. Он оцепенел и, казалось, лишился жизни. «Ну! Давай! – мысленно застонал Кужма. – Чего молчишь, дурень? Возняк тебя век ждать не станет. Отвечай ему!»

Семен точно услышал. Когда он поднял голову, взгляд у него совершенно переменялся.

– Да нет, Григорий... – почти спокойно сказал он. – Не так все было. Я ее увидел и ума лишился. Прохода ей не давал, меня к ней как магнитом тянуло. Рассудил так: надо ее поманить тем, чего у нее нету. Ты чурбан каменный, а я нежности ей всякие говорил. От тебя тумака скорее дождешься, чем ласки, а я... – Дьяченко замолчал. Наконец уперся ладонями в грязь и, кряхтя, поднялся на ноги. – Вот так вот, Григорий. Вот такая у нас была жизнь. Жена твоя ни при чем: как я ее обхаживал, ни одна

бы не устояла.

«Пожалуй что и не слабоват», – решил Кужма.

Григорий постоял в задумчивости. Ружье опустил, но, подумав, вскинул снова. Дьяченко взгляда не отвел.

– Пощады не просишь больше, а? – усмехнулся Григорий.

– Да уж напросился, – в тон ему ответил Семен. – Хватит и с тебя, и с меня.

– Тогда вот как поступим. Судьбу твою пусть Бог решает, не я. Осины видишь? Чего на меня смотришь! Ты за спину себе глянь.

Дьяченко осторожно обернулся. В глубь болота строем уходили тонкие кривые серые стволы.

– Между ними тропа, – продолжал Возняк. – Она хитрая: то есть, то нету. По ней болото можно насквозь пройти. Только надо знать, куда ступать. Я в тебя стрелять не буду, но и сюда выбраться не дам. Иди через осины. Если выведет тебя Бог, значит, такая его воля. Ну! Пойдешь? Если нет, уж извини.

Он качнул ружьем.

– Пойду, – не задумываясь, согласился Дьяченко. – Не стреляй.

– Иди тогда.

Не опуская ружья, Григорий следил, как Семен разворачивается на тропе и осторожно пробует кочку под ногой.

Кужма затаил дыхание. Шаг, другой, третий... Дьяченко присел на корточки и дотянулся до прута, торчащего из воды. Тогда Семен встал, огляделся в поисках подходящих веток. До осины, к которой жались росшие из одного корня три молодых деревца, оставалось не меньше двадцати шагов. Болото молчало и ждало Семена. Болото подергивало, подрагивало рясочной шкурой, словно тихо ярившийся зверь.

Дьяченко перекрестился и шагнул на ближнюю кочку. Громкий выдох облегчения донесся до Кужмы. Григорий молчал. Семен попробовал следующую, чуть не соскользнул, но удержался. Старик видел, как он мелко крестится – от страха слева направо, а не как положено. Оставалась еще одна кочка, а через пару шагов от нее зеленую ряску уже неоспоримо разделяла надвое широкая полоса травы. Сквозь нее, как лысина через редкий волос, просвечивала спасительная земля, укрытая листвой.

До третьей кочки длины шага не хватало. Семен напрягся, присел, оттолкнулся – и сиганул так, что Кужма испугался: перелетит! Дьяченко приземлился точно на бугорок, но потерял равновесие, вскрикнул и опрокинулся в воду. Зелень разошлась, и Семена обступила вода. Он ухватился за жесткие стебли, подтянулся, но кочка ходила под ним

ходуном, точно буй, не выдерживающий веса пловца. Семен, рыча и дергаясь, все-таки исхитрился взвалиться на нее брюхом и затих. Ноги его в зеленых рясовых штанах торчали над водой как две коряги.

Он долго лежал, приходя в себя. Когда Савелий перестал слышать тяжелое хриплое дыхание, Дьяченко встал сначала на колени, потом очень осторожно, как больной, ожидающий в любую секунду укола боли, выпрямился в полный рост. Болото покачивалось, обеспокоенное недавним вторжением.

Григорий молчал.

Обернувшись назад, Семен изумленно ахнул, словно не веря, что ему удался такой прыжок. До земли оставалось всего ничего. Он отер мокрой рукой полосу грязи с лица и уверенно шагнул на тропу.

А затем случилось странное. Трава плавно разошлась. Вместе с ней растянулись в стороны листья, точно наклеенные на черную глянцевую парниковую пленку, и тропа обернулась тем, чем и была с самого начала: обманкой, прихотью болота. Глянцевая пленка обняла ноги Семена до колен и неторопливо потянула вниз. Тот забился, как птица, попавшая в силки. Не за что было ухватиться, не на что опереться. Чем больше он вырывался, тем выше поднималась грязь. Кужма вдруг понял, что это сам Дьяченко проваливается в болото. Семен тоже осознал, что только ухудшает свое положение, и замер. Выкаченные глаза в панике шарили вокруг, ища спасения.

– Гриша, – прошептал Дьяченко. Голос скользил и таял среди осин.

Григорий не пошевелился.

– Гриша, спаси...

Охотник переступил с ноги на ногу.

– Христа ради! Гриша...

Семен вдруг разом просел еще на ладонь. Трясина засасывала его. Теперь над густой глянцевой чернотой оставалась только голова с дико вытаращенными глазами. Подул ветер, и на лоб Семену упал зеленый лист.

– Гриша! Спаси! – захрипел он отчаянно, зачем-то пытаясь сдуть этот лист, как челку, и терпя поражение даже в этой ничтожной борьбе. – Христа ради! Помоги! Умираю, Гриша!

Словно в ответ на его слова трясина поднатужилась и всосала его в свое чрево почти целиком. Оцепеневший Кужма видел, как исчез рот, нос Семена, и наконец глаза его, полные безмолвного ужаса, исчезли тоже. Послышался негромкий всхлип, и Семен пропал совсем. На поверхности остался зеленый осиновый лист.

Григорий постоял, развернулся и пошел, грузно ступая, через лес в

сторону деревни.

Добравшись до Камышовки, Савелий укрылся в заброшенной бане и трое суток просидел, стуча зубами, в сырой прохладной тишине, выходя лишь затем, чтобы прокрасться в ночи за водой к колодцу. Спал он мало. В первую ночь во сне к нему пришел Григорий: вырос в дверях и молча стоял, занимая весь дверной проем, пока прямоугольник света не зарос Григорием целиком. Савелий закричал и проснулся.

Кужма был уверен, что хуже этого кошмара ничего присниться уже не может. Дождавшись, пока хозяйка соседнего дома выскочит в магазин, он забрался в кухню и украл пачку соли. Широкая белая полоса, насыпанная по периметру баньки, успокоила старика. Он вывел на ней пальцем имя охотника и заснул.

Григорий не появился. Вместо него к Савелию постучался мертвый зоотехник. Не впустить его Кужма не мог: при жизни он сам побывал однажды у зоотехника в гостях и даже выпивал с ним. Дьяченко вплыл в баню, не перебирая ногами. Был он какой-то зыбкий, просвечивающий и то утверждался на лавке прежним Семеном, то оборачивался бледной мутью, из которой доносились чьи-то шаги по траве и почему-то детский плач. В такие моменты Кужма старался на него не смотреть. «Что же ты никому не рассказал обо мне? – грустно спросил Дьяченко. – Савка! У меня теперь голоса нет. Голос пропал, слышь?» В доказательство своих слов зоотехник широко открыл рот, и оттуда сами собой полились бульканье, плеск и жабье кваканье. «А у тебя есть голос? – забеспокоился Семен. – Ты живой ли, Савка?» Живой я, живой, хотел выкрикнуть Кужма. Разинул рот, но из горла бойко высунулась кукушка на проволочке и прокуковала два раза. «Э, да ты тоже мертвец», – разочарованно вздохнул Дьяченко и исчез.

Проснувшись, Савелий истово перекрестился. Сон дрянной, сон ночной, перевались за спину и кинься клином в землю, да там и сгинь! Сплюнув три раза через левое плечо, он поднялся со скамьи, шагнул к двери, и в глаза ему бросился лист осины, зеленевший у порога. Кужма даже не пискнул: закатил глаза и свалился на пол.

Когда пришел в себя, стало ясно: нужно что-то делать.

Рассказать о том, чему стал свидетелем, он не мог. Схватят его всем миром и сдадут охотнику. Зачем людям глупый Савелий? А Григорий – человек уважаемый. Против него голос поднимать – как земляному червю переть в битву с трактором.

Зоотехника уже искали. Было известно, что он собирался за груздями. «Заблудился!» Еще свеж был в коллективной памяти случай, как рыбак

Тулов на озере провалился ногой в щель между жердинами мостков и сломал лодыжку. Ни ногу вытащить, ни на берег уползти. Несчастный Тулов, зверея, двое суток сидел на мостках, зачерпывая ладонью озерную воду, пока его, распухшего от комариных укусов и охрипшего от воплей, не нашли пацаны.

Отрядили людей прочесывать лес. Но тут стало известно, что Дьяченко собирался к болоту за груздями. Обошли и болото, но все громче раздавались голоса, что если бывший городской человек Семен Дьяченко отважился пойти в это гиблое место без спутников, то шансов, пожалуй, что и нет.

Постепенно утвердились в мысли, что бедолага утонул. Поговорили еще немного о зоотехнике – и перестали. Человек он был тихий, милый, но какой-то незапоминающийся. Есть он рядом – хорошо, а вышел из комнаты – и хуже не стало.

Помнили только про болото.

Кужма терзался. Он боялся пить и боялся спать, помня о визите покойника. «Что же ты никому не рассказал обо мне?»

Деревенские дети липли к нему по-прежнему. И однажды Савелий понял, как быть.

Выбрал он пятерых, рассудив, что пятеро – хорошее число, Семену не к чему будет придраться. Выискивал умненьких, стеснительных, таких, которые снаружи улыбочивые, а внутри у них постоянно дождик со слякотью. И конечно, чтобы перед старшими трепетали.

Пришлось постараться, чтобы остаться наедине с каждым хотя бы по четверти часа. То один пацаненок рядом трется, то другой, а то вообще все вместе набегут и давай зазывать в лапту. Но в конце концов все удалось. Где схитрил, где удачно подгадал под обстоятельства.

Первый раз дался ему тяжело. Кужма рассказывал, а перед глазами вставало побелевшее лицо Семена. Девочка сначала слушала с улыбкой, потом стала на Кужму тревожно поглядывать, а в конце замерла как суслик, сидит, не шевелится. «Да пошутил я! Ты испугалась что ли? – засмеялся старик. – Ну, беги, играй; вот не думал, что ты такая трусиха».

Удивительно, но с каждым разом история об убийстве, которому он стал свидетелем, давалась Кужме все легче и легче. К четвертому Савелий сам себе не поверил, до того свободно потекли слова. И зоотехник больше не мерещился. Событие и рассказ о нем вели себя, как сообщающиеся сосуды: когда в одном прибывало, в другом уменьшалось. Чем более яркими подробностями насыщал свою историю Кужма, тем больше забывалось болото.

Дети, правда, боялись. Сидели бледненькие, потрясенные, смотрели на Савелия перепуганными глазами, напоминая ему о зоотехнике. Тоже тонули в болоте. Только это болото Кужма им выдумал. Зато сам он стал засыпать спокойно: выполнил свой долг перед Семеном. А дети... Ну что дети! Не одного испугаются, так другого. Подрожат – и перестанут. Лишь бы бабкам-дедам не рассказали, но для этого Кужма и отбирал их старательно. Такие к взрослым жаловаться не побегут, будут в себе носить.

«А самое главное – знаешь что? – заканчивал свой рассказ старик. – Тропы-то там и не было никакой! Григорий его на верную смерть погнал. Нету тропы, и никогда не было».

Ошибся он лишь в одном. Слухи все-таки поднялись. Один поделился с другим, второй пересказал третьему – и вскоре по деревне поползли шепотки, что Семена Дьяченко утопил Возняк.

Однако дальше слухов не пошло. Доказательств не было, а ссориться с Возняком никому не хотелось. Быть может, рано или поздно кто-нибудь захотел бы доискаться правды, но тут случилось событие, отменившее всякий интерес к Григорию, кроме сочувственного. Сгорел дом Бакшаевых, а вместе с ним – его младший сын.

* * *

– Не знаю, почему старик выбрал именно меня поверенной своих тайн, – сказала Бурляцкая. – Впрочем, не меня одну, еще человек пять. Мы чувствовали себя как прокаженные. Даже стали избегать друг друга.

– Вы поверили Кужме?

– Сразу же! Понимаете, то, как он рассказывал... все эти подробности... и кто где стоял и куда смотрел... такое не выдумаешь. Видно было, что он не сочиняет, а сам боится. На всех нас это подействовало ужасно. Одна девчушка, увидев на улице Григория, обмочилась. Мелкая совсем, лет десяти... Над ней почему-то даже не смеялись, хотя обычно дети жестоки по отношению к слабым. Представляете, какую панику на нас наводил охотник? Правда, еще сильнее я боялась его старшего сына.

– Петра?

– Да. Он был большой. Не такой огромный, как его отец, но очень крупный парень. При этом в его фигуре было что-то неуловимо бабское. Толстозадость какая-то... И плечи покатые. Большой и вялый – вот какой. И голос! Голос не соответствовал телосложению. Не то чтобы писклявый,

но у старшего Возняка голосина низкий, хриплый... а у этого – несерьезный какой-то. Как будто силы для голоса слишком мало в теле.

– Как вы хорошо его запомнили.

– Я уже сказала вам, что боялась его больше, чем отца? Не знаю отчего. И многие боялись, он не на меня одну производил тягостное впечатление. Помню, как он волочился за старшей дочерью Бакшаевых. Мы каждый день за ужином наблюдали в окно одну и ту же картину: по дороге идет красивая девушка, притворяясь, будто ничего не замечает, а в десяти шагах за ней тащится Петр. Идет и глаз с нее не сводит, как бык на веревочке. Взрослые смеялись, мне было не по себе. Я не понимала, почему девушка его не боится. Если бы за мной ходило такое прокисшее чудовище, я бы бежала из деревни, теряя тапочки.

На диктофоне предупреждающе замигал алым индикатор зарядки.

– Почему вы не рассказали взрослым о Кужме? – спросил Макар.

Бурляцкая печально улыбнулась.

– Мои бабушка и дедушка были с Возняком в хороших отношениях. Я представила, как меня начнут расспрашивать, станут говорить, что я все вру, и стыдить за то, что я смею повторять бред старого алкаша... Будут упрекать, требовать, чтобы я созналась во лжи... Может быть, даже устроят очную ставку с охотником! Нет уж! Я уже проходила такое с моими родственниками. Мне бы никто не поверил. Но жить рядом с Возняком и представлять, как он загоняет меня в болото, догадавшись, что я все знаю... В общем, я не смогла. Мать разрешила мне не ездить в Камышовку, и со временем я все забыла. Заставила себя так думать.

Она помолчала, глядя в чашку.

– Макар, я могу спросить?

– Конечно.

– Григорий еще жив? Или нашли того несчастного зоотехника?

– Григорий жив и здоров, по-прежнему пользуется в деревне большим уважением. Семена Дьяченко так и не отыскали. Мы предполагаем, что Возняк замешан в убийстве еще одного человека.

Женщина сникла.

– Это моя вина. Я должна была предусмотреть... рассказать...

– Безусловно, – согласился Макар. – Это ведь не взрослый свидетель преступления должен был сообщить о нем в милицию, а одиннадцатилетний ребенок. Именно так! И охотник, возможно, прикончил еще одного человека не потому, что он убийца, а потому что вы двадцать семь лет назад не засадили его в тюрьму. Это исключительно ваша заслуга. Честно говоря, не понимаю, как вас земля носит.

Несколько секунд она изумленно смотрела на него и вдруг облегченно улыбнулась.

– Знаете, а ведь мои камышовские бабушка с дедушкой так бы и заявили. Серьезно! Клянусь!

– Отчего-то я не удивлен, – сказал Макар. – Именно те люди, которым ребенок не может рассказать правду из страха, что его опозорят, громче всех будут стыдить его за молчание.

* * *

Рано утром Григорий дошел до бани и забрал пустой термос, прислоненный к колоде. Следов не было: за ночь все занесло. Он принюхался, но учуял только дым от печных труб и особый запах первого снега, который исчезнет на глазах, не успеет закончиться день.

Этот снег пах иначе, чем тот, что застилал землю основательно. Григорий синоптикам не доверял, полагался на свой нос, и в деревне знали: как охотник скажет, так и будет. Скажет «растает» – не лежать белой крупе.

Дома тщательно вымыл термос, вытер насухо. Вечером пригодится.

Пока мыл, в голове крутилось разное. В основном – про сына.

Петра в деревне никто не любил. Даже родная мать его сторонилась, брезговала. То ли дело Ленька; при одном взгляде на него Анна разве что светиться не начинала. Целое солнце включалось внутри, и глаза сияли так, что Григорий забывал дышать. На него она так никогда не смотрела.

Молиться охотник не умел. Но двадцать пять лет спустя из глубины его души иногда поднималась немая благодарность, обращенная неизвестно к кому, за то, что жена умерла на год раньше младшего сына. У нее бы сердце разорвалось от горя, а такой участи для Анны он никогда не хотел.

А вот умри старший, жена, пожалуй, и слезинки бы не проронила.

Самое обидное заключалось в том, что Возняк ее понимал.

Петька с детства рос... не таким. Лицом пошел в отца: оно мало что выражало. Но Григорий хоть улыбался иногда. Петр улыбаться не умел, а когда ему было смешно, принимался тоненько хихикать. Однажды Григорий взялся обучить его улыбке. Поначалу ничего не выходило: Петька то левый угол губы тянул вбок, то правый, и перекошенная его морда выглядела жутковато. А когда добились, чтобы углы поднимались вместе, и Григорий поздравил себя с успехом, в комнату вошла Анна. Глянула на сына и выронила кастрюлю с кашей.

«Не улыбается – и бог с ним», – решил Возняк.

Иногда ему казалось, что старший сын – не из людского роду-племени, а деревянный чурбачок, в который недобрая колдовская сила вдохнула жизнь. Однако даже ее могущества не хватило на то, чтобы полено сделать человеком.

Как-то раз Петр попросил у отца разрешения утопить новорожденных котят. Два раза в год их приносила тощая серая кошка-мышеловка, сама похожая на мышь. Григорий, не думая, махнул рукой: топи. Мальчишка собрал копошащихся под кошкиным брюхом червячков и побежал к двери. Охотник мельком глянул на него: глаза сына блестели, придавая пацану сходство с маленьким подвыпившим мужичком. Этот блеск навел Григория на подозрения.

Он последовал за сыном. Выйдя из дома, Петька, вместо того, чтобы бежать к пруду, свернул за сарай.

Когда отец внезапно вырос перед ним, сидящий на корточках мальчик вздрогнул и выронил пищащего котенка.

Григорий слышал, что дети иногда мучают животных, хотя сам никогда не испытывал таких побуждений. Зверь – тварь бездушная, терзать его – как забивать в деревяшку гвозди без прока и смысла. И выражение на лице сына очень не понравилось Возняку.

«Ты это зачем?» – грозно спросил он.

Петька бессмысленно заулыбался.

«Чего их жалеть», – в конце концов пробормотал он.

Возняк помолчал, кусая губы.

«В дом иди», – решил он.

«А эти?»

«Сам утоплю».

Вместо того чтобы избавиться от котят сразу, Возняк схулиганил. Побросал отчаянно пищащих червячков в пакет, дошел, насвистывая, до избы Худяковых, огляделся, привстал на цыпочки и, убедившись, что никто не видит, быстро подвесил шевелящийся груз на щеколду изнутри калитки. Представил, какое лицо делается у Нинки, когда она поймет, что ей предстоит топить чужой приплод, и заулыбался. Уж если не свинью подложить заклятому врагу, так хоть котят.

Однако в итоге вышло не совсем так, как ожидалось. Сказать по правде, совсем не так. Худякова, наткнувшись на пакет, обошла соседей и отыскала кормящую кошку.

Следующие полтора месяца, на потеху всей деревне, она растила чужую мелюзгу. «Нин, ферму завела?» – смеялись над ней. Худякова

беззлобно отругивалась.

Тем временем жалкие червячки преобразились в умильных малышей, ни капли не похожих на тощую мать. Были они пушисты и полосаты, морды имели смышленные, повадки бойкие. В один прекрасный день Нина собрала их в корзину и погрузилась вместе со своим пищащим и мяукающим грузом в рейсовый автобус. Вернулась она лишь на следующий день.

Вскоре вся деревня судачила: Худякова *продала* своих питомцев и выручила за них бешеные деньги.

Услышав об этом, Григорий недоверчиво засмеялся. Он читал, что бывают породистые коты, которых и впрямь можно сбавить задорого. Но дворовых полосатых, которых в любом дворе за три рубля пучок?

Оказалось, молва не соврала. Ушлая Нинка доехала до Владимира, встала неподалеку от вокзала, воткнула в землю табличку «Кот ценной породы “камышовская мышеловка”» и стала брать за живой товар деньги. Выбирала покупателей придирчиво, отдавала не каждому. Вернулась домой с выручкой и славой.

Возняк заскрипел зубами. До чего подлая баба! Из всего извлечет выгоду!

Его план огорчить Нинку перспективой утопления котят извратился до неузнаваемости.

Оказалось, что это еще не все. Одного котенка Худякова привезла обратно. «Этого не забрали?» – хмыкнула соседка. «Этого не отдала», – коротко сказала Нина Ивановна.

Назвала зверя Маней, даром что кот. Маня вырос в забияку, виновника драных ушей и располосованных морд у всех окрестных котов. Был нагл, умен, хитер и бесстрашен. Хозяйке оказался предан как собака. Возняк морщился, видя, как Нинка вышагивает в магазин, а за ней на небольшом отдалении следует громадный полосатый котище с рожей закоренелого каторжника. «Охраняет!» – шутили вокруг.

Некоторое время Григорий всерьез вынашивал мысль отравить зверя. Кот символизировал собой его поражение в борьбе с несносной бабой. Однако и здесь Возняк потерпел оглушительную неудачу. Мало того, что Маня шипел на него, как на черта, и не давался в руки, так еще и сманил кошку-мышеловку. Теперь она при каждом удобном случае удирала к Худяковой и крутилась у нее. Нинка, дрянь такая, кошку привечала, а на возмущение Григория расхохоталась ему в лицо. Что-то было в ее смехе такое, что заставило охотника заподозрить: бессовестная баба знала, кто подвесил пакет на ее калитку! Потому и затеяла авантюру с продажей!

Тьфу, пакость.

Пришлось уйти ни с чем.

Когда Петру исполнилось четырнадцать, выпало солнечное лето; жара стояла такая, что даже Григорий, не любивший воду, ходил с пацанами на дальнее озеро, которое охлаждали подземные ключи. Однажды он сидел под соснами вместе с Петром. Ленька купался с малышкой у самого берега. Брызгались, визжали... Григорий зажмурился: не любил шума. А когда поднял веки, увидел: в десяти шагах от них ползает годовалый карапуз.

Охотник поймал взгляд сына, устремленный на ребенка. Странный взгляд, расслабленный. И с лицом творится что-то неладное: черты оплывают, словно воск на свече.

У Григория упало сердце. Перед глазами возникли задушенные котята.

Он толкнул сына в плечо, выругал страшно и рявкнул, чтобы тот убирался к чертям собачьим. Петра как ветром сдуло.

Возняк перевел дух. Чего это он выверился на сына? Вон, даже малявка в траве заревел от страха, что чужой дядька рычит. Охотник прижал руку к колотящемуся сердцу. «Иди, иди отсюда, от греха подальше», – посоветовал ребенку, не понимая толком, что говорит.

В себя он пришел только к вечеру.

Другие подростки Петра избегали. Пацанятам подражаться – первое дело. Сын дрался молча, страшно, пытаясь выдавить глаза или придушить. Пару раз всем миром оттащили его от поверженного противника и перестали связываться совсем. Ну его к лешему, придурка.

Григорий уже отчетливо видел, что Петр не любит мать, как и она его. Младшего брата он просто не замечал. Была у него привычка: выбрать какой-нибудь объект и тарашиться на него часами, будь то двуручная пила или бродящий по двору петух. Что уж он там видел – бог весть, но только Григорий подозревал, что не петуха и не пилу. Хотел бы он знать наверняка? Нет, не хотел бы. К тому времени он понял, что знание, с которым ты ничего не можешь поделать, – лишнее. Вредное.

Однажды Григорий захворал. Где подцепил заразу? Бог весть. Но только к вечеру кости ломило, лоб пылал, тело тряслось в ознобе, и Возняк разваливался на куски, каждому из которых было погано. Он рыкнул на жену, совавшую какие-то лекарства, и залез на печь, – отлежаться.

Его оставили одного.

Очнулся Возняк от того, что кто-то бубнил у него над ухом. Открыв глаза, он увидел старшего сына. Петр сидел рядом, сложив ноги по-турецки, и водил пальцем по странице книги, раскрытой на предисловии.

Охотник разобрал название: «Новые системы земледелия».

С трудом, продираясь сквозь незнакомые слова, Петр читал ему, мучительно, почти по складам, и было совершенно ясно, что чтение дается ему ценой немислимых усилий.

Григорий обомлел.

– Петь, – позвал он шепотом. – Ты чего?

– А? – встрепенулся тот. – Да вот. Читаю тебе.

– Зачем?

– Ты ж болеешь...

Петр положил большую влажную ладонь на лоб отца, сокрушенно поцокал языком.

– Жар у тебя, бать. Я чаю принес. Мать заварила. На, попей.

– А читаешь-то зачем?

– Чтобы это. Надо! Болеешь ведь!

Откуда взялась у Петра убежденность, что больным обязательно нужно читать вслух? В доме Возняка никто этому не следовал, у них и книг-то не было, кроме учебников да вот этой, невесть как затесавшейся. Где-то парень услышал об этом или подсмотрел. И вот сидел рядом с отцом, ссутулившись – грузный, нескладный, с туповатым плоским лицом, и, шевеля губами, преодолевал одну строчку за другой.

– Ты лежи, лежи, – сказал Петр, заметив взгляд отца. – Я с тобой посижу.

Григорий смотрел на него и пытался проглотить ком в горле. Бедный дурачок! Никого у него нет, кроме отца. И у Григория никого нет, кроме него. «Мальчик, несчастный мой мальчик...»

– Нравится тебе книжка, бать?

Охотник ласково погладил сына по руке:

– Спасибо, Петька. Уже легче, ей-богу.

– К завтраму тебя на ноги поставим! – Петр взглянул на него, улыбнулся, и Возняк не поверил своим глазам.

«Научился! Сам научился!»

Анна умерла год спустя после смерти Дьяченко, день в день. Болела недолго, и в один вечер просто закрыла глаза и не проснулась.

Григорий выгнал всех, в том числе и трясущегося, икающего от рыданий Леньку, запер дверь и просидел возле тела жены всю ночь, не прикасаясь к ней. Иногда он слышал, как негромко воют волки, выбравшиеся к самой околице, и отстраненно, краем сознания замечал, что со зверьми этой ночью творится что-то не то.

Лишь под утро понял, что выл он сам.

Три месяца не проживал, а перемалывал каждый день, с усилием, словно беззубый жесткую корку. Однажды вышел на улицу, первый раз за все время учуял запах коровьего навоза и понял, что выздоравливает.

Петр жил, словно ничего не случилось. А вот Леонид исстрадался по матери. Долго плакал по ночам, стал молчалив и угрюм. Но в конце концов природа взяла свое. К началу весны он, казалось, почти оклемался.

Все эти месяцы Григорий избегал смотреть на него прямо. Глядел только искоса или быстро скользил взглядом и сразу отворачивался. Еще через зеркало получалось. Но столько зеркал не напасешься.

Однажды в апреле Ленька с Петром столкнулись в дверях: первый выбежал, второй входил.

– Чего смотришь, бать? – спросил Петька.

Возняк спохватился, что не отрывает взгляда от худой фигурки, несущейся по дороге.

– Да так... беспокоюсь.

– За Леньку, что ли? У него жизнь медовая. То поет, то смеется.

– Слабый он у нас, – со значением сказал Григорий. – Не дай бог что... Пойдет на реку – утонет. В лесу, того гляди, заблудится. А то с лестницы кувыркнется и шею свернет.

Петр сонно смотрел сквозь него. Григорий внезапно почувствовал, как в душе поднимается со дна черная муть.

– А ну иди! – со злобой прикрикнул он на сына. – Проваливай! – И вытолкал его взащей. – Стоит тут... ушами хлопает... Рожа!

Месяц спустя случился пожар.

Григорий отставил в сторону термос, вытертый насухо уже в четвертый раз. До сих пор страшно, как вспомнится, до чего сильно горело у Бакшаевых. Если бы не гроза, могло бы спалить всю деревню. Он слышал о таких случаях. Огонь – лиса жадная, пока всех кур не передушит, не уймется.

Петька вот любил огонь. Печь разжигал мастерски уже в семь лет, костер мог сложить в лесу, и любая отсыревшая древесина у него принималась гореть, как сухая хвоя. В лесу старший сын был как рыба в воде. Возняк им гордился. Одно время Петьку привечали егеря. Брали с собой на починку галечников, и мешки с кормом он разносил самостоятельно. Возняк надеялся, что профессия для сына определена, и понимал, что это лучший вариант из возможных. Но после несчастья у Бакшаевых Петр уехал в город – навсегда.

Охотник снова потянулся за полотенцем и вдруг застыл. Он сообразил, что упустил из виду. А ведь лежало прямо на глазах!

Глава 5

* * *

– Итак, – сказал Макар, усевшись на подоконнике, – что у нас есть? В восемьдесят девятом году Григорий Возняк утопил в болоте зоотехника Семена Дьяченко, который был любовником его жены.

– Предположительно, – сказал Сергей.

– Что?

– Предположительно утопил. Это показания свидетелей, не подтвержденные судом. А точнее, рассказ свидетелей, слышавших рассказ других свидетелей. В глубоком детстве. Больше четверти века назад.

– Не занудствуй!

Илюшин прыгнул на пол и прошел из угла в угол, словно двигался к какой-то цели. В углу он развернулся и в том же напряжении устремился обратно.

– Не мельтеши, – недовольно потребовал Бабкин.

Это была часть ритуала. Илюшин обязан ходить по комнате, Сергей – требовать, чтобы он сел на место; и все это вместе – слагаемые успеха, помимо собственно расследования; синоним тоекратного поплеывания через плечо или скрещенных за спиной пальцев.

– Нынешние деревенские даже не помнят, что был такой зоотехник Дьяченко и погиб в болоте. Нина Ивановна вообще ничего не смогла мне рассказать о том случае, послала к Яковлевой.

– Кстати! Все хотел тебя спросить, как ты ее разговорил. К покойному мужу она тебя отправляла?

– Отправляла, – кивнул Макар. – Я пришел к нему, он мне все и выложил.

Бабкин замолчал и стал смотреть на Илюшина уважительно.

– Вопрос тут вот в чем, – говорил тот. – Знала ли Вера Бакшаева о происшествии на болоте?

– Могла знать. А что это меняет?

– Допустим, шантажировала Возняка...

Бабкин засмеялся.

– Красильщикова с его собственным признанием в убийстве отфутболили в полиции, поскольку трупа нет в наличии. А ты хочешь,

чтобы там поверили пьющей бабе, рассказывающей сказки вековой давности? Слово против слова, а кости Дьяченко никому никогда не найти.

– А репутационные потери? – не сдавался Илюшин.

– Макар, ты меня удивляешь, ей-богу. Мы же видели этого чурбана! Думаешь, для него быть замешанным в убийстве – удар по репутации? Ха-ха-ха! Да он бы сам всем рассказал, если бы Кужма не разболтал. Кстати, отчего именно детям?

– Пес его знает. Должно быть, просто потому, что проводил с ними много времени, и никто другой алкаша слушать бы не стал. Но ты прав, Серега, прав... Возняку должно быть глубоко начхать на то, что кто-то начнет делиться подробностями.

– Пытаешься подтащить охотника под исчезновение Веры Бакшаевой?

– Нутром чую, что он здесь замешан.

– Нутро к делу не пришьешь, как говорил один мой знакомый следователь. А в тебе говорит мотив личной антипатии.

Бабкин поднялся и налил себе чаю.

Снаружи доносился размеренный стук: Красильщиков с самого утра занимался каким-то делом, Сергей даже не полез спрашивать, убоявшись лекции на полчаса. Накануне поздно ночью уехал маленький бородатый печник. «Починили?» – спросил Бабкин, ужинавший на кухне. «Починили!» – подтвердил Красильщиков. И принялся рассказывать, что не так было с дымоходом. Сергей потом засек: тридцать две минуты объяснял, вдохновенно, что твой экскурсовод в Третьяковке.

– В общем, выяснили то, что и так подозревали: Возняк – убийца, – подытожил Макар. – И узнали, откуда пошла легенда про болото. Все это очень увлекательно, но не продвинуло нас ни на шаг. Что у тебя, Серега?

Бабкин выложил на стол таблицу, над которой корпел до самого вечера, предварительно обойдя всю Камышовку и вытряхнув душу из самого захудалого деревенского босяка. Сопоставив все показания, он вывел, что пожар начался около половины первого ночи, плюс-минус десять минут. К половине второго, а не к двум, как утверждала Бакшаева, все потушили, и еще около сорока минут ушло на толкотню и неизбежные разговоры: кто виноват, что делать и отчего продавщица Кунаева пропускает уже второй четверг, не открывая магазина, хотя всем известно, что вторник, четверг и суббота – магазинные дни. Около трех ночи Надежда с Возняком пришли к терему Красильщикова и сбежали, испуганные собакой, внезапно остервеневшей при их появлении.

– Разложить поминутно, кто где был и что делал, оказалось трудновато, – сказал Сергей, преуменьшив свои заслуги в десять раз.

Определение «трудновато» не отражало тех сложностей, с которыми ему пришлось столкнуться при попытке заставить свидетелей вспомнить, во сколько они выбежали из дома, кого застали на пожаре и в котором часу вернулись обратно. У троих из опрошенных часов не имелось вовсе; последний из них, беззубый старик, источавший запах сивухи с такой силой, словно самогонный аппарат непрерывно работал у него внутри, самодовольно сообщил Бабкину, что утопил их в ведре. «Тикали, падлы, – сказал он. – Отвлекали от дум». – «Пьяный был?» – с пониманием спросил Бабкин. «Не без этого», – с достоинством согласился старик.

– Держи. – Он придвинул Макару два листа с таблицей.

– Здесь каждый житель Камышовки?

– Все до единого.

– Круто! Серега, ты молодец, отличная работа.

– Это еще не все, – сказал Бабкин, скрывая гордость. – Мы вместе с Красильщиковым провели следственный эксперимент.

– Закопали тебя под горнистом?

– Подожгли избу.

Он посмотрел на лицо Илюшина и засмеялся.

– Избу, – утвердительно сказал Макар. – Подожгли. Вы с Красильщиковым. А я думал, это мне в Камышовке не нравится!

Бабкин сжалился над ним.

– На другом конце деревни есть бесхозный сруб для бани, за таким же бесхозным домом. Хозяйка померла, наследников нет. Дом мы, естественно, не тронули, а на срубе поэкспериментировали: обложили его сухой травой и подожгли.

– Зачем?

– Знаешь, сколько времени ушло на то, чтобы загорелись сами бревна?

– Нет.

– Будут предположения?

Илюшин ненадолго задумался.

– Допустим, шесть минут, – сказал он наконец. – Или семь. Около того.

– Городской ты человек, Макар Андреевич, – преувеличенно окая, сообщил Бабкин. – Ничего ты в пожарах не сечешь! – И уже обычным голосом добавил: – На то, чтобы поджечь баню, у нас с Красильщиковым ушел почти час. Трава была совершенно сухая, из коровника, и дров мы натаскали березовых... Давай сделаем поправку на ноябрь. Дожди, бревна отсырели...

– Дождей-то как раз и не было.

– Верно, не было. Но поправку все равно сделать надо. Ноябрьское бревно и августовское бревно – это два разных бревна.

– Какое глубокое философское замечание, – благоговейно сказал Макар.

– С детства питал склонность к «Декамерону».

– К Декарту, может?

– А какая разница?

– Декарт – про рационализм, «Декамерон» – про смерть и секс.

– К «Декамерону», – подумав, сказал Бабкин. – Так вот, чтобы сруб загорелся, потребовалось сорок пять минут, и еще пятнадцать огонь расходился: подъедал бревна снизу, полз потихоньку вверх... Затем скачок: р-раз – и уже пылает. От первого огонька до этого момента прошел один час десять минут. Понимаешь, к чему я клоню? Мы с тобой предполагали, что имеем дело с поджигателем, который хотел отвлечь Возняка и Бакшаеву от выкопанной Веры. Но я подсчитал, сколько времени занял разговор возле могилы. Получается минут пятнадцать-двадцать, не больше. За этот срок невозможно поджечь дом так, чтобы огонь был замечен от площади с горнистом.

– Подожди... А как ты подсчитывал?

Бабкин слегка смутился.

– Зашел к Бакшаевой и заставил разыграть, как спектакль, с часами в руках. Она все реплики мне расписала: и свои, и сестры, и Возняка. По ее ощущениям, прошло не меньше часа, она на этом стояла насмерть. Но Капитолина заявила, что огонь она увидела в двенадцать сорок и сразу кинулась к Бакшаевым, а спустя десять минут отправила человека бить в железяку. Кстати, вот из кого отличный свидетель! На редкость дельная старушенция! Мы с Надеждой дважды прогнали вслух их совместную беседу, и она признала, что ошиблась. Не получается дольше двадцати минут, даже если все паузы увеличить вдвое. Ну и еще такой момент – он мне покоя не давал и ставил под вопрос всю нашу стройную конструкцию: откуда поджигатель мог знать, что Вера Бакшаева ослабеет настолько, что не помчится со всеми на пожар, а останется возле горниста? Никто этого не ожидал. Даже сама Надежда.

– Справедливо, – признал Макар. – Тогда что получается? Исчезновение Веры и пожар никак не связаны. Все-таки совпадение?

– Похоже на то.

Илюшин задумался.

Если Сергей прав и за двадцать минут невозможно вызвать такой сильный огонь, то они преждевременно скинули со счетов охотника и

младшую сестру.

Илюшин придвинул к себе таблицу, составленную Бабкиным, и погрузился в изучение. «А где... где...» – забормотал он, водя пальцем по именам.

– Эй! Ты кого ищешь? – позвал Сергей.

– Худяковского бомжа...

– Василия? Внизу смотри, в предпоследней строке. Всех, кто опоздал на пожар или пропустил его, я вынес отдельно. Насчет него у меня тоже много вопросов.

Макар задумчиво взъерошил волосы. Василий, Василий...

С Василием тоже дело нечисто. На пожаре, который он должен был если не предотвратить, то хотя бы заметить, жилец Худяковой не присутствовал. Убрел со своей колотушкой на дальний конец деревни, где два жилых дома, и зачем-то там бродил, причем долго, не меньше сорока минут. Когда забили в гонг, примчался не сразу... Чем же был занят Василий, не имеющий фамилии, рода занятий и места жительства?

– изнасиловал и грохнул? – сказал Бабкин, думая о том же. – Пожар пропустил, потому что выпивал где-нибудь в кустах. Допустим.

– Не пьет он. Худякова держит его в черном теле и денег не выдает.

– Шатался трезвый, значит. А тут вдруг огонь на вверенной ему территории. Пошел на свет, видит: сидит слабая баба, не способная оказать сопротивление. А весь народ на пожаре. Он ее изнасиловал и закопал на пустом огороде, благо их тут не перечесть...

– ...а мы, как дураки, роём историю Камышовки, – закончил Макар. – Запросто. Случайное убийство, которое мы с тобой никогда в жизни не раскроем.

– Оно само раскроется. Со временем. Собаки разроют тело или кто-нибудь выкупит дом с участком и начнет садоводческие работы...

– Если он не оттащил Бакшаеву в лес.

Бабкин задумался, подсчитывая.

– В лес бы времени не хватило.

– На огород в ночь пожара тоже не хватило бы, – сказал Макар. – Яму копать – не меньше часа. Василий ее задушил, спрятал за чей-нибудь дом, а похоронил другой ночью. Если на участок не забредут собаки и у него не появится новый владелец, то Бакшаеву так никогда и не найдут. Отличная версия!

– Главное – жизненная.

Макар вдруг засмеялся.

– Ты чего? – подозрительно спросил Бабкин.

– Представил, что она подтвердится. Ирония судьбы: женщину, которую безуспешно пытался сжечь сын Худяковой, убил бродяга, подобранный Худяковой! По-моему, очень смешно. Бакшаева отсюда уехала на двадцать пять лет, а Нина Ивановна все равно до нее дотянулась.

– Чувство юмора у тебя, как у пирании, – сказал Бабкин. – Кстати, раз уж зашла речь: твою Нину Ивановну я бы тоже не сбрасывал со счетов. Она пришла к концу пожара, где была до этого – неизвестно, а оснований ненавидеть Бакшаеву у нее предостаточно.

– Я и не сбрасываю. Нина Ивановна у меня идет первым номером в списке подозреваемых.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Хотя нет: первым – Возняк. После него – Худякова.

– А третьим кто? – заинтересовался Бабкин, которому идея составления подобных списков была глубоко чужда. Он имел дело только с доказательствами, игнорируя шепот интуиции, и без подтверждения фактами не готов был ранжировать свидетелей от «менее подозреваемых» к «более подозреваемым».

– Третьим, естественно, Надежда Бакшаева, – с удивлением, словно речь шла об очевидном, отозвался Илюшин. – Она скупа как Гобсек, сидит на мешке с деньгами и не тратит оттуда ни копейки; отдать их сестре – для нее удар ножом в сердце. Предположим, Веру они не нашли после пожара по самой простой причине: та уснула где-нибудь за чужой избой и не слышала, как ее звали. Под утро очнулась, пришла к сестре, и Надежда ее убила. Только не зарезала, это не в ее духе. Задушила, скажем.

– Как Красильщиков?

– Нет, иначе. Шнурочек накинула сзади на шейку и затянула покрепче.

– И, конечно, труп мы не отыщем, потому что она вывезла его в лес, – закончил Бабкин. – Что ни говори, а я не хочу опускать руки. Верю, что мы найдем тело Бакшаевой.

– Например, если Надежду убьют, и мы первыми окажемся на месте преступления...

– Тьфу на тебя!

– Чувствую себя охотником, который пытается найти следы лисицы на камнях, – пробормотал Макар, склонившись над таблицей. – Притом без собаки. Значит, на пожаре не было Василия, Яковлевой... – ну, с ней понятно, она еле ходит, – Худякова пришла под конец, а Маркелова не появилась вовсе. – Он выпрямился и удовлетворенно кивнул. – Пора нам с ней побеседовать.

– Нам?

– Оговорился. Мне пора.

В глазах Бабкина сверкнула искра вдохновения.

– А давай я с ней поговорю? Я на нее в прошлый раз произвел хорошее впечатление. У меня рост, физическая форма...

– У тебя жена и йоркширские терьеры, – в тон ему сказал Макар. – Поэтому ты пойдешь выяснять у Василия, отчего он не прибежал на пожар, как все порядочные люди, и где шлялся до двух часов ночи. Желчные бомжи – вот твоя епархия. А колдовских баб с волосами, глазами и грудями предоставь мне.

– Будь ты проклят, изверг! – с чувством сказал Сергей.

* * *

Татьяна Маркелова укрывала розы: выносила из сарая конусы из ивовой лозы и устанавливала над кустами.

– Подождете? – Она вытерла лоб рукавом. – Еще пять штук осталось, бросать не хочу.

– Подожду, конечно. Можно помочь?

Илюшин заглянул в сарай, где в углу громоздилась пирамида из конусов, поставленных один на другой, и взялся за верхний.

– Не трогайте! – сипло крикнула Маркелова.

Она схватила его за руку, как ребенка, и вывела из сарая.

– Простите... – Илюшин не мог скрыть удивления.

– Это вы меня простите. – Она не сразу овладела собой. – Конусы я плела сама, и они получились, откровенно говоря, ужасны. Ну, и от любого неосторожного движения они могут развалиться прямо в руках – и что тогда станет с моими розами?

– Вы перфекционист?

– Я женщина, не сумевшая сплести простейшую корзинку! А еще сарай – продолжение моей личной территории, как и изба. Мне неприятно, когда на нее вторгаются без спроса. Простите!

– Я понимаю. Это вы меня простите.

Татьяна укрыла оставшиеся кусты, пока он наблюдал невдалеке, и удовлетворенно оглядела сад.

– Пойдемте...

По дороге она захватила вязанку дров; Илюшин заметил, что все поленья аккуратно перевязаны вместе по пять-шесть штук. «Аккуратистка», – подумал он. В избе Татьяна села перед печью на

низенькую скамью, сунула в топку узкое березовое полено.

– Ведь если нет огня, мы знаем, где его взять, – вполголоса пропела она.

Второе полено отправилось в воспаленное горло печи следом за первым. Маркелова поворошила угли кочергой.

– Не трудно одной управляться с хозяйством? – спросил Илюшин, наблюдая за ней. Она знала, что он наблюдает, но ему не удалось заметить ни одного движения, даже легкого поворота головы, который был бы исполнен в расчете на него. Эта женщина не хотела ему нравиться, что было, положила руку на сердце, несколько обидно.

– Очень трудно. – Татьяна выпрямилась, поставила кочергу за печь и стащила рукавицы. – Если откровенно, я не представляла, до какой степени, когда ехала сюда. Зимний дом похож на собаку: его нужно кормить хотя бы дважды в день, убирать снег вокруг конуры и заниматься его воспитанием. Это все требует сил и времени, а у меня нет ни того, ни другого.

– Однако в город вы вернуться не хотите. – Илюшин остался на границе, разделяющей вопрос и утверждение.

– Не хочу, – коротко сказала женщина.

И Макар отступился. Перед ним заперли дверь, и бить в нее лбом было бы невежливо.

Из окна просматривался горнист в коротких шортах, вечно трубящий сбор. Макар сделал шаг, взглядываясь в него и пытаясь прикинуть, слышны ли при открытой створке разговоры возле горниста. Получалось, что слышны.

– Зима близко, – за спиной Илюшина сказала Татьяна.

– Что?

– «Зима близко» – вот что он трубит. Помните, из «Игры престолов»? Северные народы постоянно друг другу повторяли эти слова, даже когда до зимы оставалось четыре года. Я сначала не понимала – зачем? А потом догадалась. Это же, собственно, *memento mori*. Смерть придет за каждым, и лучше быть готовым встретить ее во всеоружии, чем расслабиться. Вот и мы здесь в таком же положении: помним о смерти, готовимся к близкой зиме.

Взгляд ее скользнул по карандашному наброску, лежавшему на столе, и Татьяна быстро перевернула лист чистой стороной вверх. Илюшин успел рассмотреть, что там нарисовано дерево.

– Кстати, о смерти, – сказал он. – Можно вас спросить? Почему вы не были на пожаре?

«Если скажет, что спала, рассмеюсь в лицо».

– Я испугалась, – сказала Татьяна Маркелова.

Этого он никак не ожидал.

– Испугались?

– У меня нервы ни к черту. Сплю плохо, а в ту ночь заснуть совсем не могла и села рисовать.

– Вы не слышали ничьих разговоров?

– Разговоров? Нет, что вы. Я работала в другой комнате, окна там выходят в сад. В яблонях поют пеночки и славки... До меня долетал только стук колотушки. А потом раздались крики вдалеке, и почти сразу начали бить тревогу: бам-м-м! бам-м-м! Я кинулась в эту комнату и увидела через окно, как Андрей бежит с огнетушителем в руках, а за ним еще двое.

– Кроме них вы кого-нибудь заметили?

– Нет. Но я бы и не успела: отскочила за штору, чтобы меня не увидели снаружи... Не хотела разговоров о том, почему меня не было на пожаре.

– Так чего вы боялись?

Она зябко передернула плечами.

– Того, что случилось в девяносто первом. Меня мучил один страх: услышать крики из огня. Я ведь уже говорила, тот случай произвел на меня чрезвычайно сильное впечатление. Будь здесь мои родители, они могли бы подтвердить: я приходила в себя не меньше года. Наверное, у меня было что-то вроде нервного срыва. Настолько серьезного, что я не возвращалась в Камышовку до восемнадцати лет, да и после приезжала лишь изредка. Мне думается, все наши взрослые страхи являются прямым продолжением или отражением страхов детских. За исключением боязни за своего ребенка – но тут я теоретик, знаю понаслышке. У меня нет детей.

– Значит, вы не пошли на пожар, потому что испугались... – задумчиво повторил Макар.

– Да. Знаю, это объяснение меня не украшает. Но другого нет.

Она спокойно выдержала его взгляд.

И снова Илюшин вынужден был сдаться. Эта женщина была с ним откровенна, но лишь до определенной степени, и заставить ее рассказать больше, чем она хотела, было невозможно. Он достаточно хорошо знал людей, чтобы понимать это.

– Вы сказали, что, пока работали, до вас доносилась колотушка. Всю ночь?

Татьяна в задумчивости накрутила на палец кончик русой косы. «Хорошо, что я Бабкина не взял», – подумал Макар.

– Как ни странно, да, почти всю. Я имею в виду, до пожара. Но это

неудивительно: Василий часто уходит на дальний конец деревни, оттуда не видно огня. Тут еще рельеф местности такой... Та сторона, получается, в небольшой низине. Помню, в свое время дед объяснял мне, отчего те участки стоят дешевле, а мне это казалось большой несправедливостью: как же так! им же нужно реже поливать огород!

Татьяна улыбнулась, и Макар второй раз подумал, что Бабкину здесь быть совершенно незачем.

Он попытался мимоходом разобраться, откуда проистекает ее колдовская притягательность. Красота? Да, но кроме того, подкупающая естественность, и замедленная речь, и мягкий тембр голоса...

И вот что еще: в Маркеловой, как и в Нине Худяковой, чувствовалась внутренняя сила. Он встречал женщин подобного склада характера; больше всего его удивляло, что сами они зачастую полагали себя слабыми и никчемными. Интересно, считает ли Мура Маркелова, что она хороший художник?

– Значит, колотушка стучала, – задумчиво повторил он.

– Всю ночь до самого пожара и потом еще минут десять, может быть, пятнадцать, пока Василий не заметил огонь.

– Во сколько замолчала?

– Около часа ночи. Мне кажется, я слышала топот за окном, но могу ошибаться. Или это был не Василий.

– Вы с ним общаетесь? – неожиданно спросил Макар.

– Нет.

– Совсем?

– Совсем. Он не самый приятный человек, а я не люблю беспричинное хамство.

– Нина Ивановна упоминала о том, что Возняк требовал выгнать ее гостя из Камышовки.

– А вот вам и иллюстрация к тяготам жизни в деревне без мужчины, – оживилась Татьяна. – Долгие годы Возняк был здесь совершенно незаменим, потому что, по сути, он единственный мужчина, на которого можно было рассчитывать. Капитолине он ставил покосившийся забор, а Яковлеву откапывал, когда два года назад замело по самые окна. Она с тех пор запасается продуктами на три года вперед, чтобы, если заметет, сидеть в своем доме, как в норе, а на три года – потому что сколько длится зима, она не знает. Точнее, не верит, что всего три месяца. Я, кстати, иногда тоже не верю. Все хочу ее нарисовать... всех их... но не важно. В общем, вы понимаете меня? Возняк здесь царь и бог, все до единой старушки молятся на него, потому что пропади он – и на местных алкашей надежды никакой.

– И тут появляется Красильщиков, у которого и забрало чище, и конь белее, – кивнул Илюшин. – Я помню, вы говорили.

Похоже, его выпад насчет Красильщикова ее уязвил, но Маркелова сдержалась.

– Совершенно верно. Однако, кроме него, есть еще Василий. Он, конечно, не разговаривает, а огрызается, но при этом половина местных старух бегают к Худяковой по любой нужде. И она командирует его к месту бедствия.

– Я был уверен, что он ее не слушается.

Татьяна рассмеялась:

– Вы пробовали хоть раз не послушаться Нину Ивановну? Она мигом выставила бы его, точно так же, как предыдущих.

– Разве они не сами ушли?

– Может, и сами. Но Худякова бездельников не любит. Василий у нее только кажется ленивым животным. Вы попробуйте каждую ночь дежурить по деревне!

– А кто придумал, чтобы Василий ходил с колотушкой? Как-то... странно оно. Мол, спите, жители Камышовки, в Багдаде все спокойно?

– Да это ж Возняк и настоял: чтоб точно знать, что сторож не завалился спать в укромный уголок, пусть всю ночь колотушкой гремит.

– Много толку от его колотушки, – пожал плечами Макар.

– Да, пожар он проворонил. Серьезный удар по Нине, и Возняк это отлично понимает. Василий сам дал ему в руки козырь. – Она улыбнулась, заметив выражение его лица. – Видите, как у нас тут все непросто? Интриги, борьба за власть.

«Борьба за власть...»

– Странно, что Григорий в ней участвует, – подумал он вслух. – Самодостаточный человек...

– Вы плохо его знаете. Возняку ведь что важно? Чтобы его уважали! А еще он, как и все мужчины такого типа, опасается насмешки. Быть высмеянным – вот что страшно! А тем более быть высмеянным людьми, которых он не может избить или запугать, то есть кучкой деревенских баб. Вы не представляете, до чего они язвительны.

– Почему же, представляю, – сказал Макар, вспомнив Капитолину. – Только я не понимаю, где предмет для насмешки.

– Мужик, живущий бобылем, отправляющий деньги в столицу на содержание безмозглого старшего сына? Этого достаточно. Возняку перемыли бы все кости, тем более что жизнь в деревне скучная и сплетни – наше неизбежное развлечение. Знали бы вы, что говорили про меня, когда я

обосновалась в Камышовке. И за полгода ни одна из сплетниц не унялась. Но я не расчищаю снежные завалы перед их калитками и не меняю газовые баллоны при необходимости. А Возняк – да. Ни одна из бабок не станет плевать в колодец, из которого пьет. Потому что дойдут ее слова до охотника (а они непременно дойдут), и Григорий молча будет обходить ее дом стороной.

Илюшину вспомнился рассказ Бакшаевой. Надежда не сказала об этом прямо, но из ее слов определенно следовало, что Вера дразнила охотника. Их расспросы ничего не дали: эту тему Бакшаева обходила дальней стороной. Кого-то она очень боялась...

Но куда же, черт возьми, провалилась Вера? Не будь он чужд мистике, предположил бы, что та корова, которая слизнула ее языком, и есть сама деревня. Кому больше всех пакостила Вера? Камышовке! Деревне, только начавшей оправляться от смертельной, казалось бы, болезни – запустения. Выгони старшая Бакшаева Красильщикова, и что случилось бы с этим местом спустя двадцать лет? Ни жизни, ни памяти. Умрут старухи, утихнет шарканье их ног, обутых в валенки, и следы заметет снег, а сами валенки будут растащены мышами на гнезда. Умрет в конце концов и семижильный Григорий, чугунный голем, охраняющий от чужаков давно одичавшие сады. Постаревшая Надежда переселится в Уржиху. Из тех окон, из которых некогда перегибались на улицу девки, чтобы поцеловать в сумраке парней, будут торчать молодые березки, а никем не съеденные соленые помидоры в банках лопнут и будут уничтожены потомками тех мышей, что родились в гнезде из валенка.

От такой перспективы Илюшин, будь он среднерусской деревней, разевал бы шире пасти своих колодцев, замораживал бы надежней дорожки, обложенные булыжниками, чтобы враг поскользнулся и приложился головой о камушек. А то отправил бы за Верой Бакшаевой мальчика-горниста, и пусть тащит ее в мертвый пионерский лагерь, как Дон Жуана Командор.

«Надо допросить Камышовку».

Мысль Илюшина заработала в новом направлении. Прежде они с Бабкиным исходили из того, что старшая Бакшаева убита и тело спрятано. Если предположить, что Вера жива, где она может быть?

«Выбралась на трассу, поймала попутку и давно пьет в Москве, пока мы ищем ее труп. Логично? Нелогично. Она собиралась шантажировать Красильщикова и, кроме того, никогда не оставила бы деньги от продажи ее участка сестре. Нет, если Бакшаева жива, она не могла тихо исчезнуть».

– Татьяна, – позвал он, – неподалеку от Камышовки есть места, где

можно укрыться?

– В смысле? Перезимовать?

– Допустим, протянуть пару-тройку месяцев, не привлекая внимания.

– В пяти километрах на северо-востоке – Уржиха, а если ехать в сторону Мурома – Загребня.

– Далеко она? – спросил Макар. – Загребня?

– Километров семь или восемь. Я, честно говоря, бывала там всего пару раз. Если свернуть к озерам, не доезжая Уржихи, будет заброшенный пионерский лагерь. Но жить в нем нельзя. Домишки с фанерными стенами, а в двух корпусах ничего не осталось. Стекла выбиты, внутри мусор...

«Все равно нужно туда наведаться».

– Думаете, Вера Бакшаева может прятаться в лагере? – Маркелова проницательно взглянула на него. – Не исключено. Но тогда ей должен помогать кто-то из местных. Возить продукты, топливо для костра... У этого кого-то должна быть машина.

«Смешно, – подумал Макар. – Под перечисленные условия подпадают двое: Красильщиков и Возняк».

– Пойдите! – Татьяна щелкнула пальцами. – Я кое-что вспомнила. Есть избушка егерей!

– Что за избушка? – насторожился Илюшин.

– Ее построили в лесу ровно на половине пути между Камышовкой и Уржихой. Недавно возвели новую избу, не так близко к деревьям. Старая осталась заброшенной. Но жить в ней можно. Насколько я помню, там всегда оставались какие-то припасы именно на тот случай, если забредет человек.

– Как ее найти? – живо спросил Макар.

– Если идти к Белоозеру, нужно свернуть на вторую дорогу, в ельник. Не доезжая до ельника пары километров, будет перекресток: выбираете тот, возле которого стоит прогнившая скамья, и идете до конца...

Маркелова не закончила: выражение лица Макара говорило само за себя.

– Я вам карту начерчу, – засмеялась она. – Вот, смотрите...

На сложенном пополам листе бумаги вырос островерхий лес, разделенный узким руслом дороги с притоками; пунктиром пролег будущий маршрут.

– Вот здесь скамья – видите? От нее – налево...

Четкая пляска карандашного острия завораживала.

– Макар, вы меня слушаете?

Илюшин вздрогнул и очнулся.

– Это похоже на танец змеи.

– Вы о чем? А-а, рисунок. Так вы запомнили, как идти, или вам показать дорогу?

– Спасибо, запомнил, – сказал Макар, складывая лист вчетверо. – А можно ваш автограф?

Выйдя от Маркеловой, он направился к терему Красильщикова, но на полпути остановился. Им овладела неожиданная тревога, какая нападает иногда на рассеянных людей, оказавшихся далеко от дома. Бусины на четках их неизменных забот падают одна за другой с нервующим стуком. Выключен ли газ? Закрыта ли дверь? Не прорвет ли трубу? Не оплывает ли в эту минуту пластик под раскаленной подошвой утюга?

Илюшин не отличался рассеянностью. И все же шестое чувство нашептывало, что он должен вернуться, в то время как голос рассудка советовал идти к терему и продолжать все, что они запланировали с Бабкиным. Утром выяснилось, что проверены не все заброшенные колодцы; а еще предстоит поездка в пионерский лагерь, хоть Маркелова и утверждает, что в одиночку выжить там невозможно. В конце концов, их ждет избушка егерей!

Согласившись, что сделать все вышеперечисленное необходимо как можно быстрее, Илюшин очень медленно двинулся обратно. Он миновал двенадцатый дом, четырнадцатый, постоял с минуту возле горниста, рассматривая его не по погоде легкий наряд. Со стороны могло показаться, будто Илюшин отдает дань памяти юному пионеру. На самом деле Макар прислушивался, не руководит ли им желание вернуться к Маркеловой.

Нет, не руководило.

Расшвыряв снег носком ботинка, он неторопливо двинулся дальше. Буквально через пару шагов стрелка внутреннего компаса, бешено крутившаяся во все стороны, точно Илюшин попал в зону магнитной аномалии, внезапно успокоилась и твердо показала на почерневший от старости дом Яковлевой.

«Только этого не хватало. Опять ноги мыть и воду пить».

Стрелка дрогнула, но не отклонилась.

Отключать голос рассудка Макар не умел, но с возрастом приобрел и развил до предела способность переводить себя в состояние расфокусированности мысли, схожее с бездумным движением пловца по реке. Буквально одним усилием воли он шагнул с берега в воду и поплыл. Идеи и предметы с этой секунды утратили право вспыхивать в его голове электрическими лампочками; все они существовали на равном отдалении,

потеряв всякое значение.

Как всегда, в этом состоянии подняла голову синестезия. Скомканная белизна снега; бледно-розовый шершавый воздух; густая патока теней, прокатившаяся по языку сладким фиолетовым шариком, – все вокруг обрело необычайную яркость, четкость и масштаб. Внешние раздражители формировали импульсы такой силы, что они вытесняли из мозга все, не относящееся к чувственному восприятию мира. Долго находиться в таком состоянии Макар не мог: наступало перенасыщение. Но пока его несло искрящимся течением.

Он постучал в деревянную (сухую, хлебную) дверь и вошел.

Сегодня Яковлева выглядела несравнимо лучше, чем накануне: причесана, одета хоть и в заношенный, но приличный спортивный костюм, да и на ногах тапочки. Она сидела со штопкой в кресле, отодвинув занавеску.

– Здравствуйте, Лариса Сергеевна. Зашел проведать, как ваши дела...

На полуслове Илюшин осекся. Светлые глаза взглянули на него с безбоязненным любопытством.

– Вы за газетами? – спросила Лариса. – Забрали их уже, третьего дня.

И вернулась к своему занятию.

Илюшин не стал уточнять, что это за газеты и кто их унес. С необычайной кротостью, охватывавшей его в присутствии этой старушки, он спросил, можно ли ему все-таки осмотреть полки. Возможно, где-то завалился экземпляр-другой.

– А тебе зачем? – в Яковлевой внезапно проснулась подозрительность.

– На последней странице письма читателей, – не моргнув глазом, сказал Илюшин. – Сестра моя туда писала, когда развелась с мужем.

Объяснение, лишённое всякой логики, сработало: старушка смягчилась и махнула рукой.

– Там поищи...

Знать бы еще, где это «там» и что искать.

Илюшин постоял, собираясь с мыслями, и вдруг понял с совершенной ясностью, зачем он сюда пришел, словно зазвенел будильник, и оставалось лишь идти на звук. Три шага до стола, выдвинуть средний ящик.

– Лариса Сергеевна, можно взглянуть, что в конверте?

– Смотри, Игорек, смотри. – Яковлева даже не повернула головы. – Только не сори.

– Не буду.

Вот он, конверт: желтый, плотный, увесистый. Не запечатан, хотя Макар не удивился бы, увидев глянцевый сургучный круг. Твердая бумага

захрустела под его пальцами, и на пол посыпались черно-белые прямоугольники, целая пачка.

Это были фотографии. Илюшин с трудом удержался от восклицания, увидев, сколько их. Десятки портретов, а еще коровы, гуси, пруды, окна в ажурной резьбе наличников, дворы, липы, очередь в магазин и деревянные подносы с ровными буханками... Это был архив Ильясова.

Макар сел на пол, забыв про грязь. Он забыл вообще обо всем. Пальцы его перебирали документальные свидетельства ушедшей, растворившейся жизни. Люди, люди, люди... На одной из карточек мелькнуло насупленное лицо Нины Ивановны, и он обрадовался, словно встретил друга.

Когда первое изумление прошло, Макар понял, что фотографий не так много, как ему показалось. Не было Капитолины, и старикана с авоськой найти не удалось; впрочем, он мог и не опознать его среди молодых лиц. А вот Лариса Яковлева была. Стояла, неловко улыбающаяся, перед зданием с табличкой «КЛУБ РАБОТАЕТ»: мешковатое платье, белые туфли-лодочки. Макар никогда не узнал бы ее, если бы не обувь: он зацепился за них взглядом и вспомнил ее рассказ. Значит, в самом деле были туфли. Надо же...

Не странно ли, что самая крепкая память о прошлом сохранилась в доме женщины, не способной запомнить, какой сегодня день?

Макар невольно посмотрел на силуэт возле окна. Лариса Сергеевна погрузилась в свое бессмысленное занятие. Кажется, она забыла о его существовании.

Он хотел уйти молча, собрав снимки в конверт, но его охватило что-то вроде стыда – чувство, которое он испытывал так редко, что даже не сразу понял, с чем имеет дело. Старуха, то и дело взывавшая к покойнику, помогла ему больше, чем любой из местных жителей, обладавших ясной головой.

Он не смел забрать то, что ей принадлежало.

– Лариса Сергеевна...

– Аюшки?

– Здесь в конверте фотографии. Можно я их возьму? Потом верну, обещаю.

– Нельзя, – сказала Яковлева. – Борис Ефимович любит их разглядывать.

– А я у него спрошу! – нашелся Макар.

– Он не разрешит. Кому говорят, не трожь.

Илюшин задумался. Он сам себя загнал в ловушку. Ничего не мешало заменить снимки нарезанной бумагой, но сейчас, когда он получил

недвусмысленный отказ, это выглядело бы совсем уж нехорошо.

«Пересниму», – решил он на тот случай, если Яковлева поссорится с Борисом Ефимовичем и вздумает бросить в печь то, что ему дорого.

Телефон. Камера. Фотографировать сфотографированное – в этом была какая-то странность. На карте памяти его айфона поселилась хмурая Нина Ивановна лет сорока пяти, чумазые смеющиеся дети, молодой Григорий Возняк – плотно сжатая линия губ, накрахмаленный воротничок рубахи впивается в бычью шею; еще одна Лариса Яковлева в косынке возле пузатого мужичка, заботливо придерживающего ее под локоть... Фотография – магическое искусство. Лишь она рождает в зрителе ощущение, будто запечатленные на ней люди существуют где-то еще, в ином пространстве, кроме бумажной плоскости; что в неведомом измерении их смех продолжает звучать, и ребенок продолжает свой бег, и крутится колесо велосипеда, сверкая спицами, и юбка у девушки развевается на ветру, дуящем откуда-то со стороны вечности.

Нашлись совсем юные Петр Возняк и Иван Худяков. Оба смотрели исподлобья, пытаясь придать солидности несерьезным физиономиям. Петр Илюшину категорически не понравился. «Упырь какой-то», – решил он. Лицо как из теста слеплено; неудивительно, что впечатлительные девчонки его боялись. Иван оказался тощ, нескладен, скуласт и безобразно обрит; узнать в нем ребячливого паренька из описания Худяковой было невозможно. Но на следующем снимке он застыл у края кадра, словно желая удрать из-под прицела объектива, и в нерезкой смазанной улыбке угадывалось и обаяние, и жизнелюбие, и беззаботность, и свет.

Младший сын Возняка тоже был здесь. Стоял рядом с матерью, держа ее за руку, и с любопытством смотрел на фотографа. «Красивый мальчуган, – подумал Макар. – С братом ничего общего». Но сильнее, чем бедный Ленька, которому суждено погибнуть в пожаре несколько лет спустя, его поразила жена Возняка. Совсем юное лицо, с чистым лбом и большими задумчивыми глазами. «Кто бы мог ожидать встретить в Камышовке Сикстинскую мадонну».

Оставался самый большой групповой портрет.

Илюшин взял его в руки и стал рассматривать.

Ильясов снимал коллектив совхоза. Многие из этих людей были Макару незнакомы, но жена Возняка нашлась и здесь: стояла в нижнем ряду, явно не зная, что делать с руками. А рядом с ней...

Макар вытащил предыдущую фотографию, тридцать секунд смотрел на нее и снова вернулся к общей. Вот так открытие!

– Лариса Сергеевна! – он вскочил, почти уверенный в справедливости

своей догадки. – Лариса Сергеевна, посмотрите, пожалуйста! Вот это – кто?

– Где?

– Вот! – Макар ткнул пальцем в невысокого улыбчивого человека, стоящего возле Анны Возняк. – Как его зовут, вы помните?

«Дорогое провидение, только не дай ей снова уехать в туфлях на танцы!»

– Так это же Сеня наш, – удивленно сказала Яковлева. – Ты что, не узнал его? Семен Дьяченко.

Глава 6

* * *

Василия долго искать не пришлось: он качал в худяковскую баню воду из скважины, гудевшей как пылесос. Вернее, качал насос, а Василий сидел на скамье в холодном помещении, сунув руки в карманы старого ватника и бесстрастно глядя, как наполняются водой ведра и шайки.

– Можем поговорить? – спросил Бабкин.

– Погодь! Закончу.

Сергей вышел, низко пригнувшись, чтобы не расшибить голову о притолоку, и сел на крыльцо. Минут через пять гул насоса оборвался и наступила оглушительная тишина. Скрипнули доски за его спиной, хлопнула внутренняя дверь, и рядом примостился Василий.

– Куришь?

Он протянул Сергею пачку. Тот вытащил сигарету, сказал «благодарствую», хотя много лет как бросил курить, и некоторое время они сидели молча, затягиваясь и выпуская струйки быстро тающего дыма.

– Чего опятьстряслось? – спросил, наконец, бывший бомж.

– Почему сразустряслось?

– Ну не в гости же ты явился, – усмехнулся тот. – Нина где?

– В саду, – сказал Сергей. – Деревья обматывает.

– Чем?

– Колготками. Говорит, от грызунов и заморозков.

– А-а. – Василий равнодушно пожал плечами. – Вот ведь старуха неумная... Хлопочет об этих яблонях, вишнях... Чего суетится? Ну, помрут зимою, – большое дело! Она и сама, может, помрет.

– А ты зачем баню топить собрался? – спросил Сергей. – На тебя посмотреть, так ты тоже не самого богатырского здоровья. А все же моешься, бороду стрижешь, хоть и черт знает как, даже усы ровняешь... А вдруг не сегодня-завтра покинешь этот бранный мир?

Василий искоса глянул на него и усмехнулся:

– Ну ты сравнил: живого человека и дерево бездушное.

– Насчет бездушного – это еще большой вопрос. Вон, древние считали, что в них друиды обитают.

– Это в лесных деревьях, – сказал бродяга, обнаруживая неожиданное

знакомство с мифологией. – В садовых только клопы живут, слизняки и плодожорки. Но я понял, к чему ты клонишь. Не нравится тебе, когда я на Нинку наезжаю, а? – Он пихнул Бабкина под локоть и подмигнул, растянув губы в шутовской ухмылке. Однако глаза его смотрели без всякой улыбки, настроенно и испытующе. – Она меня, типа, пригрела, а я, значит, слова дурного о ней не скажи?

– А она разве не пригрела? – в тон Василию спросил Сергей.

– Для себя старалась, не для меня!

– Ну и что? – Бабкин пожал плечами. – Для кого бы ни старалась, а вот он ты: сидишь на свежем воздухе, потом на теплой печи полежишь, а вечером в протопленной бане попаришься. Постель у тебя чистая, еда вкусная, всех дел – старухам помочь по хозяйству. Нина Ивановна твоя – хорошая женщина.

– Это ты сам так решил? – с издевкой спросил Василий.

– Мой напарник так сказал, – спокойно ответил Бабкин.

– И ты ему веришь? Как себе, хе-хе?

– Больше, чем себе. А если еще вспомнить, что пережила Худякова...

Ты знаешь про ее сына?

– Слышал, – отозвался Василий. – Пропавший человечешко...

– Часто она к нему ездит?

– Пока я здесь, ни разу меня на хозяйстве одного не оставляла, – чистосердечно признался бродяга.

И пока Бабкин размышлял над этой неожиданной новостью, добавил совсем другим тоном:

– Прав ты, паря. Нинка меня спасла. Загубался я. У меня нутро, кишки – все гнилое, перемороженное. Меня один врач обследовал... бесплатный, – бродяга странно хмыкнул. – Сказал, в больницу надо. К медсестричкам, на коечку...

– А ты что же? Отказался?

– Ага.

– Почему? Полечили бы тебя.

– Вот именно, полечили бы. Полечили бы, да не вылечили. Тут, паря, медицина бессильна. Когда я эту, гм, новость узнал, веришь – первый раз за многие годы себя живым почувствовал. До этого болтался... как цветок в проруби. Есть человек Василий, нету человека Василия – никому от этого ни горячо, ни холодно. Да и мне самому тоже пофигу все. Пустота внутри. Холодная такая сволочь... Ни солнце не радуется, ни дождик, даже баба пройдет мимо – годная баба! вот такенный бабец! – Василий развел руки, – а ты зенки ей вслед пучишь, и ничего в тебе не шелохнется. Думаешь:

помереть бы скорей, Господи! – От беспредельной тоски в его голосе Бабкину стало не по себе. – А тут бац! Товарищ доктор, заботливый такой, чисто мамаша, пихает в больничку, к моргу поближе. Эх, я взбодрился! Сразу жизнь почувствовал! Как она меня, падла, за яйца берет... Поганая житуха у меня была. Как ни повернешься, все плохо. Умел бы я Бога просить, может, молился бы, но у нашего брата одна молитва: сесть да повыть. И тут Нинка! Притащила меня сюда... Я с год всему заново учился: как дышать, как ложку держать, как в постели засыпать... А еще под открытым небом можно, во! На воздухе!

– На воздухе ты, должно быть, и раньше спал, – осторожно сказал Бабкин.

– Пока Нинка меня не подобрала, я по Москве валандался, какой там воздух, – отмахнулся Василий. – А тут лежишь как человек... Сеном пахнет, травой... Не бьет тебя никто, не орет, не гонит... Ни одна тварь тебе ботинком не засадит под ребра. У меня, было дело, башку подпалили. – Он провел ладонью по макушке. – Волосня полыхнула и сгорела, как одуванчик. Думал, уж новая не отрастет. Нет, смотри-ка ты: прет почище, чем трава... Лучше бы девке достались.

– Непростая у тебя жизнь была, – нейтрально сказал Бабкин.

– Разная...

Василий тщательно раздавил окурок в земле.

– Погодь... Мусорить не хочу.

Он ушел и вернулся с банкой из-под шпрот.

– А ты чего спросить-то хотел?

– Почему ты на пожар не успел?

– А-а, вон оно что! – Василий понимающе кивнул. – Думаешь, я ее грохнул? Бабу эту, которая пропала.

– А это ты?

– Я ее ни живую не видал, нидохлую. Одни только разговоры слышу: тра-та-та! тра-та-та! Все про Верку талдычат. Слушай, паря... – он замолчал, озабоченно шевеля пальцами, – давай договоримся: я тебе – про ту ночь как на исповеди, а ты про это молчок. Никому ни полслова. В деревне ведь знаешь как: в одном конце пернут, на другом толчок обвалится. Не заложишь меня Нинке?

Василий с тревогой взглянул на сыщика.

– Отец, ты меня в неловкое положение ставишь. Я сейчас пообещаю, что не выдам тебя, а потом окажется, что ты Бакшаеву насильничал и в саду зарыл, – сказал Бабкин, подстраиваясь под его речь. – Сам понимаешь...

Бродяга молчал. Пальцы, будто помимо его воли, слабо двигались, отдаленно напоминая игру на невидимом фортепиано. Станный этот жест второй раз привлек внимание Сергея.

– Что ты делаешь?

– Чего? А, это! Черт его знает... Когда нервничаю, всегда щупаю чего-то.

«Нервничаешь, значит».

– Слушай, Василий, – проникновенно сказал Сергей. – Ты ж сам говоришь, что не видел ее ни живой, ни мертвой. А до остального мне дела нет. Но согласись сам, странно получается: ты каждую ночь обходишь деревню, чтобы не случилось пожара, и тут как раз горит под самым твоим носом, а ты шляешься неведомо где. Камышовка – не Бродвей, огонь отовсюду видно.

– Не отовсюду, – буркнул Василий.

Сергей выжидательно замолчал.

– Короче... – бродяга собрался с силами. – Ночным сторожем по деревне меня назначила Нинка. В пику охотнику: он больше всех вонял, чтобы меня отсюда выперли. Она подсуетилась, и накося-выкуси: я вроде как не асоциальный элемент, а приносящий пользу обществу. Я эту пользу вертел на... Но делать-то чего? Пришлось ходить. У меня с двенадцати до четырех один черт сна толкового нет, кошмары снятся да всякая дрянь. Но таскаться туда-сюда, как трамвай... тоже, знаешь, удовольствие небольшое. Да стучать еще...

– Ты кого-то видел в ночь убийства Бакшаевой?

Василий раздраженно взмахнул рукой.

– Чекушку я видел!

– Кто такая Чекушка? – спросил Бабкин, решив, что это прозвище.

– Паря, не тупи. Думаешь, почему я ошивался по ночам на том конце? Там хата Филимоновых. Хозяев нет. А ключ под цветочным горшком.

Сергей, наконец, понял. Дом Филимоновых, куда владельцы, почтенная семейная пара, приезжали на пару недель летом, стоял наособицу, в глубине раскидистого сада. Его надежно скрывали груши, черешня и яблони. Василий обнаружил ключ и проводил время, понемногу опустошая хозяйский бар.

– Ты меня не выдавай, – попросил бродяга. – Я у Филимоновых не свинячил. Даже пол за собой вытирал!

– И давно ты там хозяйничаешь?

– Отхозяйничался уже. Кончилось бухло.

Василий в расстройстве махнул рукой.

– В ночь пожара во сколько ты туда зашел, помнишь?
– До полуночи еще вышел от Нинки, с час колотушкой стучал, ждал, пока она уснет. А потом сразу к Филимоновым. И сидел там, пока тревожно не стало. Я выскочил, смотрю – горит! Тут и побежал.
Сергей занес в блокнот все, рассказанное Василием.
– Пойдем, покажешь, как филимоновский дом отпирал, – сказал он, поднимаясь.

Жилец Худяковой не соврал: ключ от дома действительно нашелся под расколотым цветочным горшком. Сергей хотел заглянуть в комнаты, но Василий подергал его за рукав:

– Не тебя ищут, паря?
Возле дороги маячил Илюшин.
– Похоже, меня, – прищурился Сергей. – Ладно, убедил: Худяковой ничего не скажу. Кстати, а почему она не почувствовала, что от тебя спиртным пахнет?
– Конфетой заедал. «Школьницей».

* * *

Когда Илюшин втащил недоумевающего Бабкина в дом Яковлевой, старушка дремала в кресле, уронив голову на грудь.

– А просто забрать фотки и принести нельзя было? – буркнул Сергей.
– Нельзя. Долго объяснять...
– Уж постарайся!
– Она не разрешила.
– А что, так можно было? – изумился Бабкин. – Тогда я не разрешаю тебе НИЧЕГО.
– Смотри сюда!

Илюшин выложил перед ним две фотографии. На одной Анна Возняк прижимала к себе младшего сына, на другой колхозники выстроились рядами на ступеньках помпезного здания с колоннами.

– Вот на эти лица смотри! На эти!
Бабкин пожал плечами:
– Ну, вижу... Мать, отец и сын. Мамаша красивая очень! Чем они тебя так поразили? Ликом ее ангельским?
– Тем, что это не мать, отец и сын, – торжествующе сказал Макар. – Это жена Возняка, ее младший сын Леонид и зоотехник Семен Дьяченко,

которого наш охотник утопил в болоте.

Сергей собирался присвистнуть, но вовремя вспомнил про спящую хозяйку дома.

– Вот это номер, – тихо сказал он.

Две фотографии лежали перед ними как неоспоримое свидетельство греха. Одна и та же кровь текла в жилах мальчика и мужчины, в этом невозможно было усомниться, глядя на их лица: одинаковые подбородки, брови, скулы, губы, даже линия роста волос мальчика была словно снята под копирку с Семена Дьяченко. Только глаза, большие и темные, ребенок унаследовал от матери.

– Хорошенькие новости! – Бабкин фыркнул. – Возняк воспитывал чужого сына! Ха-ха!

– Тише ты!

– Да спит она!

– Вот именно! Двигай на улицу...

Они расположились на крыльце.

– Получается так, – сказал Макар, – в восемьдесят девятом Григорий утопил зоотехника. Нутром чую, что фотографии сыграли здесь не последнюю роль.

– Может, просто заметил сходство. Для этого, знаешь, фотки не обязательны. Оно невооруженным глазом видно.

– Насчет глаза мы не знаем. Худякова ничего не говорила о том, что младший сын Григория – не от него, а уж у нее наблюдательности хватает. Правда, она могла вообще не встречать Дьяченко или не обращать на него внимания... В общем, восемьдесят девятый – гибель Семена. В девяностом, год спустя, умирает Анна Возняк.

– Сама ли?

– Пока нет ни одного факта, который говорил бы об обратном. Болела... Может, Возняк ее травил?

– Запросто.

– Сойдемся на том, что это недоказуемо. А в девяносто первом – та-дам! – пожар у Бакшаевых, и сын Семена Дьяченко отправляется следом за матерью и родным отцом. Под суд идет Худяков, клянущийся, что он невиновен, а главный свидетель обвинения показывает, что поджигал все-таки Иван. И что делает после этого наш свидетель? Сбегает в город на следующие двадцать пять лет! Причем такая же участь ждет и старшего сына Возняка.

– Сбагрил он, значит, кровинушку от греха подальше, – пробормотал Сергей.

– И на что все это похоже?

– Что снова лежит нам путь-дороженька в дом Бакшаевых. Черт, только вчера у Надежды полдня ошивался. Она решит, что я к ней клеюсь.

Надежда Бакшаева подметала крыльцо. Увидев сыщиков, она злобно швырнула в угол неповинный веник и топнула ногой.

– Что ж вы все ходите? – заголосила она. – И ходите, и ходите! Нету мне покоя, господи! Скоро тропу ко мне протопчете! В калитку вас не учили стучаться? У-у, рыла! Видеть вас больше не могу!

– Слышь, Надежда, – сказал Бабкин, игнорируя ее возмущение. – Кто поджег ваш дом в девяносто первом?

Женщина осеклась и отступила на шаг. Двое мужчин пристально смотрели на нее. Она пошевелила губами, но сыщики не услышали ни слова.

– Ты чего молчишь, Надь?

– Иван... Худяков... – выдавила она.

– А если подумать? – недобро спросил Макар.

Бакшаева собралась с силами.

– Суд был? Был! – выкрикнула она, вводя себя в состояние истеричной взвинченности и продолжая повышать градус остервенения с каждой секундой. – Ну и все! Чего судья сказал, так тому и быть! А вы катитесь оба к чертовой матери! Чего ты мне тут в прокурора играешь, сопляк? Иди Худякову допрашивай, а ко мне не лезь! Сволочь! Гнида! Хам! Нашлось тут... говно малолетнее!

Она крепко выругалась и для убедительности взмахнула кулаком.

– Только подойди!

Малолетнее говно шагнуло к ней. В серых глазах полыхнула злость, рядом с которой вся искусственная ярость Бакшаевой рассыпалась горстью пепла. Эта злость заострила черты юного, почти мальчишеского лица, преобразила его, и вместо сопляка перед Надеждой оказался взрослый рассерженный мужчина.

– Кто. Поджег. Дом, – очень тихо спросил он.

Бакшаева в ужасе попятилась и уперлась спиной в дверной косяк.

– Кто? – повторил мужчина.

Про его спутника, которого все это время она боялась куда больше, Надежда и думать забыла. Чужая воля расплющила ее собственную, и из тела, словно из рыбного филе, исчезли все кости. Она не только испугалась этого молниеносного преобразования, но и ощутила полное свое бессилие и невозможность собраться для новой лжи.

– Петр... Возняк... – они скорее прочитали имя по ее губам, чем слышали.

– Повтори, – без выражения сказал мужчина.

– Петр. Возняк.

– Почему Вера солгала?

– Гришка денег ей посулил. Много.

Надежда закатила глаза и мягкой кучей осела на пол.

– Ну ты даешь, – сказал Бабкин, рассматривая ее из-за плеча Илюшина и не делая ни малейших попыток помочь. – Она хоть живая?

– Такие последнимидохнут. – Макар присел перед Бакшаевой, проверил пульс и довольно грубо похлопал ее по щекам.

– Я все жду, когда кто-нибудь при виде тебя окочурится. – Бабкин спустился с крыльца и зачерпнул ладонью снег, захватив – безусловно, по чистой случайности – немного грязи. – Явление дьявола крестьянке!

– Она телятница.

– Явление дьявола телятнице! – исправился Сергей. – Так даже лучше.

– Он вернулся на крыльцо, сел рядом с Макаром и уставился на бесчувственную женщину. – Кстати, давно хотел спросить: а ты вообще эти свои приступы контролируешь? С тобой в трамвае такого не случается? Бац – и у кондуктора кондрашка.

Макар не слушал.

– Они невинного пацана отправили в тюрьму.

– Не он первый, не он последний...

Бабкин растер содержимое ладони по лицу Бакшаевой. Илюшин поднял на нее глаза и внезапно фыркнул.

– Ты чего творишь?

– Ну, немножко грязно, – невозмутимо признал Сергей. – Снега-то мало! Мало снега, понимаешь?

– Не стыдно над женщиной глумиться? – уже нормальным голосом поинтересовался Макар.

– В обморок она грохнулась из-за тебя, а стыдно должно быть мне?

– Прямо уж из-за меня...

– Слушай, ты как-нибудь выбери время и рассердись как следует перед зеркалом, – посоветовал Бабкин. – А потом будем обсуждать, кто из-за кого грохнулся. Даже я чуть не описался, а мне, между прочим, был виден только твой затылок.

Бакшаева застонала.

«Хорошо, что я его развеселил этой чингачгучной раскраской, – флегматично подумал Сергей. – А то сейчас снова бы сомлела».

– Петр Возняк поджег дом и сарай, – сказала Бакшаева.

С ней что-то случилось: рухнула плотина, и слова лились быстрее, чем Бабкин с Макаром успевали задать вопрос. Казалось, она испытывает облегчение от того, что наконец-то нашлось с кем поделиться страшной тайной.

Вера видела сына охотника из окна. Он заглянул в сарай, прежде чем поджечь сено, и убедился, что его младший брат спит там беспробудным сном.

Вера потом говорила сестре: «Петька не дал бы мне сгореть, просто пугал! А сам дверь бы вышиб, чтобы меня спасти. Покрасоваться хотел!» Надежда ей не верила. Такие как Петр не пугают и не красуются.

Но тогда она этого не знала. Сестра рассказала ей о том, что произошло, в свой предпоследний приезд, десять лет назад.

– Пьяная она была, вот и проговорилась, – сказала Надежда, избегая глядеть на Макара. – Видно, тяжело ей было такой секрет в себе держать.

Сколько в точности предложил охотник ее сестре, Бакшаева не знала. Верка обмолвилась, что хватило на три года безбедной жизни. Затем пришлось искать работу.

Идея назначить на роль жертвы сына Нины принадлежала Григорию. «Алиби у парня нет, – сказал он, – а его вражде с Леонидом свидетелем вся деревня».

Вера Бакшаева показала на суде, что поджигатель – Худяков. Иван отправился в тюрьму, а Вера – просаживать деньги охотника.

– Что ж ты, когда узнала правду, не пошла в полицию и не сказала, что осудили невиновного? – спросил Бабкин.

Надежда слабо махнула рукой.

– Кто бы мне поверил? Или Верка, думаешь, раскаялась бы и призналась? Ни в жисть. Я бы твердила, что его оклеветали, а она – что я с глузду съехала.

– Ну хоть в деревне вы могли рассказать? – спросил Илюшин. – Возняк из себя тридцать лет героя лепит, святого Георгия, покровителя Камышовки. А вы смотрите и молчите, будто так и надо.

– Сам рассказывай, – насупившись, сказала Надежда. – Мне еще пожить охота. Для Возняка мы с Веркой не люди, клопы.

– Ты поэтому боялась, что он ее придушит?

Бакшаева кивнула.

– Она начала ему ту историю припоминать. Возняк – мужик на расправу быстрый. А если всплывет, что он это придумал... Ему здесь

жизни не станет. Затравят его бабы.

Сергей хмыкнул:

– На твоём месте, Надежда, я бы уже паковал чемоданы и менял место жительства. Или Григорий не знает, что ты в курсе?

– Догадывается, – пробормотала Бакшаева. – Наверняка-то не знает, откуда бы?

– Если ему Вера не рассказала, – вкрадчиво заметил Илюшин.

Надежда судорожно вздохнула.

* * *

Проводив сыщика, Татьяна Маркелова вернулась в дом. Взгляд ее упал на стопку бумаги. «Нет! – сказала она себе. – Ты не впадешь в это безумство».

Бесполезно. То, что раз за разом заставляло ее брать лист бумаги и выводить один и тот же сюжет, было сильнее здравого смысла. Татьяна знала: если попытаться занять руки, уйти из дома, неосуществленная картина станет проявлять себя другим способом. Сложится из теней на траве, наполнится звуками: хрустом веток, пением птиц, шелестом листьев... и голосами. «Ну, Танюха, давай подсажу!»

Свет брызжет сквозь ветви. «Выше, карабкайся выше!»

Маркелова села за стол, взяла карандаш, будто подчиняясь чужой воле. И придвинула к себе лист.

Завибрировал телефон. В первую секунду она восприняла этот сигнал как избавление, но, увидев на экране имя абонента, отвела взгляд. Телефон продолжал звонить. Слава всегда был очень настойчив.

При мысли о том, как он сейчас бесится там, в Москве, в своей огромной, точно аэродром, квартире, унаследованной от дедушки-профессора, она не удержалась от смешка.

Когда они поженились, друзья на свадьбе желали им плодотворной жизни. «Пусть брачный союз дополнится творческим!» – высокопарно заявил Славкин двоюродный брат, который Татьяну на дух не переносил, но считал необходимым вслух постоянно одобрять выбор родственника. «Красивую жену нашел себе Вячеслав! Молодую! Талантливую!» От каждой его похвалы Таня внутренне ежилась. Казалось, ей набивают цену, чтобы Славка не выглядел неудачником, женившимся на провинциалке.

Десять лет подряд она засыпала и просыпалась с кистью в руке; рисовала круглосуточно, хваталась за любые заказы. И училась, училась,

училась без конца. Выработывала свой собственный почерк, узнаваемый авторский стиль. Изучала анатомию: хороший рисовальщик немислим без понимания, как устроено тело. Она околачивалась по вокзалам, зоопаркам, торговым центрам – всюду, где были люди, – и делала наброски, пока не чувствовала, что онемела рука. Ее одежду покрывали пятна краски. Этой участи не избежала даже ночная рубашка: десятки раз, едва проснувшись, Таня бежала к столу, чтобы зарисовать свой сон. У нее сохла кожа на руках, село зрение. Она начала бояться слепоты.

Больше всего угнетала не нищета, не голод, даже не отсутствие возможности купить нужные краски; хуже всего было то, что она и ее работа оказались никому не нужны. Заказчики, даже самые серьезные, оборачивались классическими рыночными кидалами, памятными ей по девяностым. И все до единого привыкли к тому, что художнику можно заплатить копейки. Он же художник! Он должен голодать.

Она и голодала.

Позже Слава говорил: «Я был первым, кто накормил Таньку досыта».

Татьяна вышла замуж по любви. Однажды, расспрашивая ее о предыдущей жизни, Слава наполовину в шутку, наполовину всерьез спросил: «Почему в содержанки не пошла?» «Времени не было», – без улыбки ответила Таня.

В профессиональной сфере для нее ничего не изменилось. Она по-прежнему хваталась за любой заказ, по-прежнему получала гроши и даже не задумывалась о том, чтобы бросить свое занятие.

А потом разом открылись двери, в которые она не то что боялась стучаться – даже не думала о них. Ключом стала работа над иллюстрациями к книге для подростков известной писательницы Ники Авдеевой «Домашний волк моей бабушки». Книга была сложная, далеко не детская, от нее отказалось несколько художников, а те, кто брался, не нравились самой Авдеевой. Татьяна сразу отбросила мысль изображать волка в традициях Сутеева, как пытались сделать до нее. Никакой антропоморфности! И на лайку он не должен быть похож. Маркелова ложилась с книгой и вставала с ней, она знала наизусть каждую строку, но ей требовалось больше – пропустить сквозь себя крупницы текста, как сквозь сито, чтобы остался авторский замысел: то, что Авдеева не сказала, но хотела сказать. «Всегда слушай, о чем промолчали».

Татьяна слушала. И однажды среди ночи встала, в полубессознательном состоянии подошла к столу и вывела карандашом огромный косматый силуэт, ничем не заполненный. Волк вбирал в себя то, что было вокруг: дом, реку, горы, лес. Он был самой жизнью,

сконцентрированной в образе жутковатого зверя, которого удалось приручить только бесстрашной старухе, потерявшей любимого мужа и навсегда переставшей бояться смерти. От страницы к странице силуэт его разрастался, в итоге занимая целый разворот, а фигура бабушки, наоборот, уменьшалась и наконец поместилась в волка целиком. В финале книги героиня умирала. Маркелова нарисовала, как гигантский зверь несет уютно свернувшуюся в нем бабушку на Север, к истокам ее жизни. Закончив, Таня несколько секунд смотрела, не дыша, на результат своей работы, а затем вдруг подписалась детским именем, которым звал ее дед: Мура. Мура Маркелова. В следующий миг она уже спала, уронив голову на стол.

Успех книги был оглушителен. Ника Авдеева получила самую престижную награду, которую только может получить детский писатель: премию имени Андерсена. «Домашнего волка моей бабушки» обсуждали на форумах, бранили, хвалили и спорили. Татьяна в одночасье стала известным иллюстратором. Теперь перед ней открылись совсем другие возможности.

Муж был единственным из близких, кто не обрадовался победе. Для него этот год оказался тяжелым. Несколько заказов сорвалось, а когда в итоге одна из книг все-таки вышла с его рисунками, из-за недосмотра выпускающего редактора в выходных данных не поставили его фамилию. Вячеслав устроил скандал, издательство выплатило компенсацию, но он не мог забыть того, что случилось.

– Это ты украла мою порцию удачи, – сказал он однажды жене. – Пока у тебя не начало получаться, у меня все было хорошо!

– Славик, ты шутишь? – недоверчиво спросила Таня.

– И потом, – злея на глазах, продолжал он, – ты должна была проверить! Я не могу всем этим заниматься сам, не могу ходить за каждой тупой стервой и смотреть, указала ли она мое имя! Я для этого не приспособлен. Ты меня подвела! Не ожидал от тебя такого. Думал, могу на тебя рассчитывать...

Тане стало стыдно. Он так поддерживал ее в начале ее творческого пути... Когда она была нищей, никому не известной художницей, каждый день твердил, что когда-нибудь все получится, она добьется успеха.

И еще ей стало страшно. «Украла его порцию удачи»... Муж в самом деле так считает?

– Не талантом же ты прославилась! – фыркнул Слава. – Ну, правда, Тань... Давай начистоту: ты не мастер, ты – ремесленник. До хорошего художника тебе еще расти и расти. Ты просто попала в струю. Не забывай об этом. Уж мне-то ты можешь верить! Вячеславу Ковинскому устраивали

выставки, когда ты еще малевала покемонов в школьном блокнотике.

– Покемонов в моем детстве не было, – испуганно сказала Таня. Она всегда пугалась, когда он напоминал о разнице в их возрасте: обычно за этим следовал скандал.

– Оставь, пожалуйста, подробности своего нищего отрочества при себе, – сморщился муж. – Я пытаюсь объяснить тебе, что как профессионал ты не существуешь. Возможно, когда-нибудь появишься, если не поверишь всеобщим восторгам и не купишься на похвалы бездарностей, не отличающих Моне от Мане.

Что ж, Таня постаралась не верить восторгам. Организационную сторону всех его дел она взяла на себя. Встречалась с менеджерами, заключала договоры, пересылала работы мужа в издательство, добивалась, чтобы типография печатала календари Ковинского с минимальным искажением цвета... И всегда оказывалась виноватой, когда что-то не получалось.

Слава начал выпивать, ссорился с редакторами.

«Ты – серость, – твердил он жене. – Прими это со смирением и будь благодарна, что я говорю тебе правду. Ты попала в струю, потрафила низменным вкусам толпы. Все пишут в штаны от восторга, но твой последний проект – это художественная графомания. Трудись над собой, Танька!»

Однажды она увидела на подрамнике законченный пейзаж. В последнее время это случалось все реже: Слава не дописывал картины. «Слушай, какая прекрасная работа!» – искренне сказала она.

Слава молча вышел из комнаты, вернулся с ножом. Лезвие с треском вспорол холст. Муж изрезал картину, обернулся к перепуганной до смерти жене и сухо сказал: «Твоя похвала – это унижение для меня».

Таня стала плохо спать. Снился один и тот же кошмар: ей отрубаят руки. С чего бы ни начиналось сновидение, оно неизбежно скатывалось к одному и тому же финалу: ее ладони оказывались намертво приклеенными к столу, и кто-то из сидящих рядом доставал резак.

Измучившись, Маркелова записалась к психиатру. Однако прописанные им лекарства вызывали у нее сонливость и тошноту, а главное, ту вязкую неповоротливость мыслей, при которой невозможно было ни рисовать, ни придумывать.

Теперь и в минуты бодрствования ее стали настигать иррациональные страхи. Чудилось, что в магазине покупатели исподтишка показывают пальцем: смотрите, самозванка! Подходя к кассе, она боялась, что кассир откажется пробивать товар.

Татьяну не оставляло ощущение, будто ее вытащили за уши из черного цилиндра и вот она висит, обмякнув, под скрестившимися лучами софитов и взглядами зрителей. Белое и пушистое снаружи, перепуганное и трепещущее внутри. Спрячь меня, фокусник! Брось обратно в свою шляпу! Они так смотрят, словно я без пяти минут рагу.

Повседневные обыденные действия превращались в горные пики, на которые она карабкалась, теряя последние силы: маленький альпинист с паническим страхом высоты.

Спорить с мужем Татьяна не умела. Роскошь агрессии была ей не по карману: все силы уходили на то, чтобы не дать себе развалиться под его презрительным: «Дутое золото!»

В мае наступил просвет. Долгие, почти полтора года тянувшиеся переговоры внезапно завершились.

– Слава! – позвала она, придя домой. Муж не вышел. Таня сама отыскала его в гостинной, кинулась навстречу, лучась радостью. – ГУМ нанял меня оформлять каток на Красной Площади к следующему Новому году! Славка, это невероятно!

– И ты взялась? – изумился муж. – Но, Таня, ты опозоришься. Это не книжки для малолеток. Это большая серьезная работа. Ты понимаешь, что тебя ославят на весь мир? Твой позор будет виден каждому, ты никуда не скроешься. Даже я не смогу тебя защитить!

Иногда морок, держащийся годами, разрушается от одного-единственного слова.

– Защитить? – переспросила Таня.

Она вдруг первый раз в жизни увидела их пару со стороны: измученная женщина и мужчина, питающийся ее страхами; мужчина, который подвесил ей на ноги пудовую гирю и нахлестывал по спине кнутом.

Таня вышла на балкон и достала из шкафа чемодан. Слава наблюдал за ее сборами со скептической ухмылкой, но когда она начала складывать принадлежности для рисования, забеспокоился.

– Ты что, обиделась? Твои амбиции не выдержали моих трезвых речей?

На нее снизошла благодатная опустошенность: больше не имело значения, что говорил и делал этот чужой человек. Она собрала самое необходимое и вызвала такси.

– Если перешагнешь порог, я тебя обратно не пущу, – пригрозил Слава.

Таксиста она попросила отвезти ее на вокзал. Среди потока суеты, в котором Татьяна когда-то могла стоять часами, ей легче думалось.

К друзьям? Не хотелось никого обременять.

В гостиницу? Там нет нормального рабочего места, она не сможет рисовать.

Она прислушивалась к себе, пытаясь угадать, что ей сейчас необходимо. Подальше от людей, от города! В то место, где представить Славку просто невымыслимо. Туда, где ее никто не найдет...

К утру она была в Камышовке.

* * *

Сегодня лес наполнился звуками: треском, пощелкиванием, хрустом веток, словно они не вдвоем шагали по песчаной дороге, а в сопровождении невидимых жителей деревни. По обочинам и под деревьями лежал снег: тонкий слой, выглядевший так, словно двоечник застелил промокашкой испорченную работу с чернильными кляксами, однако грязь неумолимо проступала сквозь капилляры бумаги. Машину брать не стали: Красильщиков предупредил, что можно завязнуть.

– ...должны были насторожиться, когда узнали, что Худякова почти не общается с Возняком, – говорил Бабкин, продолжая начатый разговор. – А мы этого не сделали. Лопухнулись.

– А о чем это должно было нам сказать? Мало ли кто с кем в ссоре.

– Ты городской, поэтому не понимаешь. – Сергей перешагнул через толстую ветку, лежащую поперек дороги. – В деревне все! Всегда! Общаются друг с другом! Могут ссориться, ругаться, по пьяни дома поджигать и глотки резать. Но когда у одного дом отстроят заново, а у другого заживет горло, они будут сидеть на поминках за общим столом и распевать песни хором. Что не помешает им на следующий день сцепиться в драке. Месяц могут люди молчать, два могут. Даже полгода, хотя это крайности. Но чтобы двадцать лет жить по соседству и разговаривать лишь тогда, когда нужно обсудить судьбу городских бомжей, – нет, так не бывает без серьезнейшей причины.

– Худякова, похоже, сразу подозревала Возняка. А Бакшаеву она должна ненавидеть лютой ненавистью. Григорий хоть сына спасал, а эта за деньги парню жизнь загубила, не моргнув глазом.

На развилке двух дорог они остановились, сверились с картой.

– Налево.

– Ага. А пресловутая гнилая скамейка куда исчезла?

– Она не здесь, на следующем повороте.

– А, ну ладно. – Сергей осмотрелся, запоминая путь. – Так вот, про местных. Они все как на подводной лодке, и деться им с нее некуда. Так что волей-неволей будешь общаться. Это не потому, что они друг друга прощают. Вот уж нет! Таких из пальца высосанных поводов для ссор, как в деревне, еще поискать надо. Не найдут повода, так придумают, в придуманное поверят всей душой и будут искренне рыдать, что их обидели.

Он покосился на Илюшина, ожидая от него скептического замечания. В духе Макара было заметить что-нибудь вроде «С вами был “Вестник психологии сельской жизни”». Однако Макар саркастичных реплик не подавал, слушал внимательно.

– Вот поэтому я практически уверен, что Худякова знала о договоренности между Бакшаевой и Возняком, – закончил Сергей.

– Убедительно...

– Что-то ты подозрительно тих.

– Не выходят из головы Иван Худяков и Нина Ивановна, – неохотно сказал Илюшин. – Жил себе парень, зла никому не делал, за девками бегал и собирал птичьи яйца. С единственным врагом и то помирился. Мать, похоже, очень любил, а она в нем вообще души не чаяла. Ты знал, что у Худяковой вся семья погибла?

– Разом?

– Нет, по очереди ушли, за несколько лет. Сын у нее – единственный свет в окошке. Он еще и на ее любимого младшего брата похож. И этого безобидного пацана судят за убийство и поджог, пока он кричит, что ни в чем не виноват, отправляют отбывать срок, а там колесо закрутилось – и все. Не будет тебе нормальной жизни, не будет семьи, детей, работы, кошку не заведешь, яблоню в саду не посадишь. Вторая судимость за рецидив, и кукуй на зоне до конца своих дней. Вся жизнь улетела в тартарары. Вся, Серега, от начала до конца.

– Карма у парня такая. Макар, мне его тоже жалко...

– А мне не жалко, – сухо возразил Илюшин. – Мне удивительно, как Нина Ивановна осталась в здравом рассудке, когда узнала, что сына можно еще двадцать лет не ждать. И как у Веры Бакшаевой хватило наглости вернуться сюда, рискуя столкнуться с Худяковой лицом к лицу.

– У таких наглости на все хватает, – проворчал Бабкин. – Зато у нас третий подозреваемый, с увесистым мотивом.

– Знаешь, – сказал Макар, – был бы я на месте Худяковой, грохнул бы Веру и спал спокойно, без всяких угрызений совести.

– Ага. А я бы тебя разыскивал, потому что меня нанял бы

Красильщиков, – без улыбки ответил Сергей.

Некоторое время шли молча, огибая по обочинам подтаявшие лужи. Когда приблизились к очередному перекрестку, из кустов в двух шагах от Бабкина выскочил заяц. Сергей зычно гикнул ему вслед, и лес радостно принялся перебрасывать туда-сюда эхо, точно мальчишка, дорвавшийся до мяча.

– Видал, видал? – он возбужденно обернулся к Илюшину. – Здоровенный!

– С овчарку, – согласился Макар. – Карликовую.

– А уши какие! Как лопасти у пропеллера. Эх, жить бы здесь, – он мечтательно сощурился на переплетение ветвей в вышине, – завести бы ружье... ходить на охоту...

– ...застрелиться в феврале... – в тон ему откликнулся Макар.

– Чего это?

– Ладно, – покладисто согласился Илюшин. – Сначала спиться, потом застрелиться.

– Не вижу причин.

– Тоска, холод, грязь, смерть, старухи, тоска, комары, духота, пыль, шансон у соседа, клещи, грязь, холод, тоска, смерть, – перечислил Макар.

– Сирень цветет... – протянул Бабкин, зажмурившись. – Черемуха пахнет... Озеро разливается, девки ходят полуголые... Кстати, о девках! Что говорит Маркелова?

– Утверждает, что колотушку слышала почти всю ночь, потому что работала и не ложилась спать. На пожар не пошла, испугавшись воспоминаний.

– Всю ночь? – недоверчиво переспросил Сергей.

– Я имею в виду, до пожара.

– Ты по минутам записал?

– Естественно.

– Хорошо. Дома сверим, потому что Василий рассказывает другое. – Он помолчал, раздумывая. – Знаешь, что меня удивляет? Как Надежда рискнула продать чужую землю, зная, что сестра жива? На что она надеялась?

Макар снисходительно глянул на него.

– Люди, Серега, существа не рациональные, а эмоциональные. Она увидела дурака, готового выложить немислимые, по ее меркам, деньги, и схватилась за этот шанс, как рыба за червячка.

Впереди показалась скамья, над которой когда-то был установлен навес-грибок, но сгнил от сырости, обвалился, и теперь только основание

его трухлявой ножки торчало из земли. Они остановились возле нее.

– Резюмируем: веский мотив для убийства Бакшаевой был у троих. – Илюшин ладонью провел по скамье, сбрасывая опавшие листья. – Надежда продала дом без разрешения сестры и не хотела отдавать деньги. У Худяковой вполне очевидные причины для ненависти. Но больше всех в смерти Веры заинтересован Возняк. Выгораживал сына, подставил невинного... Правда, если бы Вера заговорила, она бы автоматически обрела на преследование и себя...

– Да ей, может, пофиг. – Бабкин снова бросил взгляд за спину. – Она как взбесившаяся овца: себе лоб расшибет, но забор все равно опрокинет.

– Ты слышишь кого-то? – Макар тоже насторожился. – Головой крутишь...

– Просто не дает покоя тот мужик, которого мы видели возле машины Бакшаевой... Он совершенно точно не из местных, но откуда взялся, ума не приложу.

– Из Уржихи?

– А побежал зачем?

– Каторжник это, – легкомысленно сказал Макар. – Гримпенская трясица... Кто это так страшно воет на болотах? Это сэра Генри кормят овсянкой!

– Баян!

– Не отрицаю. Ладно, двинулись. До избушки еще пара километров, если верить Маркеловой. Хотя я предлагаю ей не верить. Врет она... как и все остальные.

Однако Татьяна не обманула: через двадцать минут неторопливого шага справа от дороги открылась тропа, уходившая в глубь леса. Снег на ней был вытоптан.

– Ходил кто-то, – озабоченно сказал Сергей. Он присел на корточки и пытался разобрать отпечатки следов на мокрой листве.

– Может, сами егеря?

Дальше двинулись без разговоров, время от времени оглядываясь. Чистый светлый березняк перешел в смешанный лес, затем перед ними встали высоченные дряхлые ели, под которыми земля была словно вытоптана и посыпана блеклой желтой хвоей.

– В лесу родилась елочка, – пробормотал себе под нос Бабкин. – В лесу она росла...

Сидевшая на ветке ворона покосилась на него неодобрительно.

– Ворон ворону глаз не выклюет...

– Ты чего там, камлаешь? – обернулся Макар.

– Зубы заговариваю.

– Кому?

– Всем, – твердо сказал Бабкин. – А вот и наш коттедж.

Они остановились на краю поляны, рассматривая невзрачную избу, осевшую глубоко в землю. Скаты крыши поросли седым лишайником.

– Дымом тянет, нет? – шепотом спросил Бабкин.

– Не чувствую. – Илюшин принялся. – Но снега на ступеньках не видно. И по тропе ходили.

– Давай, что ли, внутрь сунемся. Чего мы тут кишки морозим!

– Давай. Только осторожно.

– Пусто там, – проворчал Бабкин. – Иначе бы печь топили. Не шкурами же они греются...

Он оказался прав. Когда поднялись на крыльцо и толкнули дверь, под ее безысходный скрип разглядели всю скудную обстановку: грубо сколоченный стол, две табуретки, топчан и печь. Возле небольшой батареи консервов на столе лежала записка, призывавшая случайного путника не свинячить в доме, а консервы употреблять без жадности, чтобы хватило и на других.

– Макар! – позвал Бабкин. – Печь не холодная.

– Когда топили?

– Ну ты вопросы задаешь! Я тебе что, следопыт? Не знаю. Просто вижу, что кирпичи не успели окончательно остыть.

Однако больше никаких следов присутствия человека в доме не нашлось.

– Двигаем. – Сергей провел пальцем по консерве с тушенкой и посмотрел на серый след пыли. – Или хочешь засаду устроить?

Макар не успел ответить – снаружи послышались шаги. Оба замерли, где стояли.

– Вера! – позвал негромкий голос. – Вера, ты здесь? Слышь! Не бойсь! Не обижу...

Дверь распахнулась, и перед изумленными сыщиками появился Григорий Возняк. Повисла тяжелая пауза.

– А вы чего здесь? – процедил охотник, переводя взгляд с Макара на Бабкина.

Не дожидаясь ответа, повернулся, чтобы уходить. До Сергея донеслось ругательство.

– Опять хотите денег ей предложить, Григорий Матвеевич? – раздался насмешливый голос.

Возняк замер. А затем очень медленно обернулся и уставился на

Макара.

– Что ты сказал?

– Душновато здесь. – Илюшин расстегнул куртку. – Я спросил, это вы отправили Петра убить сына вашей жены? Не похоже, чтобы Петр самостоятельно додумался, кто настоящий отец Леньки. Хотя мог и заметить сходство. Так кто из вас решил сжечь семнадцатилетнего мальчишку?

Раздался странный глухой звук, нечто среднее между воем и стоном, от которого Бабкин вздрогнул и недоуменно огляделся, не понимая, откуда он идет. А затем Возняк двинулся на Макара.

«Это он воет!»

Лицо охотника сделалось страшно. Губы зашевелились, словно изнутри рвались слова, однако из горла вылетало лишь это жуткое завывание; Григорий побелел как мертвец и глаза его остекленели. Он отшвырнул табуретку, оказался возле Илюшина и схватил его за шею.

Попытался.

За секунду до того, как его пальцы сомкнулись на горле Макара, охотника отбросило в сторону. Возняк поднялся, удивленно тряс головой, словно не понимая, что произошло, и обнаружил, что между ним и его жертвой стоит новое препятствие.

– Не советую, – сказал Бабкин.

Мгновение спустя по комнате покотился гигантский ком, сносящий все на своем пути. Илюшин отскочил за печь и вжался в угол. Рука его нащупала что-то твердое.

Бабкин отшвырнул своего врага раз, отшвырнул другой, третий. Происходило что-то небывалое: он физически чувствовал волну беспощадной ярости, которую излучал охотник; она звенела в ушах и холодила кровь. Возняк, казалось, обезумел: он рвался к Илюшину, будто единственной целью его жизни было свернуть ему шею.

Сергей раз за разом отражал эти попытки, встав стеной между Макаром и озверевшим, потерявшим человеческий облик мужиком. Но он уставал, а тот от каждой неудачи впадал в еще большее исступление. Кулаки его молотили, не разбирая, и Бабкин уже только защищался, слабей с каждой секундой.

Наконец один из ударов достиг цели. Он охнул, согнулся пополам, и громадная тяжелая туша навалилась на него сверху. Бабкин оказался погребен под издыхающим китом; он барахтался, но не мог вылезти, а тот давил, давил сверху, словно хотел проломить доски пола и уйти на дно вместе со своим врагом.

И вдруг все разом прекратилось. Сквозь шум в ушах Сергею показалось, будто он услышал голос Илюшина.

– В сторону, – сказал Макар. – Без резких движений! Стрелять буду сразу, без предупреждения. Ты упырь. Тебя не жалко.

Это прозвучало по-детски и вместе с тем так ужасающе чистосердечно, что Бабкин понял: Илюшин выстрелит. Зря они притащились в эту чертову деревню. Зря согласились на просьбу Красильщикова. Это место что-то сломало в его бессердечном веселом друге, всем вежливо сочувствовавшем и никого не жалевавшем; он слишком близко к сердцу принял историю мальчишки, которого Возняк и Бакшаева сообща отправили в тюрьму. Макар убьет охотника, и после этого ничего никогда не станет прежним.

– Макар! – прохрипел он. – Не надо!

Неожиданно стало много воздуха и много пространства. Он глубоко вдохнул и сел.

Возняк скрючился рядом, не шевелясь. Лицо его снова окаменело. Сергей с облегчением увидел, что оно набухло клюквенной краснотой, включая прижатые к черепу уши. Если бы Возняк и после такой драки не утратил своей жутковатой бледности, впору было бы считать его вурдалаком.

За его спиной стоял Илюшин и держал в руках кочергу. Чугунный конец был прижат к шее охотника.

Бабкин оцепенел.

– Вставай! – сказал Макар. – Иди к двери.

Григорий подчинился. Что будет, если он обернется и увидит, что в руках Илюшина нет огнестрельного оружия, Сергей старался не думать.

– Проваливай! Увижу тебя рядом, буду стрелять. Надеюсь, тебе хватит ума не поджигать эту избушку и не возвращаться сюда с ружьем.

Возняк толкнул дверь и остановился на пороге. Глядя на широкую фигуру в белом прямоугольнике света, Бабкин вдруг отчетливо понял, что нужно сделать.

– Эй, Григорий, – позвал он.

Охотник слегка обозначил движение головой.

– Ты не смотри, ты слушай, – торопливо посоветовал Сергей. – Убийство Леньки мы не докажем. И ты это знаешь, и мы это знаем. Но если выкинешь какой-нибудь фокус, вся деревня будет в курсе, что ты семнадцать лет валандался с пацаном, которого твоя жена родила от другого. То-то они порадуются, считая годовые кольца на спиле твоих рогов! Понял ты меня, Григорий?

Возняк как-то странно дернул головой и вышел.

Илюшин кинулся к окну. Когда огромная фигура охотника окончательно скрылась за деревьями, он выдохнул и опустился на табурет.

Бабкин задвинул засов и обернулся к нему.

– Ты ополоумел?

– Я то же самое у тебя хотел спросить, – отозвался Макар. – Ребра целы?

– Не в ребрах моя печаль. – Кряхтя, Сергей подошел к столу, взял холодную банку и прижал к скуле. – Ты зачем его взбесил?

– А ты зачем ему добавил?

– Чтобы он тебя не убил, остолопа! И вообще, – он вдруг ужасно рассердился, – это страшное свинство с твоей стороны!

– Прости, Серега!

Бабкин опешил.

– Чего?

– Извини! Я просто не смог удержаться, когда увидел этого уroda. Клянусь тебе, если б у меня мелькнула хоть тень подозрения, что он полезет в драку, я бы смолчал.

– Ладно, хрен с ним, – пробормотал Сергей, почувствовав себя неловко. Макар редко считал себя виноватым и еще реже извинялся. Лучше бы он делал вид, что все идет как должно! Бросил бы что-нибудь небрежное в своем духе, типа, ребра срастутся, а синяки пройдут, – и этого было бы более чем достаточно.

Бабкин насупился еще сильнее и сидел, чувствуя себя идиотом, прижимая банку к щеке, пока она не нагрелась.

– Думаешь, Возняк вернется? – спросил Макар после долгого молчания.

– Вряд ли. Как ты додумался приставить ему к башке кочергу?

– Решил, что проломить всегда успею.

Сергей хмыкнул.

Что-то важное все время ускользало из фокуса его внимания, как те стекловидные червячки, что плавают перед глазами, если сильно устанешь, но оказываются всякий раз в стороне, едва соберешься рассмотреть их как следует.

Он перевел взгляд в окно. Воображение дорисовало фигуру охотника, выходящего из леса.

И тут он вспомнил.

– Возняк звал Веру!

– Что? – поднял голову Макар.

– Возняк, когда подходил к избушке, звал Веру. Помнишь? Обещал, что не тронет ее. Елки-палки! Это что же получается?

– М-да, – сказал, помолчав, Илюшин. – Получается, что Григорий ее не убивал.

* * *

В тереме было тепло и чисто, путался под ногами кот Арсений с хвостом, лихо закинутым на спину и имевшим несомненное сходство со страусиным пером на шляпе, трещали поленья в печке и пахло чем-то воодушевляющим, вроде пирогов с грибами. Бабкин принялся: действительно, грибы.

– Вернулись! – встал им навстречу Красильщиков. – Ого! А что у тебя с лицом?

Бабкин отмахнулся. Мысли о еде вытеснили воспоминания о недавней драке.

– Вы пирогов напекли, – неопределенно-уважительно сказал Илюшин. Красильщиков покраснел.

– Это Татьяна заходила. Она иногда... В общем, бывает...

Илюшин с Бабкиным продолжали смотреть на него, и Андрей поторопился сменить тему:

– А что с вашей поездкой? Нашли лагерь и избушку?

– Нашли. И в лагере тоже побывали.

Илюшин сказал правду: придя в себя после встречи с Возняком, добрались и до лагеря, благо идти оставалось всего три километра. Прогулка обоим пошла на пользу. Сам же лагерь оказался местом не таинственным, как ожидал Макар, а скучным, больше всего похожим на помойку, куда сваливают картофельные очистки и рыбьи кости. Домики были разграблены и пусты, в корпусах гулял ветер. Уныло и холодно.

– А зачем они вам понадобились? – не удержался Красильщиков.

Илюшин оценил его терпение. Хозяин терема, куда бы они ни собирались, вопросов не задавал, кроме одного-единственного: что им понадобится взять с собой. Хотя не мог не терзаться, ожидая результатов расследования.

И вот рискнул проявить любопытство.

– Мы подозревали, что там может скрываться Вера Бакшаева. – Илюшин сел напротив него.

– Веру Бакшаеву я убил, – со спокойствием, доведенным до

автоматизма, возразил Красильщиков.

– Нет, Андрей Михайлович. Вы ее убивали, но не убили.

И Макар рассказал, что на самом деле случилось в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое августа.

Красильщиков, слушая его, ни разу не изменился в лице, и лишь тогда, когда Макар дошел до возвращения Веры к жизни, протянул к нему по столу большую красную ладонь, как если бы собирался что-то взять и на полпути передумал. Это чрезвычайное спокойствие чем дальше, тем больше казалось Илюшину ненормальным. Наконец он замолчал. Красильщиков смотрел на него, и лицо его по-прежнему было лишено выражения, как у спящего без снов. Единственное изменение заключалось в том, что он заметно побледнел.

– Михалыч, – позвал Бабкин. – Все в порядке?

Илюшин встал и отошел в сторону. Взгляд Красильщикова, прикованный к нему, не метнулся следом, а так и остался, словно завис, устремленный в пустое пространство.

– Лови, – быстро сказал Илюшин.

В следующую секунду Бабкин подскочил к хозяину, и крайне своевременно: не меняя позы, не дернувшись и не застонав, Красильщиков повалился всем корпусом, точно срубленное дерево, и рухнул бы на пол, если бы не Сергей.

– Тяжелый, – прокряхтел Бабкин. – Не стой столбом! Помоги!

Вместе они перетащили несчастного Красильщикова на диван.

– Надеюсь, не помер, – проворчал Бабкин.

– Не переживай: он почти весь гонорар нам уже перечислил.

– Гнида ты циничная, – сказал Сергей с удовлетворением человека, не обманувшегося в своих ожиданиях.

Красильщиков дернулся и открыл глаза.

– Лежите, Андрей Михайлович. – Илюшин сел рядом. – Мой друг сейчас вам лекарство принесет.

В аптечке нашлась груда пузырьков и блистеров, наводившая на мысль о том, что Красильщиков либо крайне предусмотрителен, либо не так здоров, как хочет казаться. Бабкин пожал плечами, отыскал в шкафу початую бутылку и вернулся к Красильщикову с кружкой, наполненной на треть.

– Коньяк? – хрипло спросил Красильщиков, понюхав воздух над кружкой.

– С валерьянкой, – невозмутимо уточнил Бабкин. – Пирожком закуси!

Понемногу на лицо хозяина вернулся румянец.

– Извините, – виновато сказал он, отводя глаза. – Не ожидал такого... Господи, живая! Я... ее... а она... – Красильщиков махнул рукой и молча опустошил кружку. – Если бы не вы...

Сергей похлопал его по руке.

– Слушай, Андрей Михалыч, вот какое дело... С точки зрения закона, имело место покушение на убийство. Сорвалось по независящим от тебя обстоятельствам. Я тоже рад, что не ты ее убил, если ее вообще кто-то убивал. Но...

– Плевать на закон, – перебил Красильщиков. – Я человека жизни не лишил, понимаешь ты? Мне ночами снилось, как я сижу возле печи и жгу ее туфлю, а в комнате такая вонь, будто там не обувь, а целый живой человек сгорает. У меня в носу этот запах стоял, я просыпался от гари. А она живая! Живая!

– Это большой вопрос.

Илюшин сел рядом и рассказал оставшуюся часть истории.

– Андрей Михайлович, мне нужно понимать, что делать дальше. Если Бакшаева жива, она может быть где угодно. Если ее кто-то убил, мало шансов, что мы ее найдем. Скорее всего, это сделает кто-то другой, и случится это не нарочно. Например, грибки пойдут в лес и наткнутся на кости, разбросанные волками. Хотите, чтобы мы продолжали искать дальше? Это может быть очень долгий и бесплодный процесс.

– Хочу, – сказал Красильщиков без колебаний. – Если она жива, то объявится снова, и я не могу сидеть в ожидании этого момента, угадывая в каждой приближающейся женщине фигуру Веры. Я не знаю, чего от нее ожидать! Она совершенно непредсказуема.

«Возняк ее ищет по этой же причине, – подумал Макар. – И Надежда, если только не она убила сестру, сидит и трясется, представляя, как возвращается этот ураган и снова нарушает естественный ход ее жизни. Все они боятся и хотят ее отыскать. Только я не хочу».

Красильщиков уловил его сомнения.

– Я заплачу... – начал он.

– Не в этом дело.

Недоуменный взгляд Бабкина мешал Макару сосредоточиться, чтобы придумать убедительное объяснение, потому что имевшееся не годилось. «У меня дурное предчувствие» – так он должен объяснить, почему собирается бросить расследование?

Хорош профессиональный сыщик!

– Нас ждут большие сложности... – выдавил он наконец и почувствовал, что Бабкин недоумекает еще сильнее.

– Можно тебя на пару минут? – вкрадчиво сказал Сергей.
Когда они вышли в коридор, Макар прикрыл дверь.

– В чем дело? – вздохнул он.

– Это я у тебя хотел спросить. Какие большие сложности? По-моему, из-за сложностей мы раньше не бросали дела на полпути.

– Почему на полпути? – попытался протестовать Илюшин, но сдался прежде, чем Бабкин начал возражать. – Ладно, ладно, ты прав.

– Я тебя не понимаю!

– Послушай, – начал Макар, тщетно ища, за что бы зацепиться, – Красильщиков нанял нас потому, что считал себя убийцей, и единственным способом как-то примириться с самим собой для него было – понести наказание. По закону. Теперь нам известно, что он не убивал Бакшаеву, она была жива, когда охотник и сестра вытащили ее из могилы. Можно считать, что наша миссия исполнена, и остановиться на этом.

– Успокаивать совесть Красильщикова – работа психотерапевта. Нас наняли, чтобы найти женщину, и мы этого до сих пор не сделали.

– И не найдем. Все, что от нас зависело, мы выполнили.

– Нет, не все, и ты об этом знаешь. Мы не опросили жителей Уржихи, а там могут найтись свидетели. Мы не связались с Петром, не установили за ним слежку, хотя есть вероятность, что Бакшаева испугалась и вернулась к нему. В конце концов, ответ на запрос до сих пор не пришел...

– Какой запрос?

Бабкин раздраженно мотнул головой.

– И Красильщиков просит тебя о том же, – настойчиво продолжал он. – Ты не можешь даже оправдаться тем, что оставляешь клиента удовлетворенным.

– Звучит не очень, – заметил Макар.

Сергей не заметил иронии.

– Может, я чего-то не знаю? Или ты боишься, что я очумею рядом с Маркеловой? Забуду дом, семью, жену и деток?

– У тебя нет деток.

– Вот видишь! Уже слабею памятью.

– Хорошо, убедил. – Илюшин раздраженно отпихнул вьющегося под ногами кота. – Но давай хотя бы поставим себе разумные сроки! Ты же понимаешь, мы можем крутить это колесо вхолостую много дней.

Бабкин задумался, подсчитывая.

– Неделя, – сказал он наконец. – За это время или появятся новые зацепки, или окончательно станет ясно, что дело тухлое.

Илюшин молча кивнул. Они вернулись в комнату, где ждал

взволнованный Красильщиков.

– Мы работаем по вашему делу дальше, Андрей Михайлович, – сказал Макар и заставил себя улыбнуться в ответ на обрадованную улыбку Красильщикова.

Чуть позже, когда они намечали план действий, он заметил на себе пристальный взгляд Бабкина.

– Ну что? – спросил Макар.

– Ты мне так и не сказал.

– Что?

– Почему ты хочешь отсюда сбежать.

– Не сбежать!.. – запротестовал Илюшин.

– Правда? А как еще это называется? Я тебя разве что за уши не держу, чтобы ты не слинял. Это из-за твоей тети? Травма юности?

Илюшин поднял на Бабкина неприязненный взгляд.

– Травма юности к делу не относится. Камышовка твоя мне ненавистна, и оставаться тут я не желаю!

– Камышовка моя – отличное место, – возразил Бабкин, тоже начиная злиться. – Родная русская деревня! Даже алкашей – не сто процентов жителей, а всего сорок. Я бы тут запросто годик провел! А ты нос воротишь, и без всякой причины.

– Знаешь, что такое твоя русская деревня? – холодно сказал Макар. – Приехал сюда мужик, хороший мужик, умный, ответственный. Восстановил редкий дом музейной ценности и заодно начал помогать всем вокруг. Жизнь потихоньку стала возрождаться. И чем у него все закончилось? Я тебе скажу! Сумой и тюрьмой. По старинной русской традиции.

– А деревня здесь при чем? – помрачнев, спросил Бабкин.

– Ни при чем? – удивился Илюшин.

И вышел.

Сергей молча приблизился к окну и ткнул кулаком в подоконник. Спихнулся, присел на корточки, но трещины, слава богу, не было. Не хватало еще своими руками разрушить здесь что-нибудь.

Внутри него ворочалось громоздкое, не оформленное словами, – да что там словами! – даже в подобие мыслей не переводимое ощущение огромной убежденности в неправоте Илюшина. «При чем здесь деревня? Ни при чем здесь деревня!» – яростно бормотал он, борясь с желанием догнать Макара и выложить ему этот довод. «При чем здесь деревня? Ни при чем!» Но он понимал, что с таким уровнем аргументации Илюшина не

переспорить.

* * *

Григорий, заходя в дом, споткнулся на крыльце. Это случилось с ним прежде лишь однажды: за неделю до смерти жены. Он встал как вкопанный, тупо глядя на ступеньку, словно надеясь в трещинах и потеках краски разглядеть ответ. Постоял, качаясь, и шагнул в сени.

Привычные с детства комнаты казались чужими. Он не сразу сообразил, с какой стороны рукомойник. Комната плыла, пахла дурным запахом. *«Вся деревня будет в курсе...»*

Вода из чайника, которую он бросился жадно хлебать, точно горячечный больной, имела гнилостный привкус, хотя он сам набирал свежую воду из колодца только вчера. Григорий принюхался. Гнилью воняло все: и стол, и вода, и шкаф... Он поднес к носу собственную руку и отдернул: сильнее всего пах он сам.

Больше смерти, сильнее увечья он всю жизнь боялся осмеяния. И вот оказался в шаге от него. Его бросят на поругание тем самым людям, которых он презирает. Этого еще не произошло, но случится. Сыщики не будут хранить его тайну.

Никто не станет задавать вопрос, что было не так с женой Григория, как он спрашивал самого себя долгие годы; никто не станет вспоминать ее, пытаясь осознать, какой душевный изъян заставил Анну предпочесть убогого слизняка собственному мужу. Зоотехник! Нет: все станут говорить, что причина в Возняке. *«От хорошего мужа жена гулять не станет!»*

Григорий обхватил голову руками. Он сжимал ее, словно пытаясь выдавить оттуда змейки чужих шепотков, но они извивались, свивая гнездо.

При мысли о том, какие объяснения будут найдены измене, Григорий побелел. Нет такой похабщины, которую постеснялись бы высказать вслух его односельчане.

И Петр не избежит этой пытки. Даже после смерти отца ему нельзя будет появиться в Камышовке без того, чтобы кто-нибудь из старух, скаля зубы ему в лицо, не поинтересовался: точно ли его папаша – Гришка Возняк? Может, кто из Уржихи? А то вообще приبلудный, городской!

И хохот! Едкие смешочки, улыбочки, гнусные подмигивания, сплетни за спиной, едва он отвернется.

Из хозяина деревни Григорий Возняк превратится в шута.

Он съежился, скрючился, пытаясь уменьшиться. Затем резко вскочил, схватил с вешалки куртку и набросил на плечи, не в силах отделаться от стыдного ощущения, будто он совершенно голый стоит среди толпы одетых людей.

В минуту просветления Григорий попытался мыслить разумно. Как они узнали, эти столичные сыщики? Что предпринять? Подкупить их? Умолять Красильщикова, чтобы убедил их молчать? Однако всякая рассудочная деятельность оказывалась парализована, стоило Григорию представить, что все откроется.

Комната плыла, предметы то таяли, то вновь обозначали себя в пространстве, но в неуловимо изменившемся виде, и это было даже хуже, чем их полное исчезновение. Они тоже глумились над ним. Он схватил тетрадный лист и ручку, силясь заставить себя написать план действий и тем самым упорядочить невообразимый хаос, разъедавший его ум и душу. Конвульсивно стиснутые пальцы выцарапывали на бумаге одну лишь абракадабру. Он был словно во сне: бежал – и не мог двинуться с места; придумывал одну идею спасения за другой, но они оборачивались галиматьей. Рушился, пропадал его мир, и уже преждевременно пах гнилью и тлением.

«Они ведь и про Петра расскажут», – прорезался чей-то пронзительный голос в его измученной голове.

Сумбурные мысли Возняка приняли новое направление.

Расскажут про Петра... Верка подтвердит... Она видела, как он поджигал... Тогда что же – тюрьма? Петька пойдет в тюрьму за убийство брата?

Возняк от ужаса громко клацнул зубами. Мертвые звери со стен глядели на него с ехидством: что, Григорий, прикончил ты нас? Теперь тебя убьют. Ни в берлоге не спрячешься, ни в норе.

А если сказать, что сам поджег? Что Петьки в помине рядом не было?

Нет, Верка не даст соврать. Да и Петр слишком глуп, чтобы держаться этой версии.

Суд, тюрьма, посмешище.

Петьке конец.

Жизни конец.

В отчаянии он молча воззвал к покойной жене: «Помоги!» Но Анна не приходила. Григорий пытался вызвать в памяти хотя бы крыльцо, и женщину в вечерних лучах, и курочка сидит у нее на руках, точно котенок, а пальцы жены задумчиво перебирают рыжие перышки на птичьей спине. Но кто-то вторгался в его воспоминания, переписывая их, и крыльцо

лизали языки пламени, а за крыльцом огонь перекидывался на избу, и вот уже все горело, а среди пожара ходила страшная рыжая курица с пылающей головой. «Зачем, Гриша, ты не дал жить моему мальчику?»

Хохот, крики, треск огня, бабьи выкрики: «Гляньте, гляньте-ка на него!», – и он посреди шумящей толпы, огрызающийся, точно загнанный зверь.

На дом опустились сумерки. Григорий, погруженный в кошмар наяву, не услышал скрипа двери и не заметил, как за его спиной выросла темная фигура.

Глава 7

* * *

Сергей Бабкин проснулся рано утром от неясных звуков. Было тихо; он постоял, прислушиваясь, но не смог понять, что его разбудило. Обуваться не стал: босиком вышел из комнаты и заглянул к Макару. Илюшин спал.

По ступенькам вниз, наискосок через залу, где в витражных мозаичных окнах уже вызревает теплый свет, по длинному коридору с окованными сундуками, выстроившимися вдоль стены друг за другом, как вагончики. Он присел перед средним, поднял крышку. Внутри оказались выглаженные комплекты постельного белья. А он-то думал, что сундуки – нечто вроде театрального реквизита... Зная Красильщикова, следовало понять: все вещи в доме используются по назначению.

До него донеслись негромкие голоса. Дальняя дверь была приоткрыта. Крадучись, Сергей дошел до нее. При желании он мог двигаться совершенно беззвучно. Ни одна половица не скрипнула под ним.

В комнате кто-то возился и шуршал одеялом.

– Из тюрьмы будешь меня ждать, красавица моя? – раздался голос Красильщикова.

– Что ты хочешь, чтобы я тебе ответила?

Бабкин вздрогнул. Маркелова!

– Неправду, – засмеялся тот.

– Буду, – со смешком отозвалась Татьяна.

– Иди сюда! Лгунья моя...

Сергей отступил на шаг.

– Подожди, сквозняком открыло.

Когда Красильщиков подошел к двери, за ней никого не было.

«Как мы и предполагали, – сказал себе Бабкин, поднимаясь по лестнице. – Ясно, отчего Маркелова так старательно его выгораживала. Могла и убить, запросто... Ведьма!»

В своей спальне Красильщиков с сожалением посмотрел на часы и погладил женщину по загорелому плечу.

– Танюша, тебе пора...

– Гонишь меня? – Татьяна перехватила его руку и в шутку прикусила

белыми зубами. – За репутацию боишься?

– За тебя боюсь. – Андрей встал, начал одеваться. – Если мои пинкертонеры тебя заметят, внесут в черный список. Там все, у кого были причины ненавидеть Бакшаеву.

Маркелова прищурилась:

– Думаешь, я из-за тебя могла бы убить человека?

Он порывисто обернулся, взял ее руку, прижался губами к узкой ладони.

– Знаю, что не могла. Просто хочу уберечь тебя от неприятных расспросов.

– Уверен?

– Представь себе, абсолютно. – Он с улыбкой посмотрел на нее. – Будь ты убийцей, мы бы с тобой, наверное, не смогли быть...

Он осекся, почувствовав, что говорит не то.

Татьяна рассмеялась:

– Торжественно клянусь, что не убивала никого, крупнее мышей! Да и мышей-то... Не сама, а мышеловкой. Это не остановит тебя от того, чтобы затащить меня в постель в следующий раз?

– А когда будет следующий раз?

– Когда я приду!

– А когда ты придешь?

Они засмеялись, глядя друг на друга.

– Я на минуту, не больше, – пообещал Красильщиков. – Никуда не убегай!

Когда дверь за ним закрылась, улыбка исчезла с губ Маркеловой.

* * *

Палка. Палка. Огуречик. Вот и вышел...

Нет, не вышел.

Илюшин сердито скомкал альбомный лист и броском отправил в мусорную корзину.

В каждом их деле рано или поздно наступал этап, когда он брался за карандаш и переносил на бумагу всех фигурантов расследования, изображая их порой в самом причудливом виде. Здесь работало подсознание, и, выпущенное на волю, оно давало новый толчок расследованию. Надо было лишь не задаваться вопросами, отчего Красильщикова он видит бульдогом, а Маркелову – куропаткой, хотя она

ничуть не похожа на невзрачную толстую птицу.

Только не в этот раз. Сколько Макар ни пытался, карандашные фигурки на листе оставались немые. Его рисунок не оживал, хотя Андрей и Татьяна были ухвачены верно, он это чувствовал.

«Зайдем с другой стороны», – сказал себе Илюшин.

Вернувшийся Сергей застал его с планшетом.

– Что делаешь?

– Еще раз смотрю, у кого нет алиби на начало пожара. Позвонил?

– Позвонил. – Бабкин сел на кровать и почесал за ухом деликатно мяукнувшего кота Арсения. – Пронина обещала зайти в квартиру Возняка, проверить. Но она практически уверена, что Бакшаева в Москву не возвращалась. Говорит, она могла сорваться и уехать в другой город, как частенько и поступала прежде.

Илюшин взглянул на него:

– Странно это, Серега.

– Слинять в Екат без документов и денег?

– Что такое Екат?

– Екатеринбург. Сокращенно.

– Господи, – с ужасом сказал Макар. – Не говори так больше никогда.

– Ладно, – покладисто согласился Бабкин, – буду называть его, как принято среди местных: Ебург.

– Местные тебя за такое распяли бы и сожгли. Нет, я не о Свердловске. Если Бакшаева жива, странно, что она исчезла бесследно.

– Испугалась, – пожал плечами Сергей.

Макар с сомнением глянул исподлобья:

– Она собиралась вернуться и шантажировать Красильщикова. Что должно было случиться, чтобы она передумала? – Он поднялся и подошел к окну. – Нет, Серега, здесь что-то не то. Если Бакшаева спряталась в избушке егерей и успела смыться оттуда до нашего прибытия, почему не давала о себе знать? Чего она ждет?

– Мы не знаем наверняка, давала или нет, – возразил Сергей. – Почти все, что нам известно об этом деле, мы записали со слов Надежды. Бакшаева может врать. Возняка бы прижать покрепче! Пусть хоть что-нибудь подтвердит или опровергнет.

Макар оглянулся и выразительно посмотрел на него через плечо.

– Согласен, не лучшая идея.

– А не может быть такого, что Возняк играл в расчете на нас? – Илюшин побарабанил пальцами по стеклу. – Он же охотник. Увидел издалека, что к дому ведут следы, и притворился, что ищет Веру...

– Мы шли по тропе, снега на ней не было, вряд ли он читает следы по мокрой листве, – возразил Сергей. – По-моему, он действительно не ожидал нас увидеть.

– Может быть, может быть...

Илюшин перестал барабанить так же резко, как начал, и вернулся к своему рисунку. Кот перебрался к нему и стал ходить туда-сюда, незаметно подталкивая лапой карандаш к краю столешницы.

– Почему у тебя лист расчерчен пополам? – Сергей привстал и склонился над столом.

– Пытаюсь связать лето девяносто первого и нынешнее. Общего пока – только пожар.

– А может, случайно загорелось? – Бабкин сел по-турецки. – Август был жаркий, Надежда выпивает, да и покуривает...

– Бакшаева ушла из дома за сестрой, и не было ее... дай-ка посмотреть... два часа! Сомневаюсь я, что окурок способен тлеть в траве два часа. Минут тридцать, кажется, не больше... Плохо, что поджигателем у нас может быть кто угодно. Я бы ставил на Василия!

– Зачем ему это?

– Не нравится он мне.

– Мне тоже. Но моего вопроса это не снимает. Если бы он вызвался сам бродить по ночам, я бы понял твои подозрения. Но Нина Ивановна подтверждает, что Василий в гробу видал следить за безопасностью Камышовки, и если бы она не настояла, ни за что не стал бы этим заниматься.

– А его история с домом Филимоновых подтверждается?

– Ну, у него есть ключ, этим ключом можно отпереть дверь, и бар Филимоновых – пуст, – усмехнулся Сергей.

– У них есть бар? В самом деле? Бар – в деревенском доме?

– Нет, конечно. Просто я обыскал шкафы и не обнаружил ни одной бутылки.

– Прежде ты не стал бы шарить по чужим домам, – заметил Макар.

– Теряю под твоим влиянием человеческий облик.

Илюшин замолчал и изобразил в углу листа старика с прищуренными глазами. За его спиной возникла плечистая старуха с седой косой: Худякова.

– Все разваливается, – бормотал Макар. – Ничего друг с другом не связывается... Бакшаева возвращается сюда много лет спустя, чтобы выпросить денег у сестры, и обнаруживает, что ее земля и дом проданы, и не кому попало, а богачу – в ее представлении богачу, конечно. Она решает,

что Красильщиков – куда более аппетитная жертва, чем ее сестра, и идет к нему, составив четкий план, а Надежда с Возняком за ней следят, чтобы быть в курсе происходящего. Зачем младшая Бакшаева позвала Григория?

– Чтобы он грохнул старшую, – подал голос Бабкин.

– Если бы он ее грохнул, то и Надежде бы пришел конец. Возняк не стал бы оставлять свидетелей. Допустим, она говорит правду: позвала от беспомощности. Вера не умеет вовремя остановиться, а в лице Красильщикова она встретила тип человека, с которым прежде не сталкивалась. Он впал в состояние аффекта, придушил ее, и она очнулась только через час, когда ее откопали. Пока все верно?

– Если верить Надежде, – в который раз согласился Бабкин.

– Хорошо. В девяносто первом старший сын Возняка поджег дом Бакшаевых, зная, что в сарае спит его младший брат, которого его мать родила от другого мужчины. Предполагаю, что Петр сделал это с ведома или по прямому указанию отца. Парень погиб, Вера спаслась, и Возняк предложил ей денег, чтобы она дала ложные показания. Худякова осталась без сына, а Григорий отправил своего подальше из деревни... И, подозреваю, от старшей Бакшаевой.

– ...а тот все равно с ней связался.

– Да. Это, кстати, дополнительный повод Григорию ненавидеть Веру. Сына он, похоже, очень любит. Вряд ли Петр мог скрывать от отца, что Бакшаева тянет из него деньги год за годом. Мы по-прежнему возвращаемся к тому, с чего начали: мотив для убийства был у Надежды, Григория, Худяковой и, в общем, у самого Красильщикова.

– Михалыча предлагаю не рассматривать, – проворчал Сергей. – Если только у него не амнезия.

– А было бы очень смешно, – без улыбки сказал Макар.

Он снова вернулся к своему рисунку. На листе возникла горбатая старуха с гусарскими усиками – Капитолина Кулешова, а неподалеку от нее улитка в скрученном рожке. «Яковлева», – догадался Сергей. Портреты Илюшина при всей их простоте, даже примитивности, всегда били в цель.

– Это же карикатура, – фыркнул Бабкин. Глаза улитки на коротких стебельках смотрели в разные стороны.

Илюшин продолжал рисовать. Снежную поверхность листа заселили жители Камышовки. Появился даже Чижик, по случаю холодов второй день ночевавший в доме и гонявший кота Арсения. Кот обрадованно шипел, играючи удирал от пса по лестнице и потом сверху заинтересованно смотрел, как Чижик с опаской преодолевает одну ступеньку за другой.

– А Белка где? – спросил Сергей. – Худяковская шавка?

– В космосе, – туманно ответил Макар.

Зазвонил телефон Бабкина. Сергей встал, чтобы выйти, не желая разговором мешать Илюшину, но услышав первые же обращенные к нему слова, застыл посреди комнаты. Кот и Макар, почувствовав неладное, устали на него.

– Ты уверен? – спросил Бабкин после долгой паузы. И снова замолчал.
– Понял тебя, Дмитрий Евгеньевич. Спасибо, я твой должник.

– Следователь? – спросил Илюшин, когда Бабкин нажал отбой. – Не томи, Серега. Что случилось?

Бабкин взял карандаш и пунктирной линией обвел размытое лицо, перечеркнутое решеткой.

– Это Иван Худяков... – насторожился Илюшин.

– Помнишь, ты спрашивал, какого запроса я ждал? – спросил Бабкин.
– Следователь отправил его по моей просьбе в колонию. Сегодня пришел ответ. Пятнадцатого марта две тысячи двенадцатого года Иван Степанович Худяков, отбывавший наказание в мужской исправительной колонии ИК-восемнадцать в Мордовии, совершил побег. Последние четыре года он находится в розыске.

Илюшин изменился в лице.

– Каторжник!

* * *

Белка залаяла, предупреждая о чужаках, и Худякова выпрямилась, поставила на садовый табурет банку с краской. Топали они от калитки, голубчики, хмурые, словно она их подвела или обманула. Хотя обещаний говорить им правду, видит бог, Нина не давала. Особенно мрачная рожа была у первого, Макара. Второй-то с такой физиономией по жизни ходит, а этот обычно все же повеселее глядит.

Она последний раз мазнула кистью по коре.

– Здравствуйте, Нина Ивановна, – сказал Илюшин.

– Да вроде здоровались уже, милый... Что-то вы грустные. Уезжаете?

– Остаемся, – пообещал Макар. – Нина Ивановна, ваш сын, Иван, когда в последний раз к вам приходил? Я имею в виду, сюда, в этот дом.

О как! Худякова шмыгнула, сняла с табурета банку и утвердила ее в земле под яблоней, плотно, чтобы не перевернулась. Села, руки сложила на груди.

– Быстро же вы разузнали, голубчики! – В голосе ее не звучало ни

сожаления, ни злости. – Я думала, еще пара недель у меня в запасе имеется.

– И на что вы собирались их потратить?

– Да ни на что. – Старуха потерла нос. – Вон, яблони побелить. И лучку бы еще грядку-другую досадить.

– Лук в ноябре не сажают, – сказал Илюшин.

– Сажают, – буркнул Бабкин.

– Правда? – Макар удивленно посмотрел на него.

– Вот видишь, сколько ты у нас нового выяснил, – усмехнулась Худякова. – Прав твой друг, еще как сажают. Озимый лук называется. Вкуснющий – ух! Весной приедешь к нам, я тебя угощу.

– Боже меня упаси возвращаться сюда! – искренне сказал Макар.

– Это ты зря...

– Нина Ивановна, когда Иван приходил?

Они не ожидали, что она ответит, но старуха задумалась, загибая пальцы.

– Апрель, май, июнь... В июне двенадцатого года Ванюша был здесь. У меня один из моих мужичков уже квартировал в то время, я сыну в сарае постелила.

– И долго он у вас оставался?

Худякова высоко подняла брови.

– Что ему тут делать? Переночевал и в бега пустился! Милые вы мои, его вся деревня знает в лицо! Сдали бы через пять минут. Была у меня мысль, не скрою, сделать для Ваньки что-то вроде схрона, но, во-первых, я такую работу в одиночку не осилю, а Ванька очень слабый был в то время. Во-вторых, у меня же мужички. Они сдадут еще быстрее наших. Благодарности от них ждать не приходится – вон хоть на Василия посмотрите. Нет, Ваня у меня остаться не мог.

– И где он сейчас?

Старуха безмятежно улыбнулась. «Вот же хладнокровная бабка, – с восхищением подумал Сергей. – Макара за нос водила, теперь нас обоих водит».

– Нина Ивановна, я с вами лукавить не буду, – сказал он. – В лесу на болоте мы нашли машину Веры Бакшаевой. Сейчас ее забрал следователь, но я не об этом... Когда мы шли, за нами следил человек. Я пытался его догнать и не смог.

Худякова слушала внимательно.

– Кладбище располагается по дороге к домику егерей, да? И когда вы ходите на могилу убитого Леонида Возняка, ничто не мешает вам пройти чуть дальше и принести вашему сыну еду. Никто ведь не контролирует,

сколько времени вы там проводите.

– Незачем Ваньке четыре года здесь околачиваться, – фыркнула старуха.

– Я тоже так думаю, – неожиданно согласился Макар. – Я думаю, он вернулся не так давно и узнал от вас, что Бакшаеву ищут. И решил найти ее первым. Других причин бродить вокруг деревни, как волк, у него нет.

Худякова ничего не ответила.

– Нина Ивановна, отговорите его, – попросил Илюшин. – Он ведь ее убьет.

– Ну и что? – голубые глаза ясно и удивленно взглянули на него. – Пусть убивает.

Повисло молчание.

– А с грехом как быть? – озадаченно спросил Макар. – Вы же верующая...

– Око за око, зуб за зуб. Верка моего мальчика убила, теперь он ее убьет. Все справедливо.

– Она его не убивала...

– Не убивала, говоришь? – Худякова поднялась и встала перед ними в полный рост. Оба непроизвольно отступили на шаг назад. – Она его жизни лишила, Макар. То, что с ним потом случилось, в чем-то и похуже смерти. Ты мне скажешь, что везде люди живут... Везде, да не всякие. Ваня был хороший парень... У Веры ничего не дрогнуло, когда она в суде слова свои лживые говорила, а у меня, значит, должно дрогнуть? Это ее я должна защищать от своего сына? Пальцем не пошевелю! Лучше пусть у меня язык отсохнет!

– Его ведь будут судить за убийство! – пытался увещевать ее Бабкин.

Она рассмеялась.

– Пускай сначала поймают! Четыре года ловят, а он все гуляет, солнце мое!

– Нина Ивановна, вы знаете, где Вера Бакшаева?

Губы старухи плотно сжались.

– Нина Ивановна, дорогая вы моя... Если мы доберемся до нее раньше вашего сына, есть шанс, что мы заставим ее сказать правду о том, что случилось в девяносто первом...

– Нет такого шанса! – отрезала старуха. – И ты об этом знаешь! Такие как Верка лгут, пока у них язык шевелится, и пакости творят до последнего вздоха. А то и дальше! Она уже в могиле будет разлагаться, а черви станут травиться идохнуть от ее гнилого мяса! Даже земляным тварям навредит. Вот что она такое! Не уговоришь ты ее, не запугаешь и не подкупишь! Она

тебе в лицо станет смеяться и кукиши крутить. Понял? А Ванька хорошее дело сделает, если избавит мир от гниды; могла бы – сама бы избавила, взяла бы грех на душу.

Худякова подхватила банку с белилами и пошла к дому.

– Нина Ивановна! – вслед ей крикнул Илюшин. – Кто такой Игорек? У Яковлевой?

– Внук ее, – отозвалась старуха, не оборачиваясь. – Помер в десять лет в городской больничке. А больше я на твои вопросы отвечать не стану, так и знай.

Хлопнула дверь.

– Вот тебе и кроткая старушка, – протянул Макар. – А рассказывает, будто пытается постичь, что угодно от нее Господу... В который раз убеждаюсь: в каждой системе ценностей человек любому своему поступку найдет оправдание!

Бабкин думал о своем.

– Раньше надо было сообразить, что ее сын сбежал! Василий сказал, что как минимум последние два года она не уезжала из Камышовки. Почему? Потому что перестала ездить на свидания. Зачем, если сына там все равно нету?

– М-да, железная старуха. Слушай, а ведь у нас появился готовый кандидат на роль поджигателя.

– Думаешь...

Макар кивнул.

– Думаю, это Иван. Повторить поступок, которого он не совершал, но за который его осудили... В этом просматривается логика. Но что теперь делать нам?

– Донести все, что мы узнали, до следователя, и уезжать, – твердо сказал Бабкин.

– Ты час назад хотел остаться!

– Мне не нравится идея конкурировать в поисках Бакшаевой с беглым эском. Пусть его ловят те, кому за это зарплату платят.

– Однако у нас так и нет объяснения, где прячется Вера. Хотя...

Макар замолчал.

– Хотя – что?

– Я подумал вот о чем: зная ее характер, не удивился бы, если бы она сама решила выследить Худякова.

– Для этого совсем дурная баба должна быть, – усомнился Сергей.

– Она такая и есть.

Мысли Илюшина от Бакшаевой возвращались к Нине Худяковой. Они

знакомы всего несколько дней. В самом начале он опрометчиво решил, что понимает ее, и через несколько часов старуха преподнесла ему сюрприз. Пришлось перенастроить внутреннюю оптику. Он снова, ничему не учась, занес ее во внутреннюю картотеку, в тот ящик, где находились люди умные, стойкие, самостоятельно мыслящие, почти всегда пережившие большую беду; люди с крепким внутренним стержнем, которые, кажется, не ломаются, что бы с ними ни случилось.

А главное – он ей снова поверил.

И что же? Худякова опять повернулась другой стороной.

Это что-то изменило в его отношении? Ни на йоту. Он узнавал о ней все новые и новые факты, но раз сформулированное мнение оставалось неизменным, и если отбросить все красивые слова о внутреннем стержне и крепком характере, в чистом остатке получалось вот что: ему нравилась Нина Ивановна Худякова. Просто-напросто нравилась, что бы она ни совершила.

«В который раз убеждаюсь: независимо от своей системы ценностей человек найдет оправдание поступкам тех, кто ему симпатичен», – подумал Илюшин.

Проходя мимо дома Яковлевой, Макар замедлил шаг. В окне маячил знакомый силуэт.

– Серега, ты иди... Я догоню.

– Рассказать Красильщикову о том, что мы узнали?

– Думаю, можно. И скажи ему, что мы сворачиваемся. Пусть Бакшаева с Худяковым играют дальше в свои игры без нас.

* * *

Тесная комнатка, старушка со штопкой у окна – все выглядело точно так же, как вчера, словно стрелки часов вернулись на сутки и снова начали отсчитывать минуты, которые уже кто-то прожил.

– Лариса Сергеевна, – позвал Макар.

– А-а, Игорек! – она повернулась к нему с сияющей улыбкой. – А я тебя жду. Ягод в саду набрала...

На скатерти действительно стоял дуршлаг. Внутри, к его удивлению, и впрямь высилась горка ягод: замороженная вишня, начавшая подтекать красно-розовыми пятнами на скатерть. Макар поблагодарил, унес дуршлаг со всем его содержимым на кухню и пересыпал вишню в пакет. Морозильная камера оказалась доверху забита смородиной и клубникой;

сверху на них лежала обглоданная куриная кость. Кость он выкинул, дуршлаг сполоснул.

– А я все жду тебя, жду, – упрекнула Яковлева, когда он вернулся. – Глянь-кось!

В пальцах у нее оказалась не штопка, как ему показалось сначала, а носок, который старушка довольно ловко вязала на четырех спицах.

– Я вот что подумала: туфли-то принесешь, а нога у меня съежилась. Худая совсем нога, нехорошая. – Она с огорчением приподняла и показала раздутую ступню. – Велико будет! Как носить? А тут носки! Шерстяные. Не свалится с них. Думала, все позабыла, но руки помнят, и спицы у меня хорошие, Филимонова дарила, Борис Ефимыч помог с врачом, когда она Митю своего лечила...

Илюшин, слушая ее лепетание, пытался понять, отчего оно действует на него успокаивающе. Быть может, причина заключалась в том, что он, остро боявшийся утраты памяти и рассудка, впервые видел перед собой человека, чье беспомощество оказалось... легким? Человека, чья болезнь была не лишением, а милосердием? Он вспомнил Бориса Ефимовича, который на фотографиях стоял рядом с женой. В деревне все как один заверили, что он был отличным мужем. «Борис Ефимыч на нее молиться был готов, – сказала Худякова. – И Лариса его очень любила. Больше ничего не умела делать, по совести говоря, а вот любить умела. Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что это особый дар. Даже если бы Борька обнищал и пошел по миру голым и босым, Лариса пошла бы за ним. Очень я ее за это уважала».

Снизу в Макара требовательно постучал жесткий кулачок. Он вздрогнул и очнулся от своих мыслей.

– Туфлю, говорю, нашел? – строго спрашивала Яковлева. – Жду тебя, жду...

Илюшин вытащил из кармана затасканную картонку с контуром ее ступни.

– Чего ты мне ею размахиваешь! Ты обувь мою неси... Я тебя зачем кормлю, обалдуя!

Но Лариса Сергеевна так же быстро утихла, как рассердилась, и продолжила вязать, шевеля губами.

«Даже если бы Борька обнищал и пошел по миру голым и босым...»

Эта фраза всплыла в памяти, точно притопленный мячик, избавленный от груза. Но при чем здесь старушка? При чем здесь покойный Борис Ефимович, заботливый муж, друг фотографа Ильясова, которому тот оставил часть своего архива?

«Я чего-то не разглядел на фотографиях?»

Илюшин вновь достал желтый конверт и медленно перебрал снимки, вглядываясь в них так тщательно, словно пытался силой взгляда переместиться в прошлое и очутиться рядом с этими людьми, вдохнуть воздух, которым они дышали.

Ничего. Он дышал затхлым воздухом в доме старухи Яковлевой, пока она вязала носки, чтобы несуществующие туфли, которые он никогда не принесет, были ей впору.

Вера Бакшаева прячется в лесу, сказал себе Макар. Мы так и не выяснили, зачем она это делает. Вот что плохо! Всего лишь раздраженное любопытство дергает меня и не дает успокоиться. Вера Бакшаева прячется неподалеку, пока ее ищут Григорий Возняк и Иван Худяков; оба – чтобы убить. Но это ведь не мое дело, правда?

– Это не мое дело, – вполголоса повторил он.

– Что, Игорек?

– Ничего, Лариса Сергеевна.

Илюшин собрал фотографии и сложил в пакет. Здесь нет того, что он ищет.

Вера Бакшаева осталась ждать, пока сестра и Григорий вернутся за ней. Сообразила ли она, что ей нужно держаться от Возняка подальше? Она действительно была слаба или притворилась, чтобы не быть на виду, когда все сбегутся на пожар? Вера неплохо соображала. Кроме тех случаев, когда за нее начинала говорить злость или жадность.

Вера Бакшаева была неуравновешенной. Но во всех ее поступках прослеживалась логика. Даже в попытках сбежать от собственной жизни, переезжая из города в город.

Илюшин вдруг понял, что не так. Для этого ему потребовалось в кои-то веки прислушаться не к другим, а к самому себе.

Он все время говорил о Бакшаевой в прошедшем времени.

«Она мертва».

Это единственный верный ответ на вопрос, отчего никто из них не может ее найти: ни охотник Возняк, способный выследить в лесу человека и зверя, ни Иван, которого ведет ненависть, ни они вдвоем с Сергеем. Бакшаева внезапно исчезла; Бакшаева не могла сбежать из деревни; в Камышовке нет людей, готовых помочь ей прятаться, – из этих трех условий неумолимо следовало одно заключение: ее нет в живых. Он всегда знал это, с самого начала.

И еще он был непростительно слеп.

А все потому, что она нравилась ему. Не Бакшаева, а та, другая. Она

направилась ему, и он не замечал очевидного.

«Мне ночами снилось, как я сижу возле печи и жгу ее туфлю», – сказал Красильщиков.

«Баба все ходила, лучом в меня светила, – сказала Яковлева. – Я ей кричу: брось, брось туфлю! А она мне кулаком грозится».

«Я ее поначалу и не узнала, – сказала Надежда Бакшаева. – Приоделась! Балетки такие фасонистые напялила!»

– Лариса Сергеевна, я скоро вернусь.

Макар выбежал из дома, забыв надеть куртку, за калиткой спохватился, но махнул рукой. Добежал до дома Бакшаевых, постучал в окно.

Тишина.

Он постучал снова. Ну же, ну! Сегодня воскресенье! Она не могла уйти!

– Надежда! – заорал он во весь голос и заколотил так, что затряслись стекла.

За окном мелькнуло заспанное лицо. Через пару минут хлопнула дверь, и на крыльцо вышла, кутаясь в халат, Надежда.

– Поспать-то мне можно? – хмуро спросила она.

– Балетки, – сказал Макар.

– Чего?

– Балетки, в которых приехала Вера... Вы сказали: фасонистые. Почему?

– Какая дура в белой обуви сюда поедет? Навоз в них месить, что ли?

Макар выдохнул.

– Когда вы раскопали ее, она была в этих туфлях?

– Балетках, – мрачно поправила Надежда. – Да. В них.

– Вы уверены?

Она удивленно посмотрела на него, хотела возразить, но вдруг задумалась. Опустила взгляд на свои ноги, обутые в розовые тапки с заячьими ушами, и неуверенно сказала:

– В одной. Вроде бы. Точно, в одной! Я еще подумала, что вторая осталась в земле, но решила, что ради Веркиных башмаков второй раз копать не стану.

Илюшин поблагодарил и медленно пошел обратно.

Он знал ответ на свой вопрос, но хотел услышать, как это произнесет Яковлева.

– Лариса Сергеевна...

Старушка, задремавшая в кресле, открыла глаза, глубоко вздохнула и поправила очки.

– А, это ты... Борис Ефимович вернулся?

– Он на кухне, пьет чай, – сказал Макар. – Лариса Сергеевна, помните женщину, которая украла вашу туфлю? Она светила острым лучом сквозь окно...

Взгляд ее был таким расслабленным, таким безмятежным, что Илюшин испугался: а если старушка снова все забыла? Если теперь ее время отсчитывают другие часы, и в этой ветке не случилось женщины, идущей ночью с ворованной обувью в руках?

– Помню, – спокойно сказала Яковлева. – Мы с тобой про нее уже говорили.

– Да, – согласился удивленный Макар, – говорили. Лариса Сергеевна, вы ее узнали?

– Видела где-то, давненько уж... Она все ходит, одежду ему поправляет...

– Кому?

– Мальчонке, – сказала Лариса. – Холодно ему.

Зря я вернулся, подумал Макар. Переоценил ее.

– Борис Ефимович забрал его из пионерского лагеря, – продолжала Яковлева. – Чего, говорит, торчит он там, мерзнет! Все разъехались, не вернутся... – Глаза ее затуманились от слез. – Одному-то плохо, верно? Если ты человек, совсем тошно. А если дура каменная... Тоже не сладко, а?

– Армированный фибробетон, – машинально сказал Илюшин.

– Ась?

– Мальчонка. Бетонный он, а не каменный.

– А, ну пускай так... Она возле него все шастает. Воровка эта. Уй, ни стыда ни совести! – Старушка вытерла слезы. – Как звать ее? Сам-то помнишь? Вы все к ней гуляете, я видала!

– Татьяна ее звать, – сказал Макар. – Татьяна Маркелова.

– Правильно! – Яковлева обрадовалась. – Такая хорошая девчоночка была... Я помню ее бабушку с дедом. Она теперь вместо них, значит... А сами они где?

– Я не знаю, Лариса Сергеевна...

– Эх ты, дурачок! – Она протянула руку и ласково взъерошила ему волосы. – Ну, ступай; погуляй иди. Да возьми конфетку в шкафу, для тебя припрятала. Мне все говорили, ты от воспаления мозга умер, а я не верила...

Выйдя, Илюшин все еще чувствовал прикосновение ее легкой маленькой руки. Ветер освежил его, встрепанные мысли пришли в порядок. Татьяна Маркелова, да. Это имя он и ожидал услышать. Наконец-то вся

картина, которую до этой минуты ему показывали по частям, обрела цельность. Оставалась лишь одна деталь – та самая, о которой упоминали все, но которой он до последнего не придавал значения.

Илюшин знал, где нужно ее искать.

* * *

– Пришел, – сказал Григорий, не оборачиваясь. – Где ты был? Где был, спрашиваю?

– Поздоровался бы сначала, – буркнул Петр.

Он обошел стол и сел напротив охотника, точно так же широко облокотившись на столешницу.

Тот, кто увидел бы их в эту минуту, в первую секунду поразился бы сходству отца и сына, во вторую – различию. Черепа обоих словно отливали в одной форме, и материал на обтяжку пошел один: грубая пористая кожа темно-желтого оттенка. Но первый производил впечатление сосредоточенной силы, второй был вял, сутул и странно расслаблен. Взгляд его был мутен.

– Ты здоров? – Григорий пристально смотрел на сына.

– Кашлял. Перестал.

– Почему раньше не приходил?

Петр помялся.

– Я думал, ты с *этой* в избушке егерей! Искал тебя!

– Один я там был. Веры нет нигде, – хмуро сказал Петр и закашлялся. Большое тело содрогалось, и Григорий ощущал, как дергается стол, будто и мебели передалась его болезнь. – За хавчик спасибо, бать...

– «Хавчик»! – передразнил Григорий. – Шляешься по лесам, людей пугаешь... А чего? Зачем?

Петр сосредоточенно помолчал.

– Машину нашли, бать... На болоте...

– Знаю! Сам ее туда отогнал. Нашли, твари, и ментам сдали...

Лицо Возняка скривила гримаса боли.

– Ты чего, бать? – Петр вскочил и кинулся к нему. – Бать? Сердце?

Он нелепо захлопал по телу Григория, ощупывая его, словно рассчитывая найти рану, из-за которой страдает отец.

– Брось! – прикрикнул охотник. – Я тебе что, комарами обсижен?

– Плохо тебе? А? Ну! Скажи!

– Нормально...

Возняк откинулся на спинку стула, тяжело глядя на сына.

– Где Вера?

– Не знаю... – рот Петра страдальчески скривился, будто тот собирался зарыдать. – Я ее искал... везде... ждал! Пришел – ее нету; я стучал, ходил вокруг, а она... У-у-у-у, шалава! – вдруг страшным голосом сказал он. – Гореть бы ей, стерве... Я полешко-то подкинул, бать, под ее хату.

Петр хихикнул и принялся раскачиваться, пусто глядя сквозь отца.

– А ну перестань... – с тихой угрозой сказал Возняк.

– Гори-гори ясно-о-о...

– Хватит!

Охотник ударил ладонью с размаху по столу, так что подпрыгнули фотографии на стенах. Петр вздрогнул и очнулся.

– Я кому говорил: даже спички с собой не носить! – прошипел отец.

– А я того, – Петька глупо ухмыльнулся. – Зажигалочкой...

Возняк приложил ладони к вискам и застыл, погрузившись в тусклое бесчувствие.

Очнулся он от того, что кто-то трогал его за колено.

– Бать, ну бать, ты чего, бать, я не хотел, ну! Чесслово, не буду больше... – бубнил Петька, сидя перед ним на корточках. – Спалить хотел суку... ночью пришел, стучу, а никого... куда делась? По мужикам пошла, шалава... Я больше не буду, бать... мне бы только найти ее, вернуть надо, вернуть...

– Замолчи, – глухо потребовал Возняк.

– ...куда я без нее, – бормотал сын, – не хочу, не могу, дышать нечем... и вот тут, вот тут тесно, в груди... а если огонек развести, то повеселее... огонечек, он как собака лижется... и весело от него! Как водочки принял! Ух, весело!

– Замолчи! – выкрикнул Возняк.

Петр осекся.

– Ну, ты чего, бать? – огорченно спросил он.

– Те мужики, которых ты видел в лесу... которые тачку нашли... Тьфу! – вскинулся Григорий. – Зачем ты Верке ее отдал?

– Не отдавал я! Сама взяла!

– Пес с ней! Слушай: те мужики прознали про все.

– Ты о чем? – недоверчиво спросил Петр.

– О пожаре. И про Леньку. Как Бакшаевы горели.

Лицо сына приобрело сонное, осоловелое выражение.

– Бакшаевы горели... – отрешенно повторил он.

– Да! Слушай, Петька... – Возняк наклонился к сыну, обхватил ладонью его затылок, тесно прижался горячим лбом к его лбу. – Петенька, сынок, они ведь заложат нас. Сдадут, Петь! Они твари знаешь какие?.. Их Красильщиков купил на корню... Всех купил! Тебя под суд отправят, меня опозорят... Понимаешь теперь, какие у нас дела творятся? Они меня избили, эти двое... пистолет приставили к башке, вот сюда ткнули. – Он с силой нажал на влажную ямку на шее под волосами. – Мы, говорят, все про тебя расскажем. Убить нас хотят, сынок, мешаем мы им, подличать мешаем... сначала егерей на меня натравили, теперь вот это... Только эти двое знают, а больше никто... Я бы их в лесу закопал, но вот сюда, прямо сюда прижали... не дернешься... Это дрянные люди, сынок, не люди вовсе, ты бы слышал, какие они мне слова говорили... Не люди они, таким и жить не надо.

Он на секунду замолчал, испугавшись того, что выпалил, будто в горячем бреду.

– ...не надо! – глуховатым эхом откликнулся сын.

– Нет, Петька, не надо! – с нервным смешком подтвердил Возняк. – От них все зло. Они хуже бешеной собаки. Всех кусают. Собаку давно бы пристрелили...

Слова упали, и Григория снова окатил страх. Но он тут же сказал себе, что ничего, ничего-ничего, пусть знают, как целиться в него... они первые начали, не он. Они приехали сюда, на его землю, и стали рыться, точно крысы в помойке. Он ведь просил их уехать, по-человечески просил. Но они не послушали.

– На тебя никто не подумает... – еще тише шепнул Возняк, так тихо, что не услышал самого себя. И не мог бы сказать наверняка, был ли вопрос сына «Где они?», или ему почудилось.

– У Красильщикова, – выдохнул он словно бы в никуда. Как будто разговаривал сам с собой. В этом ведь нет ничего дурного...

«Нет ничего дурного», – повторил Возняк про себя, вновь ощущая, как поднимается и сковывает его уже знакомое оцепенение. Он сидел, согнувшись, пока жар разбухал в нем, и ему казалось, что он пылает, потому что Петька, окончательно сойдя с ума, поджег и его. Все горело: и Верин дом, и терем, и избушка егерей, и Камышовка со всеми ее обитателями...

Сколько продлилось это состояние, Григорий не знал. Когда он очнулся, в комнате никого не было. Он поднялся, пошатываясь, точно пьяный, не уверенный до конца, что приход сына ему не почудился.

Подошел к сейфу, открыл его и увидел, что исчез гладкоствольный

«Вепрь», купленный как замена старой «Сайге» полтора года назад.

* * *

На перилах крыльца сидела Татьяна в спортивных штанах-шароварах и ярко-желтой куртке; Красильщиков стоял перед ней, держа ее за руку, и на секунду Илюшину показалось, будто он явился в разгар матримониального предложения. Однако из-за угла терема вышел Бабкин в сопровождении жизнерадостного Чижика, вилявшего хвостом, и Макар облегченно выдохнул. Странно было бы, вздумай Андрей Михайлович просить руки и сердца при таком свидетеле.

Он все же произвольно замедлил шаг. Они казались счастливыми, эти двое. Что хуже: приносить дурные вести к чужому счастью или к чужой беде? Омрачать или усугублять? – вот в чем вопрос.

Илюшин спрятал левую руку за спину.

– Макар! – воскликнул Красильщиков, заметив его и явно обрадовавшись. – Идите скорее сюда!

– Сергей рассказал нам про Ивана Худякова. – Маркелова прыгнула с перил и спустилась ему навстречу. Ладонь Красильщикова она по-прежнему крепко сжимала в своей. Лицо утомленное, под глазами синие круги, – кажется, единственная встреченная им женщина, которой шли синие круги под глазами. Илюшин подумал, что еще не видел ее такой восторженной. – И про Веру Бакшаеву тоже рассказал. Вы проделали огромную работу! Андрей ничего мне не говорил, но после того, как выяснилось, что Вера жива, признался. – Она с укоризненной улыбкой обернулась к Красильщикову. – А я пыталась... Простите, я действительно пыталась ввести вас в заблуждение. О его галлюцинациях... Выдумка, и крайне глупая, но поймите и вы меня, пожалуйста...

– Я понимаю, – сказал Макар. – Вы пытались помочь... другу.

– Жениху, – поправил Красильщиков, широко улыбнувшись. – Черт, дурацкое слово... Правда же, дурацкое, Танюша? На самом деле отличное! Я так рад, что вам первым могу об этом сообщить!

«Нет, не почудилось мне», – подумал Илюшин.

Красильщиков притянул к себе Татьяну, обнял за плечи.

– Поздравляю! – Бабкин неуклюже потряс ему руку. Маленькую ладонь Татьяны бережно принял в свои лапы и аккуратно встряхнул.

– Вы не представляете, как мы вам благодарны, – сказала она, переводя взгляд с Бабкина на Илюшина. – И я, и Андрей... Это была

ужасная история, которая, я признаюсь, мешала... препятствовала...

Она смешалась, замолчала и неловко рассмеялась.

– ...мешала вашим отношениям, – закончил Макар за нее.

Повисло молчание.

– Вы как-то странно это говорите, – сказала наконец Татьяна.

Взгляд ее остановился на его руке, спрятанной за спину.

– Что там у вас? Бомба? Вы бомбист? Честное слово, выглядите как студент, готовящийся взорвать батюшку-царя.

Бабкин, быстрее остальных понявший, что происходит что-то не то, подошел ближе.

– В самом деле, Макар, – встревожился Красильщиков, – вы здоровы?

– Я здоров, Андрей Михайлович. Мне просто совсем не хочется говорить то, что я должен сказать.

Теперь все они перестали улыбаться.

– Видите ли, я никак не мог понять, отчего Вера Бакшаева, если она осталась жива, не дает о себе знать целых три месяца. Она из тех, кто очень быстро принимает решения. Ее главной целью были вы, Андрей Михайлович. Если бы все пошло, как задумала Бакшаева, ей удалось получить бы достаточно денег, чтобы не работать ближайшие десять лет. Подозреваю, она и терем у вас отжала бы. Практически уверен. И вот все эти планы не были реализованы – отчего?

– Она придумала что-то другое, – не совсем уверенно сказал Красильщиков.

– Почему тогда Вера тянет? Чего она ждет?

– Наступления какого-то события? – предположила Маркелова. – Или она испугалась Худякова и вернулась в Москву.

Илюшину надоел этот спектакль.

– Из всех людей, которые имели отношение к Бакшаевой, на пожар опоздали двое – Худякова и Василий, а два человека не пришли вовсе. Один из них – Яковлева. А второй – вы.

– Я же вам объяснила...

– Да-да! Вы испугались пожара, вызывавшего у вас неприятные воспоминания, и остались работать дома. Сидели у окна, слушали колотушку бывшего бродяги. Когда Василий признался, что с часу ночи выпивал в пустом доме Филимоновых и не стучал колотушкой, я подумал, что вы зачем-то создаете ему алиби. Но для чего? Какой в этом смысл? Вы не дружите, не общаетесь... Была у меня и вторая версия, более правдоподобная: вы не обратили внимания, когда замолчала колотушка. И только когда я предположил, что в действительности вы создаете алиби

себе, а не бродяге, все встало на свои места.

– Что встало, Макар? – тревожно спросил Красильщиков. – Таня, о чем он говорит?

Татьяна молчала.

– Я не включал вас в круг людей, у которых был мотив для убийства Бакшаевой, – сказал Илюшин. – А зря. Ведь вы собираетесь выйти замуж за Андрея Михайловича. Хотите быть хозяйкой терема, правда? Красивая картинка: художница, жена человека, восстановившего уникальное здание.

Красильщиков выпустил ладонь невесты и шагнул к Макару.

– Что вы себе позволяете?

– Андрей!

– Нет, Таня, подожди...

– Михалыч, дай ему договорить!

– Я никому не позволю нападать на мою...

– Андрей! подожди!

– Эту чушь пусть другие слушают!

– Успокойся, тебе говорят!

– Я сама должна была...

– ...Таня, не говори ничего, я сам с ним разберусь!

– Андрей, не надо!..

– ...она дело говорит...

– Ваша подруга убила Веру Бакшаеву, – внятно сказал Макар.

Все замолчали.

– Что? – сердито переспросил Красильщиков. И вмиг сделавшись растерянным, переспросил: – Что-что-что-что? «Ваша подруга?» Кто это? Как?

– Татьяна, как вы ее убили?

Губы женщины плотно сжались.

– Танюша, что он такое... Нет, это бред... Слушай, Сергей, бери своего друга, он пьяный или обкуренный... Ты обкуренный, да? Елки-палки! Знал бы я раньше, я бы в жизни не нанял...

– Окна дома Маркеловых выходят на площадь перед горнистом, – сказал Илюшин. – Татьяна работала ночью, как всегда. Рабочее место – не в маленькой комнате, а в главной, потому что только там достаточно широкий стол. Да и славки с пеночками не поют в августе. Вы, Татьяна, подслушали разговор Бакшаевых с Возняком и уяснили из него одно: Вера собирается отнять у Красильщикова все. Включая терем. Никаких сомнений в намерениях Бакшаевой быть не могло, она высказалась ясно. И тут начался пожар. Помогла чистая случайность: Иван Худяков выбрался из

леса и поджег дом. Надежда Бакшаева с охотником кинулись тушить огонь, а Вера осталась. И не просто осталась, а пошла в сторону терема.

– С чего ты это взял? – не выдержал Красильщиков.

– Потому что дом Яковлевой находится на полпути между горнистом и вами.

– При чем здесь старуха?

– Лариса Сергеевна сказала, что в ночь пожара какая-то женщина ходила перед ее окнами, светила острым лучом. Татьяна, вы взяли с собой фонарик, когда пошли следом за Верой?

Молчание.

– Но дело не в фонарике. Яковлева считала, что замеченная ею женщина – воровка, потому что украла ее белую туфлю. Была у нее когда-то такая ценность: пара белых лодочек. Она отчетливо видела и запомнила, что лодочка была у той в руке. Единственное, чего она не смогла разглядеть, – что это была не туфля на каблуке, а балетка. В них удобнее вести машину. Одну, Андрей Михайлович, вы сожгли в ночь убийства. А вторая свалилась, когда на нее напала Татьяна.

Он вытащил руку из-за спины. Сквозь полиэтиленовый пакет виднелась грязная белая балетка.

Маркелова приглушенно ахнула.

Красильщиков резко обернулся и посмотрел на нее.

– Я думаю, вы оттащили тело за чей-то дом, – продолжал Макар, – поэтому вряд ли решились убивать ее ножом: кровь осталась бы на траве... Скорее, задушили. Все душили Веру Бакшаеву. Там полно заброшенных домов, а вы справились быстро. Наверное, закидали ее чем-нибудь, чтобы сестра и охотник не наткнулись случайно на тело. Балетку захватили с собой, и на обратном пути вас увидела Яковлева, которую вы ослепили лучом фонаря. Я все думал: зачем вам понадобилась туфля? От тела вы избавились на следующую ночь, но что мешало закопать улику? Не оставили же вы ее на память об убийстве...

– Перестань, – вдруг сказала Маркелова.

– Я тоже рассудил, что это нелепость, – согласился Илюшин. – Вы, Татьяна, практичный человек. Наметили выйти замуж за хозяина терема и устранили препятствие.

Татьяна прищурилась, будто принимая решение. Несколько секунд, не отрываясь, смотрела на Макара, – он готов был поклясться, что в ней идет огромная внутренняя работа мыслей и чувств. И вдруг все закончилось. Лоб ее разгладился, взгляд стал холодным и отчужденным.

– Глупый ты! – Женщина сухо улыбнулась одними губами. – При чем

здесь хозяин терема? При чем здесь терем вообще? Это могла быть, не знаю, пасека, например, или церковь...

– Какая пасека? – оторопело спросил Красильщиков. – Какая церковь? Таня, что ты несешь?..

– Господи, Андрей! Я говорю, что ты мог бы реставрировать церковь, или разводить пчел, или выращивать щенков, не имеет значения, – эта женщина хотела лишить тебя всего! Она бы тебя съела! Высосала! Не в деньгах же дело, как вы не понимаете...

– Ты ее убила? – тихо спросил он.

Маркелова поежилась.

– Какое жуткое слово...

– Таня, ты ее убила?!

Она подняла глаза на Красильщикова и долго молчала, рассматривая что-то в его лице. Потом перевела взгляд на Илюшина и твердо сказала:

– Да. Я ее убила. Вы все правильно рассказали, Макар.

Красильщиков охнул, сел на ступеньки и обхватил голову руками.

– Мне очень жаль, Андрей...

– А туфля? – спросил Бабкин.

Илюшин протянул ему пакет.

– Туфля нужна была для того, чтобы подбросить ее охотнику. Вы хотели подставить Возняка, Татьяна? Предположили, что рано или поздно появятся люди, которые станут искать Бакшаеву, и тогда она вам пригодится? Не знаю, как вы собирались это реализовать, учитывая его собаку... Но что-нибудь придумали бы. Напросились бы в гости, в конце концов. Вам это не составило бы труда.

– Где ты ее нашел? – спросил Бабкин.

– В сарае. Под корзинами для роз.

Макар отошел в сторону, положил пакет на скамью и вернулся. Татьяна стояла, словно не зная, что делать дальше. Красильщиков сидел на крыльце и раскачивался из стороны в сторону.

– Зачем? – глухо спросил он, не поднимая глаз. – Таня, заче-е-е-м?! Я... я жить не мог, когда считал, что убил, а ты – ты, думаешь, сможешь?

– Я из другого теста, Андрюша, – мягко ответила Маркелова. – Я смогу.

– А тюрьма? – хмуро спросил Сергей. – Наказание за убийство вас не пугает?

– Все ваши истории, мальчики, это лишь предположения. Где тело? Где доказательство моей причастности к убийству? Нет, и никогда не будет.

– Можно все перекопать вокруг Камышовки... – угрожающе начал

Бабкин.

Она презрительно пожала плечами:

– Перекапывайте! Ищите! Можете нанять поисковых собак, я бы так и сделала на вашем месте. Вы никогда ее не найдете.

– Вы человека убили, – сказал Сергей, с удивлением глядя на нее. – И хвастаетесь тем, как хорошо спрятали тело?

– Разве хвастаюсь? Нет. Я просто с вами откровенна.

– Да что с тобой, Таня? – вскрикнул Красильщиков и вскочил на ноги.
– О чем ты говоришь? Как ты можешь... вот это все... про то, как ты хорошо ее спрятала... Как ты можешь?!

Лицо ее дрогнуло, и маска насмешливого превосходства исчезла, точно ее стерли одним-единственным касанием. На секунду Бабкину почудилось, что художница вот-вот разрыдается, кинется на шею Красильщичкову, крикнет, что все выдумала, что ей стыдно за эту глупую выходку... Губы ее испуганно приоткрылись, и до болезненности беспомощное выражение пробежало по лицу, точно перед ними был маленький ребенок, не знающий, как объяснить свой проступок суровым взрослым людям.

Но это продолжалось не дольше секунды.

– Идите вы все к черту, – с кривой улыбкой сказала Татьяна. – Моралисты хреновы.

И пошла к калитке.

– Таня! – крикнул ей вслед Красильщиков.

Она не обернулась.

Хлопнула дверь, и стало тихо.

– Что теперь будет? – без выражения спросил Красильщиков.

– Если честно, скорее всего, ничего, – ответил после паузы Илюшин. – Она права. Нет улик, ничего нет. Признание... ну, скажет, что пошутила. Разыграла глупых мужиков. – Он помолчал и добавил: – Мне очень жаль, Андрей Михайлович.

Красильщиков кивнул.

Пес Чижик осторожно подошел к нему и сунул морду под ладонь.

– Я хотел бы... можно я останусь один? Макар, Сергей, я вам очень признателен... но...

Не договорив, Красильщиков обреченно махнул рукой.

– Мне жаль, – повторил Илюшин и пошел собирать вещи.

На выезде из деревни едва не застряли: колеса увязли в раскисшей грязи и машину повело. Бабкин еле справился с управлением.

– Не отпускает нас Камышовка, – пошутил он, но Илюшин не ответил.

– Давай к следователю завернем, – сказал Сергей, когда деревня и лес остались позади. – Хороший мужик, помогал нам. Надо ему рассказать. Да и вообще...

– Давай, – согласился Макар.

– Слушай, мне тоже жаль, что все так обернулось. – Бабкин покосился на друга. – Идиотизм какой-то! И Красильщикова жалко, и дуру эту... Как думаешь, они снова сойдутся? Ну там, время пройдет, она извинится... «Прости, о тебе заботилась!»

Илюшин покачал головой.

– Вот и мне так кажется, – вздохнул Сергей. – Михалыч – не тот человек, чтобы сказать: ладно, убила и фиг с ней, зато у нас будут красивые дети. Пакостное ощущение от всей истории. И незавершенный этот, как его...

– ...гештальт.

– Он самый.

– Почему?

– Тело Бакшаевой не нашли, потенциальную ячейку общества разрушили...

– Дело-то раскрыли, – сказал Макар.

– Ага, раскрыли, – пробормотал Бабкин.

В Уржихе под колеса с отчаянным лаем бросилась мелкая шавка.

– Куда лезешь, бестолочь, – рявкнул Сергей, отворачивая в сторону. – Раскатаю ведь как пиццу... Макар, позвони пока следаку, предупреди, что приедем... телефон у меня в куртке, сзади.

– Со своего позвоню. – Илюшин полез в карман и вытащил свернутую вчетверо бумагу. – Это что такое?.. А! Карта!

Острые пики леса, дорога, похожая на реку с притоками. Он внимательно рассматривал рисунок.

– Маркелова изобразила? – спросил Бабкин. – Надо было тебе автограф попросить.

– Я попросил.

– Предусмотрительный! Когда Бакшаеву найдут, а Татьяну осудят за убийство, продашь его на аукционе за бешеные тысячи.

– Здесь что-то еще, – с удивлением сказал Илюшин, развернув бумагу целиком.

– Что?

Макар озадаченно рассматривал рисунок на другой стороне листа: дерево, с которого свисает шарообразное гнездо; двух птиц, подлетающих к нему; ребенка, положившего руку на ствол, и человека, стоящего с задранной вверх головой. Штрихи короткие, обрывистые, резкие, словно рисовали в большой спешке.

– Где-то я это уже видел... – пробормотал Макар. – Странно!

Птицы, дерево, гнездо. Птицы, дерево, гнездо...

Он повторял это про себя, как считалку: птицы, дерево, гнездо... Отчего-то эти слова были ему знакомы, и он силился вспомнить, кто уже говорил их при нем.

– Птицы, дерево, гнездо... – неуверенно произнес вслух Илюшин, и вдруг его озарило. – Серега, стой!

– Что такое?

– Стой! На обочину, сейчас же!

– Да что такое-то?

Бабкин свернул на полосу мокрой травы и включил «аварийку».

– Ты чего, Макар? – он взглянул на возбужденное лицо своего друга и догадался, что происходит. – Ты понял, где тело? Понял, да?

– Нет... не важно... подожди! – Илюшин судорожно рылся в карманах куртки. – Черт, где он?

– Кто?

– Телефон! А, вот!

– Да кому ты звонишь?

Но Макар уже набирал номер.

– Надежда Павловна? – сказал он, едва ему ответили. – Скажите мне: чем болел муж Филимоновой? Филимоновой! Дом на окраине, в саду! Вы же их знаете! Яковлева говорила, что жена чем-то лечила своего Митю... От чего она его лечила?

Трубка загнусавила жалобно. Илюшин скрипнул зубами.

Бабкин протянул руку и забрал у него телефон.

– А ну, хватит ныть! – страшным басом рявкнул он. – Будешь ныть, сгною в камере! Отвечай про Филимонова, быстро! Чем он болел?

Поток жалоб оборвался. В трубке заговорили робко и тихо.

– Понял тебя, – другим голосом сказал Сергей. – А ты уверена? Ага. Ясно. Спасибо. Будешь жить.

Он вернул телефон Макару.

– Бакшаева говорит, у него язва желудка и двенадцатиперстной кишки. Чуть не помер, говорит.

Они с Илюшиным молча уставились друг на друга. Бабкин выругался

в сердцах.

– Василий, сукин сын! Как ребенка меня обвел! Какое, к бесам, спиртное у Филимоновых, если хозяину нельзя ни капли! Макар... Макар!

Илюшин уставился перед собой, словно окаменев; невидящий взгляд был устремлен сквозь стекло.

– Собака, – пробормотал он. – Черт возьми, собака же...

– Какая собака?

– И машинка...

– Какая машинка?

– Вот почему птичьи гнезда...

– МАКАР! – взвыл Бабкин.

Илюшин вздрогнул и обернулся к нему.

– Чижик, – объяснил он.

Сергей стиснул зубы.

– Что – чижик? Что – чижик?! Я тебя самого прикончу, богом клянусь!

Ты будешь отвечать по-человечески или нет?

Макар глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Я знаю, где тело Бакшаевой.

* * *

– Зачастили вы, голуби, – криво усмехнулся Василий, открыв сыщикам дверь. – Может, прописку вам оформить?

– Нина Ивановна далеко? – спросил Бабкин.

– Нинка! К тебе ухажеры!

Из глубины дома донеслись неторопливые шаги.

– Опять вы? – Худякова покачала головой. – Милые мои, дайте отдохнуть старухе. Что знала, все вам рассказала.

– Мы не за этим, Нина Ивановна, – сказал Макар. – Просто теперь наша очередь рассказывать.

Старуха удивленно вскинула брови.

– Ну, проходите... Сказочники! Василий, чай поставь.

– Сама поставь...

– Нина Ивановна, спасибо, не нужно чаю. Нас с вами Красильщиков ждет.

– Андрей Михалыч? А он-то что?

– Он нас ждет, – повторил Макар. – Василий, и вас тоже.

Бродяга заартачился, но Худякова одним взглядом успокоила его.

– Душегрейку мне подай, милый... И клюку.

– Нина Ивановна, зачем вам клюка? – спросил Илюшин. – Вы же не хромаете.

– Муж мой прихрамывал. – Худякова вышла вместе с ними. – Палка от него осталась. Я как начала с ней ходить, так и не отвыкла.

Пальцы крепко обхватили деревянный набалдашник.

– А ты, поди, думал, что за этим секрет какой? Нету никакого секрета, Макар. Простые мы люди, без всякого двойного дна.

Возле горниста Илюшин попросил подождать его пару минут, забежал во двор Маркеловой и вышел в сопровождении Татьяны. Худякова поджала губы и ничего не сказала. Василий молча отвернулся. Бабкин многое бы отдал за то, чтобы узнать, какими словами Илюшин уговорил художницу идти вместе с ними.

Странная процессия медленно двигалась по Камышовке. Впереди быстро и легко шагал Макар, в стороне – Татьяна Маркелова в своей ярко-желтой куртке, неуместной на фоне окружающего сдержанного пейзажа, как воздушный шарик в колумбарии. Худякова и Василий чинно шли посреди дороги, плечом к плечу, неуловимо похожие друг на друга, как супруги в старости. Замыкал шествие Бабкин, словно отрезая путь к отступлению.

Редкие прохожие оборачивались и провожали их недоуменными взглядами.

Дойдя до терема, Илюшин громко постучал. Дверь открыл Красильщиков и несколько секунд изумленно обводил взглядом всю компанию. Бабкин рассмеялся бы, глядя на его ошарашенное лицо, если бы не знал, о чем сейчас скажет ему Макар.

– А ты ведь, милый, соврал, – проскрипела за спиной Илюшина Нина Ивановна, проницательно взглядываясь в хозяина дома. – Не ждал нас Андрей Михалыч...

– Соврал. Андрей Михайлович, у меня к вам разговор.

– Я думал, вы уехали!

– Приехали обратно.

– Письмо позвало в дорогу, – буркнул Сергей.

– Давайте во двор выйдем, – попросил Илюшин.

Они послушно двинулись за ним: как дети за воспитательницей, подумал Бабкин, и сквозь их видимую враждебность и закрытость, сквозь их нежелание слушать Макара и подчиняться ему пробивались робость и страх: они побаивались его, сами не зная почему. Даже Красильщиков побаивался.

Илюшин вывел их на расчищенную площадку возле пруда. Мостки спускались в воду, у берега толкались прозрачные льдинки, и снова невесть откуда пахло яблоками и соломой.

– Ну? И что это за кружок по интересам? – хмуро спросил Красильщиков, избегая смотреть на Маркелову.

Василий грубо, с силой поскреб ногтями щетинистую щеку и сплюнул. Худякова двумя руками оперлась на клюку.

– Я вас собрал, потому что то, что я скажу, касается каждого. – Макар оглядел их всех, задержав взгляд на старухе. Она встретила его со спокойной твердостью, едва заметно откинув голову назад и выпятив острый подбородок. – Пятнадцатого августа, как вы все знаете, была убита Вера Бакшаева...

– ...предполагаете, а не знаете, – поправила Худякова. – Труп где? Нету трупа! Бегаёт, поди, Вера эта по мужикам, водку хлещет.

Маркелова ещё глубже запахнулась в куртку.

– Нет, – сказал Илюшин. – Не бегаёт и не хлещет. Ее история закончилась. С одной стороны, это хорошо. Вера Бакшаева была дурная женщина. Двадцать пять лет назад она стала жертвой преступления: один из тех, кто ухаживал за Верой, сжег ее дом и убил Леонида Возняка. Она видела, кто это сделал, но ради денег оклеветала невиновного. Две жизни оказались разрушены: ваша, Нина Ивановна, и вашего сына.

Худякова промолчала, едва заметно дернув губой.

– С другой стороны, убийство Бакшаевой – худшее, что могло случиться со всеми вами.

Василий откровенно усмехнулся, словно говоря: мало ты, парень, видал в этой жизни; бывает и похуже.

– Два часа назад вон на том крыльце уважаемая Татьяна Сергеевна призналась, что это она убила Веру, – сказал Макар.

Худякова явственно вздрогнула и уставилась на художницу. Василий сделал шаг вперед.

– Они ничего не докажут! – торопливо сказала Маркелова. – Мне ничего не будет! Это недоказуемо! Слышите? – она нервно дергала воротник куртки. – Недоказуемо!

– Таня... – пытался остановить ее Красильщиков.

– Да, убила! Не хотела Андрею такой жизни, как... нет, не важно, не имеет значения... убила – и все! И хватит об этом! Ее никогда не найдут!

Последние слова она выкрикнула с такой силой, какой Бабкин и не подозревал в ней. Словно волна прокатилась от этой женщины, окатив жаром каждого из них.

– Таня... – начал Василий.

– А ты молчи! – Она сжала кулаки и шагнула ему навстречу. – Дрянью! Нина Ивановна тебя щадит... свои грехи через тебя замолишь хочешь. Тебя здесь вообще не должно быть!

– Таня, что ты... зачем ты...

– Это игра, Андрей Михайлович, – сказал Илюшин. – Татьяна, вы можете уже перестать, правда.

Она растерянно замолчала.

– Удивительная вещь – чувство вины, – задумчиво сказал в пространство Илюшин. – Оно и само по себе толкает людей на невообразимые поступки. А уж если его помножить на чувство долга, получается совсем уж дьявольская смесь. Вы назвали меня глупым, – обернулся он к художнице, – и были абсолютно правы. Я дурак, потому что решил, будто вы хотите заполучить мужчину с большим красивым домом. Это же было очевидно! Лежало на поверхности! Мне в голову не пришло, что вас так сильно покалечило событиями двадцатипятилетней давности.

– Нет... все неправда...

– Сколько вам было? – перебил он. – Десять лет? Девять? И что он сказал вам? Чем пригрозил, ну, признайтесь уже! Я знаю, вы панически его боялись, потому что ваш поступок можно объяснить только страхом ребенка перед могущественным взрослым. Но все-таки – что именно? – Макар прищурился, словно пытаясь разглядеть что-то перед собой. – Будь я на его месте, сказал бы, что пристрелю ваших близких и ничего мне за это не сделают.

Судорожный вздох. Она стояла, тяжело дыша, и Бабкин испугался: не упала бы.

– Что происходит? – Красильщиков кинулся к ней, схватил за руку. – Макар! Таня!

Худякова и Василий замерли, не сводя с нее глаз.

– А вы не знали, да? – Илюшин сочувственно взглянул на старуху и бродягу. – Ну, правда: неужели вам в голову не пришло, что ребенок отказался дать показания в суде, потому что его запугали?

– Показания? – Красильщиков вытер вспотевший лоб и умоляюще посмотрел на Бабкина. – Сергей! Пожалуйста! Ну что такое, господи...

Бабкин вздохнул.

– Иван Худяков, которого Вера обвинила в поджоге и убийстве, утверждал, что не мог ничего поджечь, потому что был в лесу, – сказал он. – И сослался на ребенка, вместе с которым они собирали птичьи яйца. А ребенок... Ну, ребенок не подтвердил.

– Она не могла, – с безмерной жалостью, поразившей Бабкина, сказал Макар, глядя на молча плачущую Татьяну. – За два года до этого Григорий Возняк убил человека, любовника своей жены; загнал в болото под дулом ружья и утопил. У этого преступления был свидетель, старый никчемный алкаш Савелий Кужма.

Худякова охнула и закрыла рот ладонью.

– Кужма выболтал то, что видел, нескольким детям. Я не знаю, зачем он это сделал. Факт в том, что очень многие были уверены: Возняк – убийца. Так что когда Григорий поймал маленькую девочку и пригрозил, что убьет ее родных, если она скажет следователю правду, она приняла все за чистую монету. Он ведь уже убил один раз. Значит, мог сделать это и во второй.

– Это правда? – громко спросила Худякова. – Таня! Танюша! Посмотри на меня! Правда или нет?

Маркелова молча кивнула, сдерживая рыдания.

– Почему мне не сказала? – простонала старуха. – Господи, девонька! Дурочка моя бедная! Почему?

– Так ведь она считала себя виноватой, Нина Ивановна, – сказал Илюшин. – Винила за глупость. За то, что поверила Возняку. За то, что предала дружбу.

Он взглянул на Василия в упор.

– К-какую дружбу? – тихо спросил Красильщиков. – С кем?

– Они дружили, Андрей Михайлович. В лес ходили вместе... Один подсаживал, другая забирала добычу из гнезд. У Нины Ивановны дома целая кладка птицы ремеза: нежно-белые шарики, все в веснушках. Ремез вьет гнезда на иве: плетет «варезку» из травы и подвешивает его к ветке. Раздобыть его яйца трудно. Двадцатилетний парень не смог бы их достать. А вот ребенок – запросто!

– Василий...

– Да не называйте вы его так! – в сердцах вмешался Бабкин. – Какой он, к черту Василий! Иван это! Иван Худяков.

Красильщиков пару секунд ошарашенно молчал, затем размашисто перекрестился.

– Святой Боже... Да вы что, мужики, ополоумели? Ему шестьдесят! Он старик!

Василий отпустил руку Нины Ивановны и выпрямился. Острый взгляд полоснул Илюшина и Сергея.

– Хороший ты человек, Михалыч, – вздохнул Бабкин.

– При чем здесь...

– И в тюрьму, должно быть, не попадал?
– Бог миловал...
– Ну, а его, – Сергей кивнул на бродягу, – не миловал. Сколько ты отсидел в общей сложности, Иван Степанович?
– Двадцать лет, – хрипло сказал Худяков и откашлялся.
– Вася! – вскрикнула Нина Ивановна.
– Перестань, мать. Видишь же, догадались. И Таньке я не позволю это все на себе тащить... ты чего удумала-то, Тань?
– Вы – Худяков? – недоверчиво переспросил Красильщиков. – Вам же не должно быть больше... сорок три? сорок пять?

Иван усмехнулся:

– Этот товарищ тебе все верно разъяснил. Никого не убивал, но двадцать годочков посиди-ка. До сих пор бы зону топтал, если бы сам себя не амнистировал.

– Вы, Нина Ивановна, гениальная женщина, – сказал Илюшин. – Где умный человек прячет лист? В лесу. Мне вот что хотелось у вас спросить: вы всю эту затею с подобранными бомжами затеяли, уже зная, что ваш сын в бегах? Никак не могу сопоставить даты, честно говоря...

Старуха покачала головой. Иван вырос и распрямился, она уменьшилась и постарела за эти несколько минут.

– Не знала, Макар. От души поступала, как сердце велело. А потом, когда Ванька появился, решила, что Божий знак, не иначе. Получилось так, будто я заранее к его побегу готовилась. И никто уже в Василии Ваню моего не увидал.

– Положи на видное место то, что хочешь спрятать. Вы и между собой безупречно все разыграли.

– Только с четками промахнулись, – буркнул Сергей.

Илюшин вопросительно посмотрел на него.

– Он пальцами шевелит специфически, – пояснил Бабкин, кивнув на мнимого бродягу. – Я поздно сообразил: так эки тюремные четки перекидывают.

Макар кивнул.

– Я начал задумываться только недавно, – сказал он. – Отчего все называют Василия пьяницей и бездельником, когда он не пьет и постоянно помогает не одной, так другому? Это вы, Нина Ивановна, постоянно твердили, что держите его из милости. Он мог бы жить при вас годами. За все это время только два человека узнали его. Татьяна – потому что у нее профессиональный взгляд художника. Ее не обманула ни борода, ни то, что Иван выглядит на двадцать лет старше паспортного возраста. Она его

узнала и притворялась, что не знакома. Но потом случилось пятнадцатое августа. Иван, как вы встретили Веру?

Худяков помолчал.

– Ночью, – сказал он наконец. – Гулял по дальнему концу деревни. Ни к какому Филимонову не заходил, чего мне у него делать... Непьющий он. Так, держал на всякий случай в уме, что есть хата и ключ от нее. Но хата у меня и своя имеется. Просто нравилось мне там... От людей подальше. А когда огонь издали увидел, бросился обратно. Смотрю – женщина идет, качается. Я – к ней: думал, пьяная она, поддержать бы ее, чтоб не завалилась... А она на меня глаза вскинула, я и заорал как больной.

– Вы ее сразу узнали?

– Ее забудешь, как же!

– Она растолстела сильно...

Худяков пренебрежительно махнул рукой:

– Это все шелуха. Взгляд у нее тот же. Муху кусачую, лютую скрестить с бешеным волком – вот такой взгляд. Она, когда я вздрогнул, всмотрелась в меня пристальнее, и вдруг заулыбалась во весь рот. До ушей! Ба-а! – говорит. – Это ж наш Ванюша!

Иван покачал головой.

– Я ведь много раз представлял, как мы встретимся. Как я в глаза ей посмотрю, а она плакать станет и прощения просить. А когда до настоящей встречи дошло... Какое там прощение! Верка мигом просекла, что я в бегах. Знала откуда-то, что у меня еще срок не вышел... Я сначала думал: боялась меня, а потом понял: ни хрена она не боялась. Ни бога не боялась, ни черта, ни Гришки Возняка. Смотрит на меня, прищурилась такая и тянет: «Ванююююшка! Да ты беглый зэк!» Вся в грязи, в земле с ног до головы. Волосы всклокочены. А зубы все равно скалит!

Макар понимающе кивнул.

– Что она вам сказала? Что сдаст вас в полицию?

– Верно, – усмехнулся Худяков. – Даже покраснела от удовольствия. Ты, говорит, пойдешь за побег на новый срок! Сдохнешь за решеткой, Иван! Улыбается, а у самой глаза злющие-презлющие! Я только тут и понял, что она меня ненавидела все это время почище, чем я ее. Вера была не из тех людей, которые говорят себе: я невиновного в тюрьму отправила. Она себя, красавицу, сто раз оправдала: плохой был человек Иван Худяков и на воле ему не место.

– И вы ее убили.

– В голове помутилось, – сказал Иван, не зная, что почти дословно повторяет слова Красильщикова. – И в ушах звон... Она мне в лицо

скалилась. Совсем не верила, что я на нее пойду. А я пошел. Она баба здоровенная, а я... Чего я? Правильно Михалыч сказал: старик; старик и есть! Лицо у нее удивленное стало, а глаза все равно были злые... Были, – повторил он.

Уронил руки, ссутулился и тяжело опустился на мокрую землю – дряхлый, разрушенный, умирающий человек. Худякова кинулась к нему, но Иван отрицательно качнул головой.

– Не надо, мать... Отсиджусь. – Он поднял глаза на Макара. – Но вот труп ты, умник, не найдешь. И слава богу! И не надо этого, никому не надо.

– Я уже нашел, – сказал Илюшин. – Когда увидел рисунок Татьяны и понял, что он означает. Кого могла выгораживать девочка, отказавшаяся подтвердить алиби своего взрослого друга? Только его самого или его мать. Я вспомнил, что вы с Ниной Ивановной опоздали на пожар, что Нина Ивановна повредила руку, что с этого двора пропала чугунная станина от швейной машинки, а Чижик лаял как ненормальный два раза за ночь, – и вся картинка сложилась.

– При чем здесь станина? – изумился Красильщиков.

– Поправьте меня, Нина Ивановна, если я в чем–нибудь ошибусь. Когда Иван убил Бакшаеву, он оттащил тело в кусты и кинулся за вами. Пробрался огородами, чтобы не встретить никого из торопящихся на пожар. Вы прибежали, увидели мертвую Веру... Что вам было делать? Вы не знали, как скоро ее начнут искать... А действовать нужно было очень быстро. Спрятать за домом? Найдут. Выкопать яму? Нет времени. И вы придумали отличный выход! Подозреваю, что это была ваша идея, Нина Ивановна.

Старуха вздохнула, но промолчала.

– Вы притащили тело Бакшаевой сюда. Идти до терема недалеко, вдвоем справились. Вы оба сильнее, чем кажется.

– Что значит – сюда? – недоуменно спросил Красильщиков.

– Вот сюда, – показал Илюшин. – Где мы с вами сейчас стоим. Чижик рвался из конуры и лаял, как обезумевший: на его территории происходило что-то нехорошее. Нина Ивановна с сыном привязали к телу Бакшаевой тяжеленную станину и бросили его в пруд.

После его слов наступила такая тишина, что стало слышно, как за забором шуршит под ветром сухая трава. Бабкин, не успевший узнать от Макара эту часть истории, оторопел так же, как и все остальные.

– Ты сказал – в пруд? – переспросил он.

– Да.

– Бакшаева – здесь?

– Да, – кивнул Макар.

– Здесь?! – ахнул Красильщиков.

Все посмотрели на гладкое темное зеркало воды.

– Это хороший пруд, – сказал Макар. – Глубокий. А главное, земля здесь глинистая и вода непрозрачная. Я обратил внимание, когда вы устанавливали мостки для ежей. Нижних ступенек почти не видно, а ведь они уходят в глубину сантиметров на двадцать, не больше. Вера Бакшаева лежит на дне.

– Она все это время была здесь... – прошептал Красильщиков. Казалось, он близок к тому, чтобы сесть рядом с Иваном. – И никто из нас не знал...

– Почему же никто? Ваша подруга знала. – Он посмотрел на Татьяну, не отрывавшую взгляда от воды. – Когда Худякова и Иван пробежали мимо ваших окон обратно, Таня пошла по их следам. И нашла белую туфлю. Она свалилась с ноги Веры, когда ее тащили к пруду. Вы ее подняли, да, Татьяна?.. Все остальное известно. Я обвинил вас в убийстве, и вам ничего не оставалось, как согласиться: ведь иначе вы должны были рассказать про Ивана. А вы считали, что один раз его уже предали.

– Я предала, – твердо сказала Татьяна.

– Ты была таракашка мелкая, – подал голос Худяков. В глазах его мелькнула и растаяла нежность, на мгновение преобразившая его лицо: не старый беглый зэк, а веселый смешливый парень показался и пропал. – Какой с тебя спрос, дурочка... Никогда я на тебя зла не держал.

– Я держала, – сказала Худякова. – Прости, милая моя. Господи! Семьдесят лет с лишком живу, а как родилась дурой, так и помру. Да еще и в тюрьме...

Она покачала головой и, к изумлению Бабкина, улыбнулась, словно удивляясь и восхищаясь поворотами своей судьбы.

– Почему в тюрьме? – нахмурился Макар.

– А где ж еще? Я, считай, соучастница. Сына укрывала. Девку мертвую прятала. Следствие путала...

– Я не следствие, – отказался Илюшин.

Бабкин шагнул к нему.

– Подожди... Но она же права.

– В чем права? – удивился Макар.

Они стояли друг напротив друга: Бабкин, напряженный, как перед прыжком через пропасть, и безмятежный Илюшин.

– В том, что она – соучастник убийства, – медленно сказал Сергей.

– Ну и что?

Мелькнувшая у Бабкина надежда, что он неправильно понял своего друга, растворилась окончательно.

Маркелова попросила:

– Можно нам уйти? Невыносимо здесь стоять...

– В дом! – спохватился Красильщиков. – Макар, мы погреемся, ничего?

И вновь они стояли и смотрели на него, как послушные дети, ожидающие сигнала воспитателя. Илюшин кивнул, и все двинулись гуськом друг за другом; только Иван задержался на берегу пруда, но и он возле крыльца догнал остальных.

Глава 8

* * *

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал Бабкин.

– Пойдем...

Они оказались в светлой комнате с камином, выложенным изразцами. Закрыв дверь, Сергей обернулся к напарнику.

– Что ты дальше собираешься делать?

– Ничего, – Илюшин пожал плечами. – Мы раскрыли дело. Молодцы! Возвращаемся в Москву.

Бабкин придвинул тяжелый стул и сел, стараясь не выдавать своего волнения.

– Дружище, ты чего? – Илюшин с любопытством посмотрел на него. – Все нормально?

– Нет... – Он сам услышал, что голос у него сел. – Не нормально.

– Что случилось?

– А ты не понимаешь? Мы не имеем права уехать, оставив все как есть. Макар! Все эти люди совершили преступление! Все! Даже Красильщиков!

– Я в общем-то догадываюсь. – Илюшин притулился на краешке стола. – И что ты предлагаешь?

– Предлагаю? Я не предлагаю, а прямо тебе говорю: нам придется пойти в полицию. Труп Бакшаевой утоплен в пруду! А ты хочешь уехать и сделать вид, что ничего не произошло? Нам светит триста восьмая. Сколько там по ней: год заключения? Два?

– Это если следователь вызовет нас для дачи показаний, – возразил Макар.

– Триста шестнадцатая!

– Для укрывательства мы недостаточно сделали. Ты же не предлагаешь засыпать «КамАЗ» щебенки в пруд Красильщикова?

Бабкин потер лоб. В голове клокотало, путалось и бурлило.

– Послушай, – сказал он, собравшись с мыслями. – Есть закон. Человек, совершивший убийство, должен понести наказание. – Он вновь ощутил беспомощность, как бывало с ним всегда, когда он вынужден был объяснять прописные истины. – Красильщиков покушался на убийство

Веры. Суд, скорее всего, признает аффект. Теперь Худяков. Он, во-первых, бежал из колонии, во-вторых, действительно убил Бакшаеву. Понимаешь ты или нет? Эти двое – преступники, Макар. Ты хочешь быть их пособником? Я знаю, что они хорошие люди; можешь мне этого не говорить. Но даже хороший человек за преступление должен быть наказан. Это – правило. Не знаю, как еще тебе объяснить... На этом наша жизнь стоит, ну! Ну же, Макар!

Илюшин помолчал, барабаня пальцами по столу.

– Теперь я тебе кое-что объясню. – Он придвинул лежащие на краю стола тетрадь и карандаш. – Андрей Красильщиков за свое преступление получит четыре года. Иван Худяков... про Худякова можно вообще не упоминать. По совокупности, думаю, лет пятнадцать огребет. Минимум! – Макар вывел на листе «4» и «15», свернул тетрадь в трубочку и бросил Сергею. – Ты, мой друг, на нашу систему правосудия сколько отпахал? Двенадцать лет? Четырнадцать! Может быть, ты не видел, какие сроки дают наши суды, самые гуманные суды в мире? Может быть, ты думаешь, наша пенитенциарная система будет способствовать внутреннему перерождению Красильщикова из убийцы в порядочного члена общества? Или Худяков протянет там больше года?

Бабкин молчал.

– Молчишь, – кивнул Макар. – Получается, расклад у нас, дружище, такой: в твоей системе законности и справедливости два хороших человека, которых переехал каток по имени Вера Бакшаева, отправятся на зону, и один из них там и сдохнет. Мало ему было двадцати лет, давай его еще на пятнадцать закатаем! И матери его тоже не хватило: добьем уж добрую Нину Ивановну! Пожила с сыном два года, таясь от всех и называя его чужим именем, – и довольно с нее счастья.

– Хватит! – не выдержал Бабкин.

– А в моей системе пофигизма и жалости, – неумолимо продолжал Илюшин, – Красильщиков останется восстанавливать Камышовку. Женится на своей Маркеловой, детей родят, будут на себе тащить всю деревню, всех этих несчастных дряхлых старух, которые только и живы что Красильщиковым. Иван Худяков доживет свои пару лет на свободе, умрет возле матери. Так объясни мне, Серега, почему после твоей законности – выжженное поле, горе и смерть, а после моего пофигизма – жизнь и радость? А? Давай! Я тебя внимательно слушаю!

Бабкин вскочил.

– А труп Бакшаевой в пруду не мешает твоим счастливым людям радоваться? Нет?

– Не мое дело! – отрезал Макар. – Помешает – так вытащат и перезахоронят. Худякова за могилкой будет ухаживать; привычное для нее занятие!

Бабкин побагровел.

– Вся твоя система якобы милосердия сводится к тому, что хорошие люди в тюрьме сидеть не должны!

– Не должны, если они двадцать лет уже отсидели!

– Он сбежал! – рявкнул Бабкин.

– И правильно сделал! – повысил голос Макар.

Дверь приоткрылась, за ней мелькнуло чье-то испуганное лицо.

– Явятся с повинной – им всем дадут небольшие сроки!

– Если с судьей повезет! – парировал Илюшин. – Ты ручаешься, что повезет? А если попадется упырь в мантии? На одного Ивана Худякова пришлось две судебные ошибки; кто даст гарантию, что третьей не будет? Ты? Я – не дам, и ты не дашь, если у тебя есть совесть.

– Вот только к совести моей взывать не надо!

– А к чему мне еще взывать? – зло спросил Илюшин. – Не я, а ты хочешь отправить этих бедолаг под карающий пресс нашего правосудия.

– Потому что существует закон!

– Внутри меня существует закон! Мой, внутренний! Он мне подсказывает, что Красильщиков за свою попытку убийства достаточно пострадал! А про Худякова и говорить нечего! Он уже отсидел за...

Илюшин запнулся.

– Вот именно, – устало сказал Сергей. – Он отсидел за убийство, которого не совершал. А теперь на самом деле убил. Да, негодного человека, дрянного... Но ведь убил же, Макар.

– И ты считаешь, что за это он должен пойти под суд...

– Я считаю, что никого нельзя убивать безнаказанно.

Он вновь опустил на стул, провел ладонью по вспотевшему лбу.

– Я не могу рассуждать так, как ты, – после долгого молчания сказал он тихо. – Прости, Макар. Не могу. Для меня твоя логика... она опасная. Она о том, что ты ставишь себя выше закона.

– Едрить твою налево! Ну, конечно, ставлю! Любой нормальный человек свои интересы ставит выше каких-то там условных норм.

– Ну, значит, я не нормальный человек.

Илюшин перевел дух.

– Дружище, – проникновенно заговорил он, – ведь мы с тобой, в конце концов, только частные лица. Не полицейские, не следователи... Имеем мы возможность руководствоваться своими частными представлениями о

справедливости или нет?

Бабкин покачал головой.

– В том-то все и дело. Я мент, Макар. – Он неловко усмехнулся, как бы удивляясь самому себе. – Всю жизнь им был. Помнишь, ты меня высмеял... как ты придумал? про генно-модифицированного...

– Я же пошутил, Серега! – быстро сказал Илюшин. – Глупо, идиотски пошутил!

– Ты был прав. Я тогда обиделся... Наверное, потому и обиделся, что все на самом деле именно так и есть... С кристаллической решеткой.

– Слушай, ну какая еще кристаллическая решетка? – Макар умоляюще сложил руки. – Я ее выдумал. Для красного словца. У меня двойка по химии был всю жизнь, меня в восьмом классе на второй год из-за этого оставляли...

Бабкин негромко засмеялся:

– Ты школу закончил экстерном.

– Откуда ты знаешь?

– Ты мне сам проболтался пару лет назад.

– Черт, – пробормотал Макар. – Черт! Доверился тебе в минуту слабости, теперь жалею.

Они замолчали. Солнце заходящими лучами подсветило комнату мягким золотистым светом.

Дверь приоткрылась.

– Можно? – протиснулся Красильщиков. – Извините меня... Вы так кричали... Все было слышно. Можно я вмешаюсь? У вас нет предмета спора, честное слово. Я пойду в полицию.

– Не надо, – попросил Макар. – Андрей Михайлович... Черт с вами, раз вы такой принципиальный, но вы же Худякова под монастырь подведете. Если вы не собираетесь брать убийство на себя, вам придется рассказать, как умерла Бакшаева.

– Пуццай рассказывает. – В дверном проеме выросла темная худая фигура. Иван прислонился к косяку.

– А ты куда денешься? – спросил Макар. – Опять в бега?

– Не. – Иван коротко мотнул головой. – Отбегался. Здесь останусь. Мне бы только Надежду уговорить, чтобы рассказала правду... Чтобы не думали плохого. Не обо мне, о матери.

За ним виднелись молчаливые Нина Ивановна и Маркелова.

– Вы идиоты, – с безмерной горечью сказал Илюшин. – Упертые бараны! Бакшаева никогда в жизни не скажет правду! Она панически боится Возняка.

– Так, все. – Бабкин поднялся. – Вы извините, но мне нужно проветрить голову. Скоро вернусь.

Все посторонились. В прихожей он накинул куртку и вышел, жмурясь, на крыльцо.

* * *

Илюшин никогда не узнал, что спас от гибели Татьяну Маркелову. Через пять минут после того, как он уговорил ее отправиться вместе с ним к Красильщикову, во двор Маркеловых огородами прокрался Петр Возняк. За спиной у него висело охотничье ружье его отца.

Он толкнул незапертую дверь, вошел в дом и огляделся. Где баба? Григорий ничего не сказал про нее, а ведь она тоже знает, кто поджигал Бакшаевых.

Но Петр умный. Очень умный. Он сам догадался!

– Э-э! – позвал он. Искать не хотелось: пусть выйдет сама. – Иди, чего покажу... – Конфетку дашь? – тоненько ответил он сам себе, подражая женскому голосу. – Может, и дам! – Не хочу! – Ну, гляди... Другой раз не позову. А хочешь, кое-чего другого дам? – Хочу! – Ах ты...!

Он стоял в пустом доме и разговаривал сам с собой, передразнивая отсутствующую хозяйку. Понемногу этот диалог наполнился непристойностями, вызвавшими на губах Петра слабую улыбку.

Но солнечные лучи царапнули стену, и Возняк пришел в себя. Нужно помочь отцу. Сначала – те двое, потом баба.

Дом Маркеловой был выбран им еще и за удачное расположение: из окна чердака просматривался, как на ладони, весь участок перед теремом Красильщикова.

Он открыл створку чердачного окна, установил карабин с упором на подоконник и опустился на одно колено. Немного мешали низко скользящие лучи. «Танька ушла, солнце вышло». Он засмеялся в тишине пустой комнаты. Хорошо пошутил!

В прицел попала конура, кривоногий пес, бегавший по двору... Петр не любил собак. Он представил, как хорошо было бы всадить пулю в этого кривоногого... в брюхо, чтобы повизжал! Пожалуй, после, когда он закончит с делами.

Ему самому нравилось вспоминать про пожар. Больше всего в городе Петру не хватало огня, живого пламени. Он покупал спички для камина и чиркал ими, сжигая сотнями: целиком, до обгорелых черных головок. Но

это все, конечно, было не то. А тогда, в девяносто первом, все получилось так, как он хотел... Ух, как пылало! Горячо, горячо! И человечки вокруг мельтешат, суется. Сам он не суется, стоял в стороне, сложив руки на груди, неосознанно подчеркивая, как сильно отличается от них; по спине бежали мурашки при мысли о том, что эта разбушевавшаяся стихия вызвана им. Грандиозность пожара бросала отсвет величия и на него, Петьку Возняка. Жаль, никому нельзя было сказать: отец запретил, пригрозив, что иначе убьет.

Он бы не возражал, если б о его поступке узнали все. Кто таков Петр Возняк? Что о нем думают в Камышовке? Ничего не думают. Он ничтожество. Ни одна живая душа не вспоминает его, кроме бати. Но если им рассказать, они поразятся! Поймут, как сильно его недооценивали. Может, поэтому он и продолжал цепляться за Веру – единственного свидетеля, знавшего о его свершении.

Верка, Верка... Когда Петр, уже в ночи добравшись до деревни, пришел к дому Бакшаевых и обнаружил, что машина стоит под навесом, а самой Веры нет дома, он обрадовался. Отцу можно врать сколько угодно, но самому себе – к чему? Его охватила не ярость, не ревность, а счастливое возбуждение: наконец-то! Наконец-то снова будет огонь! Он чувствовал, что имеет на это моральное право. Она ему изменяет! Сам бог велел сжечь ее избу.

Но в этот раз он делал все в спешке, и вышло плохо. Ожидая, что неудачливого поджигателя станут искать, Петр сбежал в лес и даже отцу боялся показываться на глаза, лишь по вечерам выходя из леса, как дикий зверь к жилью, и забирая еду, которую Григорий оставлял для него за баней.

Эх, батя, батя...

На дороге, ведущей от терема, показалась высокая фигура. Петр прильнул к окуляру прицела. Вот он, гнида... Второй прибежит – снимем и его.

Дышать ровно.

Глубоко дышать.

Задержать дыхание перед выстрелом на четыре секунды.

Три.

Два.

Один.

– Вы что, в самом деле решили идти с повинной? – спросил Илюшин, когда Сергей ушел.

Красильщиков вздохнул.

– Макар, по-другому не получится. Ваш друг прав. У меня в пруду лежит тело убитой женщины. Думаете, я смогу спокойно спать, зная об этом?

– Врешь ты все, – подал голос Иван Худяков. – Поди, станину жалеешь! Хорошая станина, резная. Вытащить бы ее и приспособить заново...

– А вот с Бакшаевой так не получится, – не удержался Макар.

– Зря я ее убил, – сказал Худяков. – Надо было дать ей по морде – и снова в бега. Правда, устал я бегать... Два года в Москве бомжевал, считай, и не жил, а гнил... Да и тут...

– Вытащите тело ночью, – проникновенно сказал Илюшин. – Заранее выкопайте могилу в лесу. Заверните в полиэтилен, отвезите туда на машине и забросайте землей. А потом живите дальше! Хоть отмаливайте грехи, хоть заглаживайте благотворительностью! Зачем вам обязательно нужно пострадать и публично покаяться? Это что, национальная русская черта? Или вам так опостылела Камышовка, что в тюрьме будет лучше? Так и скажите честно; это я пойму. Мне самому тут у вас не особо...

Татьяна положила ладонь ему на рукав, и Макар осекся.

Они смотрели на него, все четверо: Нина Ивановна, Маркелова, ухмыляющийся Иван и Красильщиков с понимающими собачьими глазами, и лица у них были такие, будто они знают что-то, чего не знает он.

– Ничего, ничего... – сказала Худякова, словно успокаивая его. – Дай бог, жизнь будет...

– У кого? – тихо спросил Макар. – Опомнитесь! Не будет у вас никакой жизни! Иван, ты-то хоть не сходи с ума! Вещи собери – и уезжай! Ты же знаешь, никто из нас тебя не выдаст.

Иван снисходительно улыбнулся ему, и вновь из обтрепаннейшей оболочки выглянул молодой парень с веселыми глазами.

– Сам беги, марафонец хренов. А твой Серега дело говорит!

– Убью Бабкина, – пробормотал Илюшин.

В следующую секунду ударил выстрел.

Все вздрогнули. Короткую ошеломленную тишину прорезал женский крик.

Никогда прежде Красильщиков не видел, чтобы человек так стремительно бледнел. Илюшин встал; лицо его было совершенно белым. Он сделал два нетвердых шага, хрипло сказал: «Серега...» – и кинулся

наружу.

Когда Нина Иванова, Татьяна, Худяков и Красильщиков, запыхавшись, прибежали к дороге, там уже собралась небольшая толпа. Люди расступились, и стало видно, что возле лежащего ничком тела на коленях стоит Илюшин.

Худякова перекрестилась.

– Господи! – пробормотала она. – Господи, не допусти...

– Я иду, вдруг как бахнет, а он упал, – плаксиво говорила женщина. – Шел и упал, даже не крикнул. Что ж это творится... Кто его так?

– Искать будут...

– А точно мертвый?

– Точно, точно. Уже проверили. Вон этот, белобрысый. Пульса, говорит, нету.

– За что же его так, ох, за что же...

– Видать, было за что.

– Стрелял-то кто, бабоньки?

– Кто ж тебе скажет! Не знаем...

– Вон оттуда стреляли, – сказал громкий басовитый голос. Услышав его, Нина Ивановна перекрестилась снова. – Из маркеловского дома, там и окно распахнуто. Слышишь, Макар? Макар! Ты полицию вызвал?

– Как я тебе ее вызову, – огрызнулся Илюшин, – в этой дыре телефон мой не ловит. Сам позвони!

– Едут они уже, – подсказали из толпы.

Красильщиков протиснулся мимо односельчан и сел на корточки рядом с Илюшиным.

– Снайперский выстрел, – сказал за их спинами Сергей Бабкин, рассматривая пулевое отверстие во лбу убитого.

Григорий Возняк лежал щекой в песке, удивленно глядя перед собой. Капюшон темно-синей куртки свалился с головы, когда он упал.

– А ты где был, когда стреляли? – не оборачиваясь, спросил Илюшин.

Бабкин смутился.

– У Капитолины. Пришел выпросить связку грибов... а тут пальба.

– Тебе лишь бы жрать, – удрученно сказал Макар.

Он поднялся, взглянул на Бабкина, хотел посоветовать, чтобы тот поставил свечку за здоровье человека, продавшего ему эту куртку... Но в последний момент удержался.

– Ты чего, Макар? Все нормально?

Бабкин с беспокойством вглядывался в его лицо.

Илюшин помолчал.

– На меня тоже возьми грибов, – сказал он наконец. – Лучше всего подосиновиков.

Эпилог

Февраль, 2017

Такси доставило его до Уржихи. Там Макар отпустил водителя и пошел пешком, слушая поскрипывание снега под ногами.

Точь-в-точь пенопласт.

Лицо покалывало от мороза. Из тусклого длинного неба падали редкие хлопья, и было так тихо, словно жизнь то ли закончилась, то ли еще не начиналась.

Илюшин поднялся на пригорок и остановился. Перед ним лежала зимняя деревня: опрокинутые лодки черных крыш, укатанная дорога, сугробы и заснеженные палисадники. Издалека принесло запах дыма. На одном из коньков сидела ворона, и Макар вспомнил, как уже стоял однажды на похожем пригорке.

Невдалеке заскрипели шаги. Илюшин обернулся: из леса выбиралась старуха Худякова в ушанке, лихо заломленной на одно ухо, что придавало ей разбойничий вид; на боку у нее висела корзина. Нина Ивановна подошла, встала рядом с Макаром и тоже стала смотреть. Некоторое время они стояли молча.

– Если на похороны, то опоздал ты, мой милый, – сказала, наконец, старуха. – Двенадцать дней как отпели. А если на свадьбу, то рано. Говорят, в мае сыграют. Танька уже всюю в тереме хозяйничает. Чижика разбаловала! Спит теперь на подушке, оглоед.

– Он сильно мучился? – спросил Макар.

– Красильщикову дали два года условно. Да ты, должно быть, знаешь! Андрей Михалыч сказал, что адвоката прислали вы с Сережей. Видала я его издалека: дрищ дрищом, и ботинки желтые. Тьфу, позорище! Но вроде справился.

– Он сильно мучился? – спросил Макар.

– А, чуть не забыла! Петьку-то поймали. Знаешь, как нашли? Он в лесу поджег избушку егерей и сидел-смотрел, пока его крутили. Совсем рехнулся! Шутка ли: родного отца застрелил. Суд, говорят, в апреле. Вот не знаю: идти, не идти? Капитолину бы отправить, так ведь она потом все перевернет...

– Он сильно мучился, Нина Ивановна?

Худякова помолчала.

– Тихо ушел, как перышко улетело, – сказала она. – Двух дней до приговора не дожил. Когда Надька Бакшаева давала показания, все наши собрались. Даже Яковлева пожаловала! Уставший он был, Макар. Под конец меня к нему пустили, правда, только один раз... Он все время спал, но проснулся, узнал меня. Я его спрашиваю: чем тебя порадовать, Ваня? А он в ответ зубы скалит: прекрати, говорит, позориться и своими драными колготками заматывать саженцы на зиму! Купи, говорит, спанбонд. Это типа ткани такой, для садоводов. И смеется. Похоронили его у нас на кладбище, в лесочке. Весной рябину там посажу. Рябинка – красивое деревце, и приживается хорошо.

Ворона, покачиваясь, прошла по коньку.

– Ишь, повадилась, дрянь такая, – беззлобно сказала Худякова. – Прилетит и ждет!

– Чего ждет?

– Меня ждет. В лес со мной не ходит, к деревне жметя. Я так думаю, Верка это...

– Какая Верка? – осторожно спросил Илюшин.

– Да Бакшаева.

Макар покосился на Нину Ивановну. Старуха приветливо смотрела на него ясными глазами.

– Точно тебе говорю, она! Ходит, виноватится! Я ее мясом подкармливала, так она поначалу стеснялась брать.

– Она просто вас боялась, Нина Ивановна, – сказал Макар. – Птица же! Дикая.

Старуха рассмеялась:

– Это ты, милый мой, кому другому рассказывай. Верка отродясь никого не боялась, через это и смерть приняла: через злобу свою и дурное геройство.

– Верка, значит... – протянул Макар.

– Верка, – согласилась Худякова.

– А раз Верка, – с нарастающей яростью сказал Илюшин, – так возьмите ружье да пристрелите ее к чертовой матери!

– Это зачем же? – удивилась старуха. – Она мне в радость. Неделю назад Белка съела щепу, пока я прибиралась у Ларисы Яковлевой. Встала щепка ей поперек горла, и стала Белка подыхать. Видал когда-нибудь такое?

– Не видал...

– И слава богу. Дернуться не может, больно ей. А тут ворона! Так разоралась, что я от Ларисы выскочила как ошпаренная. Сразу поняла:

случилось что-то. Неужели, думаю, снова-заново пожар? Прибежала, смотрю: издыхает моя шавка. Ворона как меня увидела, сразу и каркать перестала. Понял ты теперь?

– С Белкой-то что? – спросил Макар.

– Оклемалась! Я ее к Маркеловой отнесла. Танюша ей но-шпу уколола и еще что-то, я уж забыла. Если б не Бакшаева, я бы сейчас не с тобой языком чесала, а лежала бы мордой в подушку и редела. Смерть Верке на пользу пошла, – уверенно закончила Худякова. – Такое не с каждым случается. Ладно, пора мне... Ты заходи! Я тебе свежих грибов пожарю.

– Каких еще грибов? – спросил Илюшин, с ужасом утверждаясь в мысли, что старуха сошла с ума. – Нина Ивановна, сейчас зима...

Худякова сбросила с плеча ремень и отдернула тряпку, которой было закрыто содержимое корзины.

– Видишь?

– Это что такое? – спросил ошеломленный Макар.

– Чего-чего! Вешенки! Их, если хочешь знать, всю зиму собирают. Если, конечно, она не сильно морозная. Эх, милый мой... Тебе бы в деревне пожить годик-другой! Что ты там в Москве своей видишь! Приезжай и друга привози! Поселитесь у Красильщикова, терем просторный, места всем хватит... Ладно, пойду; еще вон в ту рожицу не заглядывала.

Она бойко поковыляла в сторону березового перелеска. Через двадцать шагов обернулась:

– Эй! А ты зачем приехал-то, Макарушка?

– Дело есть! – громко отозвался Илюшин.

– Ох, туману напускаешь! Ладно, вечером заходи!

– Зайду обязательно, – пообещал Илюшин, и когда Худякова скрылась из виду, вполголоса добавил: – Только сначала к Яковлевой, пока жива.

Он поправил рюкзак, в котором лежали сшитые на заказ белые туфли-лодочки, и пошел вниз, к деревне.